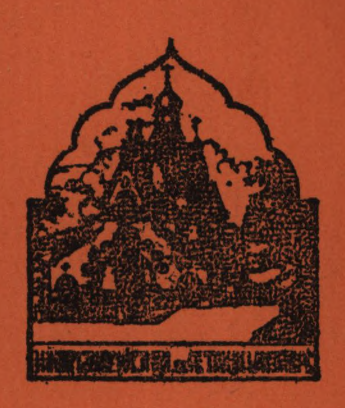
Архимандритъ Константинъ.

Лекціи по исторіи Русской словесности,

читанныя въ св. Троицкой семинаріи.

Часть вторая.

XVIII вѣкъ. Карамзинъ. Жуковскій.

Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.

Тѵпографія преп. Іова Почаевскаго.

1968 г.

Архимандритъ Константинъ.

Лекціи по исторіи Русской словесности,

читанныя въ св. Троицкой семинаріи.

Часть вторая.

XVIII ВѢКЪ. КАРАМЗИНЪ. ЖУКОВСКІЙ.

Тѵпографїа преп. Іωва Почаевскагω.
Holy Trinity Monastery, Jordanville, N. Y.
1968 г.

I.

Московское Царство. Особый то духовный міръ. Всецѣлая проникнутость Православіемъ. Значеніе Царства. Взаимоотношеніе Царства и Церкви. Отличіе отъ Византіи. Татарское иго — какое воздѣйствіе имѣло оно на духовную качественность Руси? Крѣпостной строй — какъ онъ сочетался съ духовной качественностью Руси? Только ли подобіемъ монастыря являлась Русь? Примѣры неразрывной духовной слитности русскаго народа. Измѣнилось ли что съ воцареніемъ Романовыхъ?

Нелегко уяснить себѣ истинную природу того духовнаго міра, который, оказавшись надломленъ и формально упраздненъ въ своей исходной цѣлостности Петровской Реформой, извѣстенъ подъ именемъ «Московской Руси» или, что точнѣе передаетъ его сущность, «Московскаго Царства». Широко извѣстны и достаточно выразительны многочисленныя описанія его, вышедшія изъ подъ пера западныхъ иноземцевъ, какъ подолгу на Руси жившихъ и даже служившихъ, такъ и бѣгло лишь съ ней знакомившихся. Много найдемъ порою въ нихъ цѣннаго. Но одного не найдемъ нигдѣ и никакъ: благодатнаго духа, коимъ овѣянъ былъ московскій строй. Напротивъ того, на насъ дохнетъ духъ тюрьмы, духъ какого то, какъ бы мы сейчасъ сказали, концентраціоннаго лагеря. Попавъ въ Москву, западный иноземецъ ощущалъ себя какъ бы въ странѣ безсловесныхъ рабовъ, живущихъ подъ привычнымъ гнетомъ деспотической власти и ищущихъ утѣшенія въ своей религіи — пусть и лишена она внутренняго содержанія и исчерпывается внѣшней обрядностью. Изумительный контрастъ являетъ описаніе Руси, оставленное намъ Павломъ Алеппскимъ, однимъ изъ спутниковъ Антіохійскаго Патріарха — человѣкомъ православнымъ. Съ какимъ искреннимъ восхищеніемъ изображаетъ онъ русское благочестіе, какъ храмовое, такъ и домашнее! Пусть изнемогаетъ онъ подъ непривычной и порою для него невыносимой тяжестью его, буквально падая отъ утомленія — тѣмъ большимъ проникается этотъ сиріецъ почтеніемъ къ народу русскому, такъ свободно и легко несущему, въ своей массѣ, это святое бремя.

Контрастъ этотъ открываетъ намъ внутреннюю суть московскаго строя: Православіе образуетъ его душу.

Православіе обнимало всю жизнь русскаго человѣка того времени, овладѣвая всецѣло его сознаніемъ. Жизнь политическая, общественная, культурная, домашняя — все поглощено было Церковью, все было съ ней слито нераздѣльно. Тѣмъ самымъ оказывается отчужденной Московская Русь отъ всего остальнаго міра — и это въ такой мѣрѣ, что нельзя даже разсматривать ее, какъ одно изъ государствъ, въ ряду всѣхъ остальныхъ. Раждалась естественно у русскихъ ученыхъ и мыслителей задача истолковать Россію, какъ совершенно особый культурный міръ. Прежде всего вниманіе ихъ, подъ этимъ угломъ зрѣнія, привлекало географическое положеніе Россіи, срединное между Европейскимъ Западомъ и Азіатскимъ Востокомъ. Названъ тутъ долженъ быть академикъ В. И. Ламанскій, съ его воспріятіемъ Россіи, какъ міра Славяно-Византійскаго. Историческая обоснованность такой именно квалификаціи Россіи спора не вызываетъ: въ своей исторической судьбѣ Россія, конечно, была, и наслѣдницей Византіи, и водительницей славянства. Но основная движущая сила, опредѣлившая историческій удѣлъ Россіи, тутъ не схвачена. Уловить тайну, и внутренней спаянности, и внѣшней сопротивляемости Россіи, превышающихъ всякое вѣроятіе, способенъ только тотъ, кто пойметъ промыслительное, вселенскаго масштаба, церковно-православное заданіе, нашедшее себѣ воплощеніе въ нашемъ отечествѣ, какъ **Царствѣ Православномъ.** Вотъ почему болѣе умѣстно именовать наше отечество эпохи до-петровской, не Московской Русью, а Московскимъ Царствомъ.

Слово «Царь» есть сокращенное «Кесарь», какъ именовался Римскій Императоръ, когда о немъ заходитъ рѣчь въ Новомъ Завѣтѣ. То не общій терминъ, обозначающій верховнаго единоличнаго правителя любого государства любой эпохи. То — на всю вселенную единственный монархъ, объединившій, ко времени прихода въ міръ Спасителя, подъ своей державой весь, общей исторической судьбой связанный, міръ. И когда Господь на лукавый вопросъ фарисеевъ отвѣтилъ противупоставленіемъ Богу Кесарю, то Онъ противупоставлялъ Единому Богу единственнаго Кесаря, который правилъ тогдашней «вселенной», или, какъ было тогда принято говорить, «Земнымъ кругомъ» (Orbis terrarum). О такомъ Кесарѣ говорятъ и апостолы, призывая христіанъ чтить Царя и ему повиноваться не за страхъ, а за совѣсть. Пусть воздвизаетъ Кесарь гоненія на христіанъ — то промыслительно попущено Богомъ во славу вѣры, именно такимъ образомъ всесвѣтно распространившейся. Отъ Бога поставлена власть Кесаря. Благословеніе почіетъ и на гражданскомъ строѣ, созданномъ Римской Державой. Этотъ строй обладаетъ, самъ по себѣ, исключительной цѣнностью:

онъ открываетъ, въ силу утверждаемой и охраняемой имъ личной гражданской свободы, возможность каждому распоряжаться, по своей волѣ, и своей личностью, и своимъ достояніемъ, во спасеніе души. Вотъ почему, въ этой своей непреходящей цѣнности, долженъ быть чтимъ и охраняемъ этотъ строй Церковью.

Но вотъ разсѣялась тьма невѣдѣнія: прозрѣвшій Кесарь сталъ самъ подъ знаменіе Креста. Новое возникаетъ, въ силу этого, взимоотношеніе между Церковью и Царемъ, благоговѣйно склонившимся предъ Христовой Истиной. Церкви теперь дана возможность открыто во всю ширь раскрывать все свое благодатное содержаніе во спасеніе всѣмъ. Она не только формально признана — она надъ всѣмъ превознесена и всѣми принята. Хранителемъ ея становится самъ Кесарь, въ служеніи Церкви узрѣвшій основное свое назначеніе. Совпало это судьбоносное измѣненіе — и въ жизни Церкви и въ самосознаніи Царства — съ переносомъ столицы въ Царьградъ: возникъ Второй Римъ.

Какъ опредѣлить новыя взаимоотношенія между Царемъ и Церковью? Слово «симфонія» — лучше всего характеризуетъ повелительно диктуемую внутренними мотивами согласованность ихъ служенія Христовой Истинѣ, не только совмѣстнаго, но и исполненнаго, по самому заданію своему, благодатной созвучностью. Во злѣ міръ лежитъ, почему и заданіе это особенно легко могло оказываться не только недостаточно хорошо исполненнымъ, но и намѣренно неисполняемымъ, и даже грубо попираемымъ. Пусть, однако, проходитъ исполненіе этого заданія чрезъ тяжкія испытанія, зловѣщій характеръ порою придающія исторіи Византіи, все же именно въ эту эпоху Церковь успѣла раскрыть міру всю полноту благодатныхъ возможностей, въ Ней заложенныхъ. Все «премірное», поскольку оно вообще доступно человѣческому сознанію, было въ исчерпывающей полнотѣ именно въ это время явлено міру Церковью. Человѣчеству въ дальнѣйшемъ оставалось только усвоять и хранить обрѣтенную Церковью полноту благодати, спасаясь о Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ...

Подъ силу ли это было, однако, человѣчеству? Нѣтъ! Вотъ и начинается отходъ земного человѣчества отъ этой, приближающей въ предѣльной мѣрѣ къ Небу, полноты благодати. Завѣдомое и сознательное оземленіе Христіанства возникаетъ. Въ этомъ и заключается подлинный смыслъ латинскаго раскола: историческій Римъ обособляется отъ Рима Второго, замыкаясь въ своей, въ земномъ планѣ «обновленной», церковности, все болѣе отчетливо, неприкрыто, даже демонстративно сходящей съ исходной духовной высоты Православія.

Продолжаетъ держаться въ своей незамутненной чистотѣ Православія Второй Римъ. Но сгущаются надъ нимъ враждебныя иновѣрныя силы. И вотъ въ составѣ его раждается и крѣпнетъ нѣкое новое явленіе, которому суждено было стать Римомъ Третьимъ, имѣвшимъ принять наслѣдіе и преемство Византіи, послѣ паденія ея.

Это — нѣкій новый міръ. Имѣетъ онъ новую стать, — существенно отличную отъ Рима Второго, его духовно родившаго и вскормившаго.

Глубоко, очень глубоко отличіе отъ Византіи этого, изъ ея лона возникшаго, міра. Византія, въ ея цѣломъ, органически не сливалась съ Церковью. Она только являла собою среду, обезпечившую для Церкви возможность успѣшно выполнять свое назначеніе и благодатно раскрывать, во всей полнотѣ, свои духовныя сокровища. Въ цѣломъ своемъ Византія несла въ себѣ слишкомъ большой грузъ былой античной, преимущественно греческой, культуры, чтобы оказаться способной во всемъ отожествлять свои идеалы съ Церковью. Въ нѣдрахъ Византіи сіяла неизреченная святость, до сихъ поръ своимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ осіяваюшая христіанскій міръ. Но никогда никому не пришло бы въ голову примѣнить къ Византіи, въ ея цѣломъ, слово «Святая»! Между тѣмъ, словосочетаніе «Святая Русь» не оскорбляетъ ничей внутренній слухъ! Задумавшись надъ этимъ, на первый взглядъ загадочнымъ, явленіемъ, мы легче всего проникнемъ въ существо внутренней природы русскаго міра.

Русь, принимая христіанство, всецѣло ему отдавалась, ничего не тщась за собою оставить изъ своего былого культурнаго достоянія, какъ чего то «своего», обладающаго самостоятельной цѣнностью, сохраняющей свою силу и впредь. Церковь же, по мудрости своей, ничего не отвергала изъ прежнихъ обычаевъ и обрядовъ, что поддавалось «христіанизаціи». Церковь овладѣвала такимъ образомъ всѣмъ человѣкомъ, во всѣхъ проявленіяхъ его жизнедѣятельности. Это тѣмъ легче могло быть выполняемо, что, по счастливому стеченію обстоятельствъ, явно промыслительному, Церковь являла себя русскому человѣку въ формахъ и образахъ ему понятныхъ, доступныхъ, близкихъ. Вѣдь, если принято было христіанство Русью отъ Византіи, то не на чужомъ языкѣ, а на своемъ, понятномъ — т. н. церковно-славянскомъ. Святое дѣло равноапостольныхъ Меѳодія и Кирилла, возникнувъ въ Моравіи, расцвѣтъ получило въ Болгаріи, на чьей почвѣ развернули свою просвѣтительную дѣятельность бѣжавшіе отъ преслѣдованій преемники моравскихъ первоучителей. «Золотой вѣкъ» болгарской церковности былъ сорванъ вмѣшательствомъ Византіи, съ которой въ открытое политическое

соревнованіе вступила Болгарія. Обрушилась Византія на Болгарію. Пусть основанія лишь политическія обусловили этотъ натискъ: единовѣрная Византія своею сокрушительною тяжестью ниспала и на питавшую повышенный національзмъ болгаръ — ихъ собственную церковность — славянскую. Гоненіе постигло служителей Церкви, вышедшихъ изъ Кирилло-Меѳодіевскаго гнѣзда. Возникла естественно тяга къ бѣженству среди церковно-славянскаго духовенства. Пришло же это какъ разъ ко времени крещенія Руси! Съ радостью могла принять Русь болгарскихъ священниковъ, въ ней обрѣтавшихъ благодатное поприще для миссіонерской работы. Такъ не только не погибало подрубленное, казалось, на самомъ своемъ корню великое, ни съ чѣмъ не сравнимое, Кирилло-Меѳодіевское дѣло, а, напротивъ, расцвѣтало новымъ цвѣтомъ на новой почвѣ, становясь уже исчерпывающимъ духовнымъ содержаніемъ цѣлаго вновь возникающаго міра. Во всемъ своемъ разноплеменномъ составѣ дѣлалась Великая Равнина между Европой и Азіей мѣстопребываніемъ единаго народа, живущаго — чѣмъ? Православіемъ! Слова «русскій» и «православный» стали синонимами. Не всѣ, конечно, на Руси становились святыми: во злѣ не могла не лежать и Православная Русь. Являло себя, конечно, зло и въ формахъ былого язычества, вырываясь изъ духовнаго подполья, куда оно было загнано, наружу. Но общимъ критеріемъ добра, правды и красоты, непререкаемымъ, стало отъ времени крещенія Руси на всѣ послѣдующія времена совершенно недвусмысленно, и на всемъ пространствѣ Руси — Православіе. И это — для всѣхъ и во всемъ! Чѣмъ болѣе тяжкими бывали паденія, тѣмъ болѣе глубокимъ и искреннимъ становилось покаяніе. Имъ какъ бы наново крестилась Русь, лишь утверждаясь и укрѣпляясь въ своемъ бытіи «Святой Руси».

Въ церковномъ своемъ обличіи обрѣло впервые наше отечество и внѣшнее объединеніе: «Росіей» (чрезъ одно «с») было наименовано наше отечество, образовавъ особый митрополичій округъ въ составѣ Византійской патріархіи. («Россіей» черезъ два «с» стало наше отечество при Петрѣ — въ латинской транскрипціи). Слѣдуетъ нарочито отмѣтить, что, пока Россія не стала облекаться въ образъ Третьяго Рима, не только церковно была она составной частью Византійскаго Цѣлаго, но и политически не отказывалась признавать верховенство Византійскаго Императора — само собою разумѣющееся: когда однажды до свѣдѣнія патріарха дошло, что въ церквахъ Москвы поминается только князь Московскій, внушеніе было сдѣлано Москвѣ! «Кесарь» — одинъ на всю вселенную! Онъ долженъ быть поминаемъ и въ Москвѣ, пусть и имѣетъ она своего монарха.

Но самое существенное, конечно, заключалось во внутреннемъ самосознаніи слагающейся Россіи. Уже Кіевская Русь залита была свѣтомъ Христіанства: душу ея составляла Церковь. Огромныхъ и быстрыхъ успѣховъ достигала православная культура. Ею въ сущности и исчерпывалась цѣлостность Руси, въ планѣ политическомъ являвшей разсыпанную храмину. Вѣдь не знала тогда Русь единой правительственной власти, какъ не имѣла и плотной общественно-политической ткани. Хрупкимъ поэтому оставалось единство растекавшейся по Великой Равнинѣ Кіевской Руси, какъ политическаго цѣлаго. Стала закатываться звѣзда Кіева, и стали тянуть къ себѣ русскую стихію три областныхъ центра: Львовъ, Новгородъ и Владиміръ. Но если объединенной продолжала она оставаться, то это лишь въ силу все той же могучей церковно-православной культуры.

Славѣ, могуществу, благоденствію Руси положило конецъ татарское иго. Низведя наше отечество до предѣльнаго униженія и разоренія, вызвало, однако, татарское нашествіе огромный подъемъ духа, выразившійся въ расцвѣтѣ монашества и ярко отразившійся въ области церковной культуры: наша иконопись и наше церковное пѣніе получили именно въ эту эпоху свою отстоявшуюся, прочную основу. Подъ гнетомъ татаръ соткалась и та безпримѣрно-крѣпкая общественно-политическая взаимозависимость, которая на всѣ послѣдующіе вѣка образовала ничѣмъ не сгибаемую силу сопротивленія всякому внѣшнему воздѣйствію.

Раздвоенный путь, раскрывавшійся передъ Россіей подъ игомъ татаръ, олицетворяютъ два русскихъ князя: Даніилъ Галицкій и Александръ Невскій, оба — выдающіеся по дарованіямъ своимъ государи. Первый, тронутый западной культурой, не чувствовалъ себя въ силахъ смириться предъ ханомъ и обратился взоромъ на Западъ. Это значило — поклониться папѣ, что онъ и сдѣлалъ, зовя къ тому и Александра Невскаго. Тотъ, однако, отвергъ соблазнъ безъ малѣйшаго колебанія. Напротивъ того: онъ мужественно выступилъ противъ западныхъ рыцарей, обрушившихся на Русь и несшихъ съ собою упраздненіе Православія. Онъ противупоставилъ «силѣ» — «правду». И онъ разгромилъ насильниковъ съ явной помощью Божіей. Но тутъ же, осіянный легендарной боевой славой — онъ счелъ возможнымъ склониться передъ Ханомъ! Политическое униженіе онъ принялъ, этой цѣною обрѣтая основную цѣнность: свободу исповѣдывать невозбранно свою вѣру, чего не отнимало отъ насъ примитивное язычество татарское, готовое нерѣдко даже почтеніе оказывать Церкви.

Пострадала ли наша вѣра, испытала ли крушеніе наша культура подъ гнетомъ татаръ? Нѣтъ. Сосредоточилась лишь рус-

ская душа въ своемъ Православіи, покаянно принявъ, какъ кару Божію, постигшее Русь страшное испытаніе. Вѣрной Русь оставалась высокому истолкованію судебъ человѣческихъ, раскрывавшемуся неустанно въ нашихъ несравненныхъ лѣтописяхъ — этомъ голосѣ, одновременно, и церковной правды и народной совѣсти, именно тутъ находившихъ самое дѣйственное сліяніе. Приняла татарское иго Русь въ смиреніи — утѣшеніе, ободреніе и упованіе обрѣтая въ тѣснѣйшемъ общеніи съ Церковью. Благодарно осознала Русь всю отраду оставленной ей возможности жить въ своемъ народно-православномъ быту и укрѣплялась все больше въ немъ, всежизненно исповѣдуя свою вѣру. Именно въ эту темную эпоху окончательно сложился насыщенный благодатью русскій семейный бытъ, пронизанный до послѣднихъ своихъ закоулковъ лучами православной церковности — наше «бытовое исповѣдничество».

Складывается и особый общественно-политическій бытъ — безпримѣрный въ своей жертвенной связанности, не оставлявшей ни для кого ни малѣйшаго мѣста для личной свободы гражданской, но безпримѣрный, одновременно, въ своей пронизанности началомъ свободы духовной, которая была куплена именно цѣной этой общей гражданской связанности. Показалъ себя русскій человѣкъ не только способнымъ неустанно преодолѣвать тяготы повальнаго разоренія, въ любой моментъ готоваго вновь и вновь на него обрушиться. Показалъ онъ себя на высотѣ заданія несравненно болѣе труднаго: изъ поколѣнія въ поколѣніе нести послушаніе жизни, въ коемъ — въ планѣ житейскомъ — не находилось мѣста ни для чего личнаго, что воспринималось бы какъ ни для кого недосягаемая самоцѣнность.

Сложившійся на Москвѣ строй, въ періодъ окончательнаго его оформленія, получилъ наименованіе «крѣпостнаго устава». Мы привыкли слово «крѣпостной» примѣнять къ однимъ лишь крестьянамъ, въ ихъ зависимости отъ помѣщиковъ. Это то «крѣпостное право», которое было снято съ крестьянъ Александромъ II — какъ нѣчто, нравственному чувству претящее и человѣческое достоинство принижающее. Есть въ такой оцѣнкѣ крѣпостной зависимости преувеличеніе примѣнительно и къ Императорскому періоду. Но что касается Москвы, то «крѣпостничество» охватывало тогда всѣхъ, какъ тѣхъ, кто могли обладать не малой властью, неся службу, такъ и тѣхъ, кто несли тягло — крестьяне, ремесленники, торговцы. Личной свободы не зналъ никто, будь то первый вельможа: каждый былъ крѣпокъ своему мѣсту, и все государство въ цѣломъ держалось на крѣпостномъ началѣ.

Такой порядокъ жизни повелительно диктовался инстинк-

томъ самосохраненія. Растекаясь по безбрежной равнинѣ, Россія должна была быть мгновенно собираема въ кулакъ, чтобы не утратить самой возможности защитить себя. Ей грозили со всѣхъ сторонъ! Самое ослабленіе татарскаго гнета только умножало рискъ набѣговъ со стороны распадающейся Орды. Но, помимо татаръ, набѣгами угрожали и турки, и литовцы, и поляки, и шведы. Россія должна была быть готовой ощетиниться мгновенно въ любомъ направленіи. Русскіе могли жить своей жизнью только въ постоянной готовности быть мгновенно мобилизованными поголовно. Въ такомъ же постоянномъ напряженіи, безотвѣтно-послушливомъ, находилось населеніе и въ хозяйственномъ отношеніи. Просторы манили своими вольными возможностями, просторы по началу лѣсные, а далѣе и степные, — и какъ можно было этому повсемѣстному соблазну противостоять, если не прикрѣпленіемъ каждаго къ своему мѣсту?

Трудно вообразить всю тяжесть всежизненнаго подвига московскаго человѣка, несшаго свой сверхсильный трудъ подъ рискомъ не только мгновеннаго разоренія отъ внѣшняго набѣга, но и повальнаго истребленія или повальнаго же увода въ плѣнъ. И если хватало силъ такъ жить, то не по сознанію только своего семейнаго, общественнаго, національно-государственнаго, пусть даже высоко-патріотическаго долга, но, сверхъ всего этого, и потому, что чѣмъ то еще высшимъ былъ одухотворенъ русскій человѣкъ на Москвѣ. П о с л у ш а н і е несъ онъ въ смыслѣ м о н а с т ы р с к о м ъ, въ уметы ставя в с е з е м н о е и награды ожидая, — въ и н о м ъ мірѣ! Не подобіемъ концентраціоннаго лагеря была Москва, а подобіемъ м о н а с т ы р я: молитвенно-доброхотенъ былъ подвигъ несенія тяжкаго ярма крѣпостной неволи...

Поэтому больше даже, чѣмъ п о д о б і е монастыря являло наше отечество: что-то п о д л и н н о - монастырское было свойственно Руси. Это значитъ, что въ какой-то мѣрѣ крѣпостной уставъ на Руси воспринимался, какъ с а м о ц ѣ н н о с т ь. Только этимъ можно объяснить то, что не такъ ужъ рѣдко, а въ какой то мѣрѣ и всегда, связанность неразрушимая крѣпостной неволи ощущалась, какъ нѣчто не вынужденное обстоятельствами, а само собою разумѣющееся, внѣ чего себя и представить нельзя. И это можно было ощутить и въ болѣе позднее время, когда существовало уже «крѣпостное право», лежащее только на крѣпостныхъ крестьянахъ въ отношеніи ихъ баръ и обрѣтавшее характеръ личной зависимости, уже духовно часто неосмысленной — въ сознаніи баръ, прежде всего. Одно изреченіе, коимъ опредѣляли свои взаимоотношенія съ барами крестьяне, тутъ особенно показательно. Когда возникалъ вопросъ, по тѣмъ или инымъ основаніямъ, о возможности разставанія со своими барами,

крестьяне порою говорили своему барину, мечтавшему дать имъ «свободу» и воспринимавшему свою власть надъ ними, какъ что-то и его и ихъ принижавшее: «Брось, баринъ, объ этомъ думать — мы ваши, а вы наши!»

А какая власть могла возникать и прочно держаться надъ своими барами у крѣпостныхъ, подлинная власть десятилѣтіями осуществляемая, надъ всей семьей, и старыми и малыми, объ этомъ не разсказалъ, а это наглядно показалъ Соловьевъ въ своей Горбатовской хроникѣ на образѣ карлика-горбуна, воплощавшаго въ себѣ живую совѣсть, неустанно повелительно трепетавшую надъ всѣми членами въ рядѣ поколѣній... А вообще — образъ няни! Не она ли часто духовно возглавляла смѣняющіяся поколѣнія, вводя ихъ неукоснительно въ русско-православный укладъ жизни?..

Лучшимъ свидѣтельствомъ духовно-осмысленной доброхотности московской послушливости въ ея абсолютности, способной быть объясненной только въ планѣ религіозномъ, является русская дѣйствительность въ образѣ того массоваго бѣгства-дезертирства, которое было единственнымъ способомъ высвободиться изъ подъ московской неволи. Такъ вѣдь родилось огромное явленіе казачества. Какъ извѣстно, дезертирство обычно предопредѣляетъ нѣкую мстительную ненависть къ тому, что было такимъ образомъ предано. А здѣсь — совершенно иное! Исчерпывающая поглощенность жизни русско-православной церковностью оставалась въ полной силѣ, только облекаясь въ форму организованной вольности. Возникали маленькія гнѣзда «Святой Руси», сливающіяся въ нѣкую совершенно самостоятельную областную единицу казачества, и не только готовы были эти образованія считать себя отвѣтвленіями Московской Руси и нести службу охранно-сторожевую, продолжая себя считать подъ эгидой Московскаго Царя, но, поскольку эти отвѣтвленія являли собою начальную стадію пространственнаго расширенія Московскаго Царства, ждало казачество постепенное вовлеченіе его вновь въ составъ московскаго крѣпостного строя. И такъ казачья осѣдлость вновь попадала въ зависимость былого типа — и принимала ее казачья вольница, обрѣтая себѣ положеніе, пусть, въ силу своей казачей окраинности, нѣсколько облегченное, но все же уже вѣрноподданническое въ точномъ и полномъ смыслѣ.

Сила внутренней связи на Москвѣ покрывала все, преодолѣвала все. Что же составляло силу этой внутренней связи, способной преодолѣть даже дезертирство? То было сознаніе своей православной Русскости, что означало всецѣлую прнадлежность Русской Православной Церкви, которая не мыслилась раздѣльно отъ Православнаго Царства. Не было жертвы, которую бы не принесъ русскій человѣкъ — лишь бы не оказаться

оторваннымъ отъ этой высшей цѣнности: Святое Цѣлое Руси Православной олицетворялось въ Русскомъ Православномъ Царѣ.

Высокое избранничество выпадало на долю Руси, какъ Второму Израилю: блюсти, хранить, являть, защищать и распространять великое сокровище, ему врученное: истинную Вѣру! Кому же вручено это сокровище? Народу? Нѣтъ! Рядомъ съ Церковью стоитъ не народъ, а Помазанникъ Державный — Царь, какъ преемникъ Византійскаго Императора. Его промыслительное назначеніе — быть хранителемъ, покровителемъ и слугой Православной Церкви. Надъ всѣми державными правителями міра возвышаетъ его то святое послушаніе, которое на него Богомъ возложено — и только передъ Богомъ и отвѣтъ несетъ онъ за него. Съ «землею» совѣтуется онъ — и она несетъ ему свои нужды, потребности, пожеланія. Повѣдаетъ страна ему — и это есть главное, что отъ нея требуется! — какъ лучше распредѣлить — и это въ смыслѣ не только справедливости уравнительной, но и эффективности, которая по нуждѣ можетъ быть жертвенности безпредѣльной! — бремя тяготъ, которыя, по исторической вынужденности выпадаютъ въ данный моментъ на страну — откроетъ страна, безъ всякой утайки, какъ на духу, Царю и свои нужды и свои силы. О какихъ либо правахъ и привилегіяхъ, а ужъ, тѣмъ паче, о какомъ либо контролѣ надъ Царемъ, о какомъ бы то ни было ограниченіи его власти — объ этомъ и помысла нѣтъ и не можетъ быть. Церковь — иное дѣло. Ея голосъ и можетъ и долженъ имѣть вѣсъ. То — сила религіозно-нравственнаго авторитета — рѣшающаго, разъ Царь служитъ Вѣрѣ! Ничто такъ явно не покажетъ намъ внутреннюю связанность внѣшне неограниченной власти Царя, какъ чинъ Вѣнчанія на Царство. Всѣми способами подчеркиваетъ Церковь величіе Царя: смиренно склоняются передъ Царемъ высшіе іерархи. И тутъ же во всемъ величіи Божественой простоты исходитъ изъ устъ представителя Церкви поученіе, наставляющее Царя въ его державномъ служеніи. А что — единственное! — возвѣщаетъ своимъ словомъ Царь народу? Онъ произноситъ Символъ Вѣры! Что это — какъ не свидѣтельство предъ Церковью и Народомъ своей послушливой и преданной вѣрности Богу въ Его Церкви? Отъ Бога власть Царя, и никакая иная сила не можетъ его связывать и ограничивать. Но основное существо его власти — беззавѣтная вѣрность Богу въ Его Церкви!

Срываться можетъ Царь, въ этой своей послушливой вѣрности Богу, въ своихъ отношеніяхъ и къ Церкви и къ народу. Ярчайшій примѣръ во зло обращаемой Царской власти являетъ Іоаннъ Грозный. Этотъ Царь умѣлъ лучше, чѣмъ кто либо иной, воплощать въ словахъ и дѣлахъ православную сущность Царства. И онъ же, по свойствамъ своего больного нрава, запятнялъ пре-

столъ страшными преступленіями. Всѣмъ извѣстно насиліе, совершенное имъ надъ вѣрно служившимъ Царю и Церкви митрополитомъ Филиппомъ—завершившееся убійствомъ митрополита. Всѣмъ ли, однако, извѣстно, какъ заключенъ былъ Царствомъ миръ съ Церковью покаянный — въ лицѣ Царя Алексія Михайловича? Митрополитъ Никонъ съ покаяннымъ письмомъ Царя отправился въ Соловки ко гробу святителя. Послѣ испрошеннаго прощенія, чрезъ всю Россію провезены были торжественно святыя мощи въ Москву, гдѣ благоговѣйно встрѣчены были Царемъ и народомъ. Такъ покаянно покрыто было зло, и въ новой силѣ возсіяла правда со-служенія Богу Церкви и Царства.

Вести государственный корабль, то — судьба Царя. Это такое же послушаніе какимъ является и «служба» и «тягло» подданныхъ. Каждый своимъ послушаніемъ только и занятъ. Иностранцы изумлялись, какъ русскій человѣкъ на вопросы политики привычно отмалчивается и отмахивается, ссылаясь на то, что это дѣло Царя и бояръ. Готовы были видѣть въ этомъ застращенность и лукавство. Нѣтъ! То было распредѣленіе обязанностей-послушаній. И такъ ихъ было много, и такъ трудно было съ ними справляться, что никому не до того было, чтобы любопытствовать о чемъ то постороннемъ. Чтобы увѣриться въ естественности такого состоянія душевнаго, надо по настоящему проникнуться убѣжденіемъ въ томъ, что русскій человѣкъ тогда дѣйствительно ж и л ъ Ц е р к о в ь ю.

Центромъ жизни было богослуженіе. Оно отвлекало почти все время, свободное отъ обязательнаго труда. Поскольку же оставался домашній досугъ, то искали въ немъ прежде всего пищи уму и сердцу такой, которую безъ натяжки можно назвать насыщеніемъ Хлѣбомъ Небеснымъ. Жизнь семейная нашла себѣ отраженіе точное въ Домостроѣ, этой «книги бытія» московскаго человѣка. Кругъ же чтенія его опредѣлялся грандіозной коллекціей «чтомыхъ книгъ», собранныхъ во едино всежизненнымъ подвигомъ митрополита Макарія. Не исчерпывалась, само собою разумѣется, такимъ содержаніемъ полностью жизнь московскаго человѣка: природа грѣшная требовала и иного! Она обрѣтала это «иное» въ разныхъ формахъ, доходившихъ до богатырскаго разгула. Но были утѣхи и частично-дозволенныя, вошедшія въ бытъ прочно: охота, кулачные бои — внѣ дома; въ теремахъ же — пѣніе, слушаніе сказокъ, скоморошество. Высокаго поэтическаго достоинства могли быть проявленія народнаго творчества этого порядка — никакъ не входившія въ конфликтъ съ Вѣрою. Неизмѣнно, при всѣхъ условіяхъ и во всѣхъ формахъ, центръ народной психики утверждался не въ земномъ, а въ небесномъ. И именно поэтому грубо ошибаются тѣ, кто склонны мечтательствомъ считать Домострой и специфически церковнымъ явленіемъ, внѣ

міра житейскаго лежащимъ, воспринимать Четьи Минеи митр. Макарія.

Вольное казачество лучше всего намъ показываетъ всю глубину церковности русскаго человѣка и его отсюда возникающую неотрывность отъ Москвы. Поучителенъ примѣръ Ермака и его дружины, силою обстоятельствъ до высоты подвига духовнаго поднявшихся въ сибирскомъ залихватскомъ походѣ. Показателенъ эпизодъ захвата донскими казаками Азова: непосильный безъ поддержки Москвы, кончается этотъ самочинный захватъ уходомъ изъ Азова малой горсти сохранившихся храбрецовъ. Заслужили они въ глазахъ Москвы не только прощеніе винъ, но и великій почетъ. Что же дѣлаютъ они всѣ, во главѣ со своимъ атаманомъ? Образуютъ монастырь, въ которомъ игуменомъ становится атаманъ!

Зло могло принимать на Москвѣ характеръ повальнаго бунта. На границу гибели поставляема бывала такимъ образомъ Святая Русь. Выходъ спасительный находила Святая Русь одинъ: просыпалась русско-православная совѣсть, и покаянное возвращеніе въ Отчій Домъ видимъ мы неукоснительно, съ несеніемъ должнаго отвѣта за содѣянное!

Какъ много раскрываетъ намъ именно подъ этимъ угломъ зрѣнія Смутное время! Вспомнимъ его исполненный благодати конецъ! Вѣдь такъ страшно было то время, что казалось — чистаго мѣста уже нѣтъ на измученномъ тѣлѣ Руси! Но вотъ находятся въ нужный моментъ нѣкіе «мизинные» люди, въ душахъ которыхъ, даже послѣ смерти патріарха Гермогена, хранился и звучалъ его властный зовъ! И что же? Отъ ихъ покаяннаго плача, вынесеннаго на улицы и площади, раждается мощное освободительное движеніе, устремляющееся на Москву. И какъ кончилось оно? Встрѣчей двухъ крестныхъ ходовъ, одного освободителей, съ Иконой Казанской Божіей Матери, другого освобождаемыхъ, съ Иконой Владимірской Божіей Матери. Затѣмъ началась суматоха, мало что хорошаго обѣщавшая. Достаточно, однако, было въ нѣкій моментъ, рѣшающій, произнести имя Михаила Романова — объединились всѣ на немъ. Старшее поколѣніе все измалодушествовалось. Отрокъ Михаилъ въ силу своего именно отрочества былъ безупреченъ. Нельзя даже сказать, что онъ былъ «выбранъ»! Провозглашенъ онъ былъ единогласно. Задача оставалась лишь въ томъ, чтобы умолить его мать, инокиню Мареу, которая отказывалась въ страшныхъ условіяхъ Смуты отдать сына на Царское служеніе. Не могла смягчить ея сердце даже общая, смиренно и покаянно выражаемая, готовность по-старому, вѣрноподданнически, служить Царю новоизбранному. Не вѣрила въ возможность такого преображенія старица. Чѣмъ же вынудили ея согласіе? Устрашили ее гнѣ-

вомъ Божіимъ! И такъ возстала изъ своего паденія Русь — въ томъ же образѣ Православнаго Царства. Лишь обновилось и укрѣпилось исходное пониманіе того, что безъ Православнаго Царя русскій народъ обреченъ на обращеніе въ безчинное стадо, готовое пасть жертвой, съ одной стороны, своихъ «воровъ», а съ другой — иноземныхъ насильниковъ.

Вернулось къ жизни былое Московское Царство, и подъ скипетромъ Романовыхъ явило оно собою все тотъ же «крѣпостной уставъ», и это еще въ большей чистотѣ и выдержанности, чѣмъ то было при Рюриковичахъ. Духовную силу вернувшемуся къ жизни государственному организму давало все то же, еще только окрѣпшее и углубившееся, сознаніе Богоизбранности Московскаго Царства, какъ Царства Православнаго, какъ Третьяго Рима. Не смѣстила Смута никакихъ центровъ народнаго сознанія, не измѣнила никакъ и ни въ чемъ природы государственнаго, общественнаго и семейнаго быта. Продолжалъ претерпѣвать свою историческую судьбу Русскій народъ во имя высшихъ духовныхъ цѣнностей, дарованныхъ ему Православіемъ. Служеніемъ Православію по прежнему исчерпывался для него смыслѣ существованія въ этомъ временномъ мірѣ. И такъ высоки были радости духовнаго порядка, на этомъ пути Богомъ даруемыя, что готовъ былъ русскій человѣкъ и теперь безпечально свыкаться со своимъ бытомъ, личной свободы лишеннымъ. Домомъ Пресвятой Богородицы, Святой Русью — и всенароднымъ монастыремъ — оставалась и Романовская Москва.

II.

Петръ и его время. Обособленность Руси отъ Запада. Чѣмъ обусловлено отсутствіе къ нему интереса? Постепенное сближеніе. Чѣмъ обусловлена была неотвратимость радикальныхъ реформъ? Въ чемъ сущность переворота, совершеннаго Петромъ. Первая газета. Театръ. Языкъ. Личность Петра. Объективное содержаніе петровскихъ реформъ. Измѣненіе быта. Экзаменъ свободы. Посошковъ, какъ свидѣтельство почвеннаго пріятія петровскихъ реформъ. «Книга о скудости и богатствѣ». Наставленіе сыну.

И въ истокахъ своего историческаго бытія, и въ своемъ національно-государственомъ ростѣ, и въ своемъ духовно-культурномъ развитіи, наше отечество было связано съ Византіей достаточно тѣсно. Все больше отчуждалось отъ Запада оно, поскольку

духовно сталъ тотъ обособляться подъ воздѣйствіемъ все дальше отступавшаго отъ Православія «Перваго Рима». Внѣшнее обстоятельство рѣшительно усугубило изоляцію Россіи: татарское иго накрыло Русь. Тяжкая невзгода эта способствовала, однако, тому, чтобы могла Россія хранить неискаженнымъ исходный обликъ своей исходной духовной культуры. Что несъ намъ Западъ? Искорененіе православія. Татары же требовали внѣшняго лишь подчиненія и дани, не притязая на большее и будучи готовы даже почтить, въ своей дѣтскости, вниманіемъ Церковь. Духовно лишь окрѣпшей смогла поэтому выйти Россія изъ подъ ига татаръ, пріобрѣтая, вмѣстѣ съ тѣмъ, впервые, въ опытѣ неустанно зрѣвшаго сопротивленія смиренно претерпѣваемой до времени внѣшней силѣ, могучую внутреннюю спайку — соціально-политическую. Внутренне чуждой, однако, продолжала оставаться Русь Западу и на путяхъ возвращенія къ свободной жизни. Торговыми по преимуществу были вновь возникающія связи. Не прочь была Русь пользоваться и уроками Запада, но лишь въ прикладныхъ отрасляхъ культуры, преимущественно въ дѣлѣ военномъ: утилитарнымъ былъ ея къ Западу подходъ.

Чѣмъ объяснить отсутствіе внутренняго интереса у московскаго человѣка къ Западу? Имѣетъ то корни глубокіе. Россія была порожденіемъ, восполненіемъ, а потомъ и преемницею Византіи, какъ носительницы благовѣстія Христова въ ту человѣческую среду, которая еще не познала Христа. Въ этомъ направленіи Россія сумѣла обнаружить достаточный паѳосъ и обрѣла свой особый стиль миссіонерства — дѣломъ, показомъ, богослуженіемъ, братскимъ вниманіемъ. Самая «экспансія» Россіи имѣла неизмѣнно и миссіонерское лицо, вовлекая въ лоно Православія все новыя и новыя массы людей разныхъ языческихъ культуръ. Воинственна была встрѣча съ мусульманствомъ. Побѣждая его мечемъ, несла Россія и Крестъ. Но и тутъ миссіонерство было лишь естественнымъ сопровожденіемъ государственнаго роста: миссія оставалась внутренней. Въ направленіи Запада заданія миссіонерскаго даже и не возникало: тамъ цвѣло отступничество, котораго надо было всячески сторониться, какъ источника губительнаго соблазна. Если русскій человѣкъ попадалъ туда, путь спасенія былъ одинъ — домой! Не осѣдая, тянулись изъ агарянскихъ странъ кружнымъ путемъ полонянники, освободившіеся отъ рабства. Оставалась грандіознымъ «гнѣздомъ», раздаваясь въ ширь, Россія: лелѣяла любовно она тепло внутренняго единства. Чтобы не проникала и не внѣдрялась зараза, мѣры рѣшительной защиты птенцовъ порою диктовались повелительно. Стремительность и безпощадность подавленія ересей стригольниковъ и жидовствующихъ можетъ быть вразуми-

тельно истолкована только въ планѣ такой самозащиты, диктуемой пастырскимъ рвеніемъ о спасеніи малыхъ сихъ.

Самоцѣльнымъ и самозаконченнымъ порожденіемъ самобытной духовной культуры расцвѣтало Московское Царство. Чужакомъ неисцѣльнымъ былъ и оставался на Руси западный человѣкъ, будь то полонянникъ, попавшій въ русскую среду, или спеціально выписанный «хитрецъ» — если только духовно не ассимилировался онъ, принимая нашу вѣру. Чужая кровь вливалась такъ незамѣтно въ русскій организмъ. Это — процессъ разсѣянный, а часто и потаенный. Наглядна, напротивъ, разобщенность. Въ подавляющемъ большинствѣ пріѣзжали къ намъ выходцы изъ странъ протестантскихъ. «Нѣмецкой» слободой стало называться мѣсто ихъ жительства на Москвѣ. То былъ особый міръ. Въ общеніе болѣе тѣсное вступали съ нимъ лишь высшіе круги московскаго общества. Пусть не такъ ужъ малъ былъ приносъ, Западомъ такимъ образомъ вносимый въ культуру Москвы, пусть впитывала она порою достаточно жадно эти дары, обогащаясь ими и даже подъ вліяніемъ ихъ видоизмѣняясь. Но оставалось чѣмъ то частнымъ все это: духовно-цѣлостнымъ организмомъ, восточно-православнымъ, неизмѣнно пребывала Русь.

Глубже проникалъ къ намъ Латинскій Западъ — чрезъ Польшу и Юго-Западную Русь. Пусть отстаивала себя и тамъ церковно-православная культура, но органически все же воспринимала она, силою вещей, тѣ или иные элементы западнаго просвѣщенія. Поскольку же Москва втягивала въ себя цѣлыя области, испытавшія длительное сожительство съ латинствомъ, впитывала и она въ себя эти вліянія. Многое чрезъ это «окно» проникало еще до Петра, на Москву налагая отпечатокъ новый. О замкнутости былой вообще не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ дѣйствовали такіе люди, какъ Патріархъ Никонъ и митрополитъ Петръ Могила. Были чрезмѣрности у перваго въ сторону Православнаго Востока. Можно говорить, примѣнительно ко второму, объ уклонѣ въ сторону латинства. Но чрезмѣрностью явной было бы утверждать, будто этими уклонами совершалась измѣна истинному Православію. Изъ впаденія въ подобную чрезмѣрность родился вѣдь и расколъ старообрядчества, который абсолютизировалъ не Истину Православія, а специфически-русское бытовое его преломленіе, заключавшее въ себѣ много не только относительнаго, но и ошибочнаго.

Историки показываютъ намъ, въ какой мѣрѣ отдѣльныя реформы Петра были обусловлены вынужденностію военной. Печать объективной вынужденности лежитъ и на общемъ стилѣ реформъ — не въ ея чрезмѣрностяхъ, конечно, иногда грубо-безчинныхъ, а въ сути переворота, совершеннаго Петромъ. Что мѣнялось — и мѣнялось радикально? Мѣнялась установка

сознанія. На Москвѣ народъ спасался — претерпѣвая свою историческую судьбу. Спасался онъ въ устоявшихся формахъ истоваго благочестія, размѣреннаго, спокойнаго, неторопливаго, внутренне-сосредоточеннаго и живущаго въ двухъ измѣреніяхъ: ввысь и вглубь. Озираться вокругъ себя и заниматься вопросами большой политики — то было дѣло Царя и его совѣтниковъ. Но и они, живя общей жизнью съ народомъ, не могли и не хотѣли погрѣшать противъ истово неторопливой повадки русскаго быта. Самая политика Москвы — не была ли она, въ значительной мѣрѣ, претерпѣваніемъ своей исторической судьбы? Тяжки были условія этого претерпѣванія, но окупалось все сознаніемъ, что сберегается тѣмъ высшая цѣнность: нетронутость вѣры, въ ея всежизненномъ и каждодневномъ исповѣданіи. Что же теперь открывалось — предъ лицомъ растущей Европы? Угроза именно такому бытію Россіи. Никакое дальнѣйшее претерпѣваніе, само по себѣ, не спасло бы уже Святую Русь, ибо не дозволяли привычныя формы московскаго быта развить ту лихорадочную энергію сопротивленія, которая была нужна. Радикально надо было мѣняться, всѣмъ корпусомъ обратившись къ Европѣ — хотя бы для того, чтобы впослѣдствіи имѣть дѣйствительную возможность повернуться къ ней снова спиной! Нужно было проснуться отъ былой — подъ угломъ зрѣнія **внѣшней** жизни — «спячки» и встряхнуться: **всѣмъ** — оглянуться вокругъ себя; **всѣмъ** — подтянуться въ смыслѣ сознательнаго и отвѣтственнаго участія въ дѣлахъ государственныхъ; **всѣмъ** — рѣшительно ускорить ритмъ и темпъ жизни и дѣятельности; **всѣмъ** — радикально измѣнить самую мотивацію своего поведенія, внося въ нее разнообразіе побужденій, способныхъ усугубить энергію жизни, пусть и въ ущербъ ея духовной качественности. Не будетъ этого — пропала Россія!

Напряженная спѣшка нужна сейчасъ въ работѣ каждаго — вплоть до Царя, который показываетъ примѣръ всѣмъ. Во имя чего? Спасать душу? Пусть каждый спасаетъ ее — не забудетъ этой задачи и Петръ. Но не подъ этимъ угломъ зрѣнія теперь на каждаго падаетъ его проницательный взглядъ. «Годность» требуется имъ для выполненія неотложныхъ практическихъ задачъ. Чтобы умножить эту годность, мотивы приводятся въ движеніе, далекіе отъ тѣхъ, которыми опредѣляется жизнь во спасеніе души. Поскольку и благородны эти мотивы — далеки они отъ Неба и зовутъ къ «землѣ», какъ она расцвѣла на Западѣ, въ цвѣтеніи его культуры. Подъ этимъ угломъ зрѣнія — все становится ново сейчасъ на Руси. Въ отличіе отъ былой спаянности **всѣхъ** отраслей жизни съ Церковью — отдѣляется все нынѣ отъ Церкви. Кругозоръ безгранично расширяется во всѣхъ направленіяхъ!

Внушается безудержная пытливость и безграничная любознательность. Будитель — самъ Царь! Онъ же и удовлетворяетъ раждаемыя имъ и поощряемыя потребности, посылая въ учебу къ иностранцамъ, выписывая ихъ къ себѣ, создавая школы, печатая книги — и въ нихъ посильно разскрывая разнообразіе того, чѣмъ наполненъ культурный міръ Запада.

Нѣчто ранѣе непредставимое становится очередной заботой Царя: созданіе газеты! Довѣрительно составлялось что то освѣдомительное раньше спеціально для Царя. Теперь же Царь редактируетъ «газету» — «Вѣдомости», — каждому доступную! Воспроизведемъ нѣсколько свѣдѣній изъ перваго ихъ номера, изданнаго «На Москвѣ 1703 генваря въ 2 день».

«На Москвѣ нынѣ пушекъ мѣдныхъ, гоубицъ и мартировъ вылито 400. Тѣ пушки по 24, по 18 и по 12 фунтовъ и т. д.

Повелѣніемъ Его Величества московскія школы умножаются и 45 человѣкъ слушаютъ философію и уже діалектику кончили.

Въ математической штюрманской школѣ больше 300 человѣкъ учатся и добре науку пріемлютъ.

На Москвѣ ноября съ 24 числа по 24 декабря родилось мужеска и женска полу 386 человѣкъ.

Изъ Персиды пишутъ. Индѣйскій царь послалъ въ дарахъ Великому Государю нашему слона и иныхъ вещей немало. Изъ града Шемахи отпущенъ онъ въ Астрахань сухимъ путемъ.

Изъ Казани пишутъ. На рѣкѣ Соку нашли много нефти и мѣдной руды, изъ той руды мѣдь выплавили изрядну, отъ чего чаютъ немалую быть прибыль Московскому государству.

Изъ Сибири пишутъ. Въ Китайскомъ государствѣ езуитовъ вельми не стали любить за ихъ лукавство, а иные изъ нихъ и смертію казнены...» И далѣе изъ Олонца, изъ Львова, изъ Ніена, изъ Нарвы, изъ Амстердама разныя вѣсти о военныхъ успѣхахъ и примѣчательныхъ событіяхъ. Этотъ номеръ еще напечатанъ церковно-славянскимъ шрифтомъ, что особенно подчеркиваетъ контрастъ между формой и содержаніемъ — непривычно новымъ.

Еще болѣе смѣлой новинкой явился народный театръ. Съ опаской относился московскій человѣкъ даже къ «виршами» написаннымъ «дѣйствамъ» — изъ библейскаго быта. А тутъ — свѣтскій театръ, для всѣхъ открытый! «Комедійный анбаръ» сооружается спеціально. Не гоже его и строить! Волнуются дьяки. «Намъ такія дѣла необычны, и волочиться, ей, государь, не можемъ» — пишутъ они своему боярину. Но все же сооружается «храмина», и организуетъ въ ней представленія «Царскаго Величества комедійный правитель» нѣмецъ Кунштъ. Вмѣщаетъ залъ 400 человѣкъ, но хорошо если налицо сотня зрителей. А то

всего только двѣ дюжины! Приходится «знатныхъ людей» по наряду слать. Сохранилось «описаніе комедій, что какъ есть въ Посольскомъ приказѣ». Темы больше классическія. Возникъ еще театръ школьный. Былъ и придворный. Эти пошли лучше.

Изъ такого убогаго ростка выросло пышное дерево русскаго театра. Изъ «Вѣдомостей» выросла богатѣйшая русская пресса. Кстати сказать, зерномъ русскаго, составляющаго оригинальность русской культуры, такъ наз. «толстаго журнала» можно считать приложеніе къ «Вѣдомостямъ» — «Примѣчанія». Первоначальная задача ихъ была давать объясненія употребленныхъ въ текстѣ непонятныхъ словъ, но превратились эти «Примѣчанія» въ подобіе «журнала», со статьями и литературнымъ матеріаломъ.

Непонятныхъ словъ было много — о «новомъ» все больше вѣдь писалось. Построенъ былъ и новый гражданскій шрифтъ. Языкъ являлъ причудливую смѣсь русскихъ и иностранныхъ словъ — типическая петровская рѣчь, съ широкимъ примѣненіемъ терминологіи иностранной, для даннаго случая подручной. Брали кое что и изъ своего обихода, пользуясь, въ частности, приказнымъ языкомъ, главнымъ образомъ, посольскаго приказа! Такъ «новоуставными литерами» запечатлѣвался новый «обходительный языкъ». За переводами, дѣлавшими доступной русскому человѣку западную культуру, слѣдилъ самъ Царь. Переводилась по началу больше классическая литература. Требовалъ Царь, чтобы все было написано «внятно и хорошимъ штилемъ», безъ лишнихъ длиннотъ, предметно и дѣловито. Первая книга, написанная новымъ шрифтомъ (въ 1708 г.), была «Геометрія словенски землемѣріе» — задачи прикладныя были, вѣдь, на первомъ планѣ. Направленность воли Царя въ данномъ случаѣ совпадала съ требованіемъ исторической дѣйствительности.

* * *

Всмотримся ближе въ Царя Петра. Боготворимый одними, онъ являлся злодѣемъ въ глазахъ другихъ, безбожникомъ и страшнымъ человѣкомъ. Растерявшись предъ этимъ контрастомъ, одинъ ученый нѣмецъ надумалъ искать отвѣта въ перепискѣ Царя. Къ удивленію, увидѣлъ онъ, что мысль о Богѣ и обращеніе къ Нему являются присущими Петру неотмѣнно. Если бы мы, слѣдуя этому рецепту, расширили кругъ наблюденій и взяли подъ пристальнѣйшее наблюденіе каждодневную жизнь Царя, мы обнаружили бы, несчетное число разъ, благочестіе его: церковно-вѣрующимъ былъ Петръ въ обыденной жизни, и имъ оставался предъ лицомъ событій, долженствовавшихъ опредѣлить судьбу его и Россіи. Близокъ былъ онъ, какъ чтецъ и пѣвецъ, богослуженію. О силѣ его вѣры можетъ свидѣтельствовать слѣдующій случай.

Петръ, ѣдучи съ вольнодумцемъ и скептикомъ Брюсомъ, поспорилъ съ нимъ о мощахъ. Желая опрокинуть его высокомѣрное невѣріе, Петръ остановился, вошелъ съ нимъ въ храмъ, гдѣ, ему было извѣстно, лежали чтимыя мощи — и открылъ ихъ, показавъ потрясенному умнику святую «реальность», не поддающуюся никакому позитивистскому объясненію. Дерзновеніе, конечно, то было, но дерзновеніе вѣры, не посрамленное Богомъ. Умеръ Петръ, положивъ душу свою за други своя, добрымъ христіаниномъ, отвѣтивъ на вопросъ о пріобщеніи — «только объ этомъ и помышляю». Легко указывать на темные штрихи характера Петра и на тягостныя проявленія его нрава — то срывы, не заслуживающіе, конечно, оправданія, но объясненіе извѣстное находящіе въ страшномъ опытѣ его отрочества. Судить по этимъ срывамъ Петра, значитъ вершить судъ надъ нимъ пристрастный. Пусть у него были уклоны въ протестантизмъ; пусть на его совѣсти лежатъ кощунства: онъ не былъ ни протестантомъ, ни безбожникомъ. Сыномъ Церкви былъ онъ и имъ остался, кончивъ жизнь примиренный — вѣримъ въ то! — съ Богомъ.

Иное дѣлаетъ Петра типическимъ «пореформеннымъ» человѣкомъ. Петръ разорвалъ исконную интимнѣйшую связь русскаго человѣка съ Церковью, опредѣлявшую в с ѣ стороны жизни, безъ изъятія. «Пореформенный» человѣкъ призывался теперь самостоятельно мыслить и чувствовать. Предъ нимъ раскрывался цѣлый міръ новыхъ явленій. Какую занять по отношенію къ нимъ позицію? Дѣломъ его личной совѣсти стало приводить этотъ міръ явленій въ то или иное соотношеніе съ Вѣрой Отцовъ. Петръ, послѣ существенныхъ потрясеній, самоопредѣлился, вопреки тому, что такъ часто о немъ высказывается, какъ вѣрный сынъ Церкви. Но то, что самый вопросъ о вѣрности Церкви и о степени этой вѣрности можно было и надо было ставить, какъ вопросъ л и ч н ы й, было тѣмъ существенно-новымъ, что принесла Реформа Петра. Полярно-противуположными могли быть отвѣты: знакомство съ Западомъ могло вызывать охлажденіе Вѣры и отчужденіе отъ Церкви, какъ могло вызывать и обратное, быть поводомъ и основаніемъ для впервые до конца осознаннаго обращенія къ Церкви, всецѣло послушливаго. То былъ э к з а м е н ъ с в о б о д ы, во всю ширь и глубь захватывавшій русскую душу. Не былъ то экзаменъ свободы г р а ж д а н с к о й — таковой еще не давалъ петровскій режимъ, оставаясь «крѣпостнымъ уставомъ», пусть всячески обновленнымъ: постепенная «эмансипація» была дѣломъ будущаго. Но д у х о в н о е «раскрѣпощеніе» было на-лицо. Точнѣе сказать: то было принудительное обміршеніе русскаго общества. Разбита была исходная цѣлостность церковнаго быта. Еще въ 1690 г. патр. Іоакимъ въ своей «Духовной» обращается къ молодымъ царямъ съ увѣщаніемъ:

«Да возбранятъ въ войскахъ проклятымъ еретикамъ быть начальниками... И что таковые еретики проклятые воинству православному сотворятъ помощи? Токмо гнѣвъ Божій наводятъ». Въ томъ же году патр. Адріанъ грамоту издаетъ противъ брадобритія. А между тѣмъ, «еретики» становятся близкими помощниками Царя въ его воинскомъ дѣлѣ, а брадобритіе вводится насильственно! Потрясается бытъ введеніемъ 20 дек. 1699 г. новаго лѣтоисчисленія, общаго съ Западомъ. Начало гражданскаго года разобщается отъ начала года церковнаго. Въ своемъ перевоспитаніи общества беретъ Царь матеріалъ, гдѣ попадается. «Юности честное зерцало» однимъ изъ источниковъ имѣетъ іезуитское пособіе. Внѣшній міръ открытъ для вліяній на страну — безъ пошлины идутъ съ Запада книги, картины. Да и первыя русскія книги — въ Амстердамѣ (въ 1699 г.) печатаются: Введеніе краткое во всякую исторію, «Краткое и полезное руковеденіе въ Арифметику», «Уготованіе и толкованіе ясное и зѣло изрядное на пользу и утѣшеніе любящимъ астрономію».

Ассамблеи, газеты, театры, школы свѣтскаго типа, обильный западный приносъ во всѣ отрасли жизни — цѣлый водопадъ на русскихъ людей обрушивался новыхъ впечатлѣній, и цѣлая гамма возникала новыхъ мотивовъ поведенія. Во главѣ всего стоитъ какая заданность? Спасеніе души и охрана Церкви? Нѣтъ и нѣтъ! С в я т а я Р у с ь оттѣснена В е л и к о й Р о с с і е й, которая какъ высшая цѣнность, заполняетъ всѣ горизонты. Означаетъ ли это отказъ отъ идеаловъ Святой Руси? Никакъ! Самое превращеніе Россіи въ европейское государство, способное, культурно и военно «мобилизовавшись», стать грознымъ и могущественнымъ членомъ «концерта» европейскихъ державъ — чѣмъ обусловливалось? Именно тѣмъ, что иначе обреченной на уничтоженіе оказалась бы Святая Русь! Естественно, однако, въ первоначальной горячкѣ культурной «мобилизаціи», — п р и н у д и т е л ь н о, хотя бы и ради святой цѣли, производимой и въ этой принудительности вызывавшей терявшее всякую мѣру стихійное сопротивленіе — забывалась нерѣдко конечная цѣль. Она оставалась въ силѣ. Вся дальнѣйшая исторія Россіи, начиная съ реформы Петра, не можетъ быть понята, если не разсматривать ее, какъ длящійся э к з а м е н ъ с в о б о д ы. Поскольку все полнѣе раскрывалась эта свобода и все большія массы русскаго народа привыкали пользоваться ею, судьбоносный вопросъ ставился предъ всей по-реформенной Россіей: способна ли Россія, ея власть, ея общество, ея народъ использовать, въ конечномъ счетѣ, великія гражданскія и культурныя достиженія, раждаемыя изъ пріобщенія къ культурѣ Запада — в о б л а г о? Другими словами: способна ли Россія подъ броней Императорскаго Великодержавія, въ обладаніи свободной гражданственностью и въ полнотѣ импер-

скаго культурнаго расцвѣта — оставаться Православнымъ Царствомъ? Подъ этимъ угломъ зрѣнія только и можетъ быть производима должная оцѣнка всѣхъ явленій русскаго національнаго бытія, какъ Петровской, такъ и послѣ-Петровской Россіи.

Примѣромъ того, что Петровская Реформа могла быть воспринята русскимъ сознаніемъ почвеннымъ съ энтузіазмомъ, но одновременно и съ сохраненіемъ цѣлостнаго церковно-православнаго уклада, служитъ крестьянинъ Иванъ Посошковъ. Его нельзя разсматривать, какъ «писателя» эпохи — сочиненія его стали гласными въ гораздо болѣе позднее время. Но по своему и таланту и темпераменту былъ онъ «человѣкомъ пера» неудержимымъ, подлиннымъ публицистомъ. «Изъ презѣльной горячности къ отечеству» онъ въ своихъ запискахъ и проектахъ обличалъ непорядки и звалъ къ лучшему, готовый «лучше каковую либо пакость на себя понести, нежели, видя что полезное, умолчати». Онъ и пострадалъ: вскорѣ послѣ смерти Петра былъ арестованъ и скончался въ Петропавловской крѣпости (1726 г.), не достигнувъ шестидесятилѣтняго возраста. Самое извѣстное его сочиненіе — «Книга о скудости и богатствѣ», впервые найденная и опубликованная М. П. Погодинымъ больше ста лѣтъ тому назадъ. Она даетъ картину современной Россіи, окинутой взоромъ глубокимъ и проницательнымъ. Дѣлится она на 9 главъ: 1. О духовности. 2. О воинскихъ дѣлахъ. 3. О правосудіи. 4. О купечествѣ. 5. О духовенствѣ. 6. О разбойникахъ. 7. О крестьянствѣ. 8. О дворянахъ, крестьянѣхъ и земляныхъ дѣлахъ. 9. О царскомъ интересѣ. Задача, сочиненіемъ этимъ поставленная, многозначительна: «какъ бы истребить изъ народа неправду и водрузить прямую правду и безпечное житіе народное». Посошковъ сторонникъ внѣдренія образованности во всемъ народѣ: приневолить надо и крестьянъ, чтобы учили дѣтей грамотѣ. Особенно тягостно невѣжество духовенства — для нихъ нужна вольная академія, всѣхъ наукъ исполненная. Но, ратуя въ пользу образованности, Посошковъ всецѣло находится въ кругѣ понятій «крѣпостныхъ»: о свободѣ у него нѣтъ и помысла, хотя онъ не противъ «народосовѣтія». «Вельми надо пещися, чтобы дней своихъ никакіе люди даромъ не теряли, хлѣба бы даромъ не ѣли.» Это относится къ крестьянамъ, которые требуютъ твердой руки. Но и помѣщики подъ рукою Царя: «крестьянамъ помѣщики не вѣковые владѣльцы, а прямой ихъ владѣтель россійскій самодержавецъ, а они владѣютъ временно». «Крестьянское богатство — богатство царственное». Главная бѣда Россіи — неправосудіе! «Не только у иностранцевъ христіанъ, но и у басурманъ есть справедливый судъ, а у насъ вѣра святая благочестивая и на весь свѣтъ славная, а судная расправа никуда негодная.». «Древніе уставы всѣ обветшали и отъ несправедливыхъ

судей исказились». «Неправда въ правителяхъ вкоренилась и застарѣла: отъ мала до велика всѣ стали быть поползновенны — овые ко взяткамъ, овые же боящеся сильныхъ лицъ. И того ради всякія дѣла государевы не споры, и сыски неправы, и указы не дѣйствительны, ибо всѣ правители дворянскаго чина знатнымъ норовятъ, а власть имутъ и дерзновеніе надъ самыми маломочными людьми, а нарочитымъ дворяномъ не смѣютъ и слова воспретительнаго изрещи... Видимъ мы всѣ, какъ великій нашъ монархъ трудитъ себя, да ничего не успѣетъ, потому что способниковъ по его желанію немного: онъ на гору аще и самъ-десять тянетъ, да подъ гору милліоны тянутъ, то какъ дѣло его споро будетъ?» «Книга о скудости и богатствѣ» нашего крестьянина-самоучки можетъ быть, какъ это не странно, разсматриваемо и какъ произведеніе научной экономической литературы, нося на себѣ отчетливыя черты сходства съ тѣми теченіями западной экономической мысли, которыя именуются «меркантилизмомъ»; понимается подъ народнымъ богатствомъ прежде всего преизбытокъ, какъ то бываетъ и въ частномъ хозяйствѣ купца, денежныхъ средствъ.

Сынъ Посошкова оказался среди молодыхъ людей, отправленныхъ Петромъ заграницу учиться. Прикладныя то науки, ибо задача: быть полезнымъ Царю въ дѣлѣ контроля надъ наемными иностранцами. Точныя указанія даются практическія о тратахъ и о распредѣленіи времени, по часамъ. Рекомендуется «памятовати убогаго, гладомъ или наготою страждуща, не взирая, какова той порода и вѣра». Но тому же сыну дается отеческое завѣщаніе и иного порядка: точное вопроизведеніе Домостроя, по духу! Дѣтей долженъ онъ учить неоплошно и держать ихъ въ великой грозѣ. Благочестіе остается въ полной силѣ, несмотря на широкую программу образованія, включающую и знакомство со свѣтской литературой — за исключеніемъ книгъ еретическихъ и душевредныхъ. Развлеченія губительныя, какъ танцы и карты, конечно, изгоняются. Нотки есть мягкости. «Жена отъ самаго Бога тебѣ дана не ради порабощенія или только послуженія, но ради самыя помощи. Безъ совѣта, наипаче безъ женинаго, ничего не твори.» Въ общемъ, однако, суровая, но духовно просвѣтленная, атмосфера Москвы господствуетъ въ этомъ Поученіи — при всей его дружественной обращенности къ вѣяніемъ эпохи.

Имѣются у Посошкова сочиненія и полемическаго характера, направленныя противъ враговъ Православія: вѣра его была горяча и дѣятельна, съ сознаніемъ ея истинности неколебимой. «Нынѣ мнози, говоритъ онъ укоризненно, изъ русскаго народа, научившіеся отъ иноземцевъ, отъ правыя своея вѣры въ лютеранское зловѣріе начинаютъ склонятися и отъ Мартина Лютера установленные слабые и роскошные и весьма развращенные законы

начинаютъ «принимати». Удручаетъ его и то, какъ такіе люди во время богослуженія сидятъ, а «на вечеринкахъ и богомерзкихъ танцахъ тако себя удручаютъ, что едва съ душой собираются, и тако удручившися спятъ даже до обѣда».

III.

Кантемиръ. Его мѣсто въ исторіи русскаго литературнаго языка. Его біографія и творчество. Моральная личность Кантемира. Его смерть.

Карамзинъ начинаетъ исторію русскаго литературнаго языка съ Кантемира. Великое значеніе его распознается въ началѣ XIX вѣка одновременно многими (Жуковскій, Батюшковъ, Шишковъ). Репутація Кантемира устанавливается прочно. Издавая сочиненія Кантемира въ составѣ русскихъ классиковъ въ 1836 г., гр. Д. Толстой такъ опредѣлялъ нашу словесность въ эпоху Кантемира: «Множество предметовъ, дотолѣ неизвѣстныхъ и заимствованныхъ у иностранцевъ, требовало наименованій: богатый Славянскій языкъ, какъ упрямый старикъ, упорно отказывалъ въ нихъ пришельцамъ. Отъ того произошла уродливая смѣсь иноземныхъ и Славянскихъ выраженій, которыми испещрены новорусскія книги того времени, смѣсь, которая потомъ превратилась въ нѣкоторый видъ щегольства, вредный для хорошаго вкуса и пагубный для вкуса еще не образовавшагося». Бѣлинскій нѣсколько позже писалъ: «Кантемиръ (въ сатирахъ) является первымъ писателемъ, вызваннымъ реформою Петра Великаго, образъ и духъ котораго глубоко впечатлѣлся въ юношеской душѣ будущаго сатирика. Такимъ образомъ, Кантемиръ былъ первымъ сподвижникомъ Петра на такомъ поприщѣ, котораго Петръ не дождался увидѣть, но которое, какъ и все въ Россіи, приготовлено имъ же».

Антіохъ Кантемиръ, сынъ румынскаго господаря и его жены, гречанки, не имѣлъ ни капли русской крови. Воспитанный Петромъ, питомецъ новыхъ его школъ, онъ сталъ русскимъ и, хотя лишь раннюю молодость провелъ при Петрѣ, можетъ быть по справедливости названъ птенцомъ его гнѣзда. Феноменально способный (десяти лѣтъ, онъ въ присутствіи Петра говоритъ по гречески похвальное слово св. Димитрію), онъ съ дѣтства впиталъ въ себя богатую церковную культуру, въ соотвѣтствіи съ укладомъ жизни родительскаго дома, древле-благочестиваго. Первое литературное произведеніе Ант. Кантемира — «Симфонія или согласіе на Богодухновенную книгу псалмовъ царя и пророка Давида» (1727 г.). Это — расположенная въ алфавитномъ порядкѣ сводка параллельныхъ мѣстъ Псалтири по славянскому тексту.

Извѣстны переложенія имъ отдѣльныхъ псалмовъ. Воспринявъ впослѣдствіи культуру европейскую, въ которой онъ могъ чувствовать себя уже какъ дома, Кантемиръ не потерялъ церковно-православной вѣры, хотя, конечно, утратилъ цѣломудріе дѣтское. Онъ былъ духа Петрова. Семья Кантемира многимъ была обязана Петру, который взялъ ее подъ защиту отъ турокъ, а когда, во время неудачнаго похода противъ нихъ, ими поставленъ былъ вопросъ о выдачѣ Кантемира-отца, то Петръ отвѣтилъ, что предпочтетъ отдать земли до Курска, но не посрамитъ своей чести такимъ поступкомъ. Въ исторію политическую Кантемиръ вошелъ (вмѣстѣ съ Татищевымъ), какъ авторъ знаменитой петиціи дворянства, получивъ которую Анна Іоанновна разодрала знаменитыя «кондиціи,» навязанныя ей верховниками. Кончилъ онъ жизнь 35 лѣтъ заграницей, виднымъ дипломатомъ, — и на этомъ поприщѣ проявивъ недюжинныя способности.

Въ литературу вошелъ Кантемиръ, какъ авторъ сатиръ, которыя стали еще при жизни его знаменитыми, распространяясь въ спискахъ. Собраніе ихъ, авторомъ подготовленное къ печати и присланное въ Петербургъ, вышло въ свѣтъ лишь чрезъ 18 лѣтъ послѣ его смерти, а одна сатира напечатана была только въ 1858 г. Вліяніе его сатиръ было значительнымъ. «Я первый осмѣлился писать такъ, какъ говорятъ» — могъ по справедливости вложить эти слова Батюшковъ въ уста Кантемира. Не въ такой, конечно, обширной мѣрѣ, какъ то было съ «Горе отъ Ума», но кое-что отъ сатиръ Кантемира отложилось даже въ разговорной рѣчи. Бытовая изобразительность роднитъ Кантемира съ Фонвизинымъ и съ позднѣйшими представителями обличительной литературы. Наибольшую извѣстность получила сатира «Къ уму моему», обличавшая ханжество и мракобѣсіе.

«Расколы и ереси, — науки суть дѣти,
Больше вретъ, кому больше дано разумѣти».

Такова формула одного изъ героевъ сатиры, Критона, которая и является отправной точкой для дальнѣйшихъ обличеній.

«Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита,
Изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита,
Знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы,
Какъ въ морѣ страдавшіе отъ корабельной службы.»

Такъ, созвучно съ Посошковымъ, оцѣниваетъ Кантемиръ отношеніе общества къ просвѣтительнымъ реформамъ Петра. Направляются обильныя стрѣлы авторскаго остроумія и противъ коснаго духовенства (всего двадцать лѣтъ автору!): онъ всецѣло подъ вліяніемъ Ѳеофана Прокоповича, о которомъ восторженно говоритъ, что ему «все извѣстно, что знати можетъ человѣкъ и умъ человѣчь понять». Ихъ обоихъ сближала истинная страсть къ просвѣщенію. Близость ихъ была такова, что одинъ литерату-

ровѣдъ могъ сопроводить нѣкоторыя мѣста сатиръ Кантемира параллельнымъ текстомъ изъ проповѣдей Прокоповича. Тѣмъ болѣе показательнымъ для глубины и силы церковности Кантемира можетъ послужить то, что онъ счелъ себя вынужденнымъ подвергнуть рѣзкой критикѣ написанную Өеофаномъ «Краткую книгу для ученія отрокамъ», такъ какъ обнаружилъ въ ней протестантскій уклонъ въ вопросѣ почитанія иконъ и св. мощей. Умѣстно здѣсь подчеркнуть, что сатирическія обличенія Кантемира направлены ,противъ личныхъ пороковъ и невѣжества духовенства, а никакъ не противъ Церкви.

По натурѣ Кантемиръ былъ мыслителемъ-моралистомъ, съ тягой къ кабинетному труду: даже дипломатическая служба не выводила его изъ своего рода затворничества. Будучи прекраснымъ лингвистомъ, Кантемиръ много времени удѣлялъ переводамъ. Переписка его, разнообразно-обширная (Кантемиръ былъ связанъ со многими видными людьми Запада), пріобрѣтала иногда характеръ систематическихъ нравственныхъ разсужденій. Ему же принадлежитъ трактатъ по алгебрѣ. Болѣзненный, онъ говорилъ, что не страдаетъ только тогда, когда работаетъ. «Люби уединеніе для науки, люби науку для добродѣтели, люби добродѣтель для человѣчества» — такъ можно опредѣлить его же словами его философію жизни. Быть можетъ, меньше всего онъ былъ поэтомъ.

«Любовныя пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло,
Коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло».

Характернымъ для него является гражданское негодованіе. Бороться со зломъ «дѣло пастырей — да они молчатъ: пишу по должности гражданина, отбивая все то, что согражданамъ моимъ вредно быть можетъ», писалъ онъ. «Въ сатирахъ хочу состарѣти, а не писать мнѣ нельзя, не могу стерпѣти». Напротивъ того — «Рифмы не могу прибрать, какъ хвалить желаю». Предваряетъ онъ Гоголя словами: «Смѣхъ въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу». Даромъ и ему то не проходило: «Лучше вѣкъ не писать, чѣмъ писать сатиру, что приводитъ въ ненависть меня всему міру». И все же лишь сатира его вдохновляетъ:

«Какъ въ нравахъ вредно что усмотряю,
Подъ перомъ стихъ течетъ скоряе.
Чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю
И что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю».

Къ концу дней своихъ Кантемиръ заговорилъ иначе: «Ужъ горько мнѣ каяться, что дни золотые такъ непрочно стратилъ я, пиша пѣсни тыя».

Послѣднимъ его трудомъ былъ переводъ нравоученія Эпиктета.

Предъ лицомъ Ангела Смерти потерялъ онъ вкусъ къ лите-

ратурной работѣ. Раньше пугала его смерть — теперь онъ спокойно-примиренно готовится къ ней. Поисповѣдавшись у посольскаго священника (въ Парижѣ), онъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье пріобщился Святыхъ Тайнъ. Былъ у обѣдни на второй день праздника. На третій уже не могъ придти. 31 марта 1744 года онъ тихо скончался, завѣщавъ похоронить себя въ Москвѣ, въ монастырѣ, гдѣ былъ погребенъ его отецъ (Никольскій греческій монастырь).

Есть слова, которыя мы употребляемъ не подозрѣвая, что введены онѣ въ русскій языкъ Кантемиромъ: средоточіе, понятіе, начало (въ смыслѣ «элементъ»). Лишь ничтожная доля имъ написаннаго увидѣла свѣтъ.

IV.

В. Н. Татищевъ. Его первоначальный обликъ. Его жизненный путь. Его позднѣйшіе взгляды. Его историческіе труды. Его кончина.

В.Н. Татищевъ былъ выученикомъ Петра изъ родовитыхъ юнцовъ. Онъ учился въ Москвѣ, въ инженерномъ и артиллерійскомъ училищѣ, а завершалъ образованіе въ Германіи. Первоначально служилъ онъ по артиллеріи; потомъ спеціализировался въ горномъ дѣлѣ, для чего ѣздилъ въ Швецію. Извѣстно, что онъ управлялъ горными заводами въ Оренбургскомъ краѣ. Послѣдняя должность его была губернатора въ Астрахани. Попавъ подъ судъ, онъ кончилъ дни въ деревнѣ. Пламенный приверженецъ петровскихъ реформъ, онъ вольнодумствомъ своимъ далеко превосходилъ терпимую мѣру. Голиковъ сообщаетъ, что Петръ училъ его дубинкою, приговаривая: «Не соблазняй вѣрующихъ чистыхъ душъ; не заводи вольнодумства, пагубнаго благоустройству. Не на тотъ конецъ старался я тебя выучить, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви.» О степени и характерѣ его вольнодумства повѣдалъ намъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, увидѣвшій себя вынужденнымъ въ особомъ трактатѣ приводить его къ разуму. Какъ извѣстно, у него бывали собранія. Однажды, когда рѣчь шла о «Пѣснѣ Пѣсней», Татищевъ «поворотя лицо свое въ сторону, ругательно усмѣхнулся», а затѣмъ, «поникнувъ очи въ землю съ молчаніемъ и перстами въ столъ долбя, притворный видъ на себя показывалъ». На вопросъ хозяина: «что ему на мысль пришло?» — Татищевъ отвѣчалъ такъ: «Давно ... удивлялся я, чѣмъ понужденные не токмо простые невѣжи, но и сильно ученые мужи возмечтали, что пѣснь пѣсней есть книга Священнаго Писанія и Слова Божія.» Тутъ же далъ Татищевъ свое толкованіе, очень грубое.

Богословскимъ трактатомъ отвѣтилъ Прокоповичъ на дерзость своего друга, свидѣтельствовавшую, какъ будто, о глубокой его порчѣ. Но поверхностнымъ оставалось надменное вольнодумство. По существу же Татищевъ явилъ собою, напротивъ, образецъ человѣка, въ которомъ западная культура способна была войти въ органическую связь съ почвенностью не только бытовой, но и церковной: смылась безъ остатка вся нечисть въ ходѣ жизни. Сложившійся Татищевъ раскрываетъ себя въ «Духовной» сыну. Конечно, не дышетъ она суровой замкнутостью Домостроя, но вѣрою проникнута крѣпкой. Татищевъ — сторонникъ широкаго образованія, предполагающаго знакомство и съ чужими вѣрами, но не въ ущербъ своей. Трезвыми были политическіе его взгляды. Онъ готовъ былъ положительно оцѣнивать чужія политическія установленія, подъ угломъ зрѣнія мѣстныхъ историческихъ условій, но отсюда никакъ не выводилъ надобности подражать имъ. Въ частности, убѣжденъ онъ былъ, что «вольность» не принесетъ намъ пользы: «съ хвалящими вольности другихъ государствъ и ищущими власть монарха уменьшить никогда но согласуйся, внушалъ онъ сыну, понеже оное государству крайнюю бѣду нанести можетъ». Болѣе либеральнаго духа ранѣе написанный имъ «Разговоръ двухъ пріятелей о пользѣ наукъ и училищъ». Здѣсь апологія западнаго просвѣщенія западническимъ духомъ уже и насыщена. Тѣмъ болѣе знаменательно умоначертаніе «Духовной». Сохранить исходный укладъ жизни — вотъ задача, ставимая имъ сыну. Юность — ученіе; зрѣлый возрастъ — служба, сначала военная, потомъ гражданская; послѣ пятидесяти лѣтъ — деревня. Но это никакъ не бездѣлье, а тоже работа и забота — по широкому плану. Тутъ и задачи просвѣщенія гражданскаго; тутъ и забота о духовенствѣ; тутъ и благоустройство всяческое, вплоть до устройства больницъ и богадѣленъ. Въ семейной же жизни предлагается патріархальность, въ полномъ уваженіи къ родителямъ, въ тѣсной дружбѣ съ женой, но безъ зависимости отъ нея, внѣ праздности и легкомысленныхъ развлеченій.

Отвращеніе питаетъ Татищевъ къ придворной жизни — то ли дѣло служба, полезный трудъ, умственныя занятія! Самъ онъ издавна досуги сталъ посвящать русской старинѣ. Тутъ — основныя его и не малыя заслуги. Петръ поручилъ Брюсу составить географію Россіи. Тотъ подбросилъ это заданіе Татищеву. Расширилось оно въ его рукахъ — и сталъ Татищевъ первымъ русскимъ историкомъ. Достиженія его неоцѣнимы. Рядъ важныхъ памятниковъ былъ имъ открытъ. Имъ же составлены были первые своды лѣтописей. Современный историкъ не обойдется безъ обращенія къ Татищеву, такъ какъ только у него найдетъ слѣды нѣкоторыхъ памятниковъ — исчезнувшихъ. Главные историческіе труды Татищева слѣдующіе: I/ «Исторія Россійская съ древнѣй-

шихъ временъ чрезъ тридцать лѣтъ собранная и описанная», оканчивающаяся 1462 г. 2/ Лексиконъ Россійскій историческій, географическій, политическій и гражданскій. 3/ Русская Правда. 4/ Судебникъ царя Іоанна Васильевича. Первые два труда — оригинальныя изслѣдованія; послѣдніе — памятники, открытые Татищевымъ, огромной важности. Труды эти увидѣли свѣтъ только въ концѣ XVIII вѣка, но и раньше глубоко-образованные люди о нихъ знали и ихъ цѣнили. Наставникъ Павла, С. А. Порошинъ, говорилъ своему ученику о «достоинствахъ и стараніи» Татищева, оставшихся въ забвеніи, и на вопросъ Цесаревича, что за человѣкъ Татищевъ, пояснялъ: «онъ человѣкъ былъ великаго ума, твердаго и проницательнаго, человѣкъ весьма знающій и любопытный, что собралъ и сочинилъ основательную Россійскую исторію, что эта исторія и теперь таскается въ манускриптахъ, что весьма жаль, что ее не напечатаютъ и такое сокровище пропадаетъ.» Это было сказано въ 1764 г. Первый трудъ Татищева, увидѣвшій свѣтъ (Судебникъ), былъ напечатанъ въ 1768 г.

Смерть Татищева бросаетъ замѣчательный свѣтъ на его личность. Жилъ Татищевъ у себя въ подмосковной, подъ домашнимъ арестомъ — дѣло его еще не пришло къ концу. Озаренный свыше извѣщеніемъ о своей близящейся кончинѣ, онъ вызвалъ сына съ женой и сдѣлалъ распоряженія на случай смерти, указавъ и мѣсто своей могилы, рядомъ съ предками. На утро вызвалъ духовника. Тутъ пришелъ пакетъ отъ Государыни: орденъ св. Александра Невскаго и указъ о признаніи его невиннымъ. Онъ вернулъ орденъ съ благодарственнымъ письмомъ, сообщая, что жизнь его кончена. Тогда же снята была стража. Поваръ пришелъ вечеромъ: «я не хозяинъ, а гость; вотъ хозяйка», сказалъ Татищевъ, указывая на невѣстку. Очистивъ душу покаяніемъ, онъ на слѣдующій день, простившись со всѣми, тихо скончался, попросивъ не дѣлать шума, пока душа будетъ разставаться съ тѣломъ «дабы не продлить мученія тѣла, когда оно разстается съ душой». Когда хотѣли снять мѣрку для гроба, столяръ заявилъ, что «онъ уже, по повелѣнію покойнаго, давно сдѣланъ, подъ который ножки онъ самъ, покойный, точилъ».

V.

В. К. Тредьяковскій. Начало его жизни. Заграница. Оффиціальная дѣятельность при Академіи. Его труды о русскомъ стихосложеніи. Его литературные труды. Конецъ его жизни. Причины неуспѣха Тредьяковскаго, какъ реформатора. Его моральный образъ. Положительныя и отрицательныя стороны его творчества.

Родомъ изъ Астрахани, изъ духовной среды, Тредьяковскій первые толчки къ расширенію знанія получилъ отъ католическихъ

монаховъ, которые работали миссіонерами среди мѣстныхъ армянъ. «По охотѣ къ ученію — говорилъ онъ позже о себѣ — оставилъ я родной городъ, домъ, родителей и убѣжалъ въ Москву». Подготовка его оказалась настолько значительной, что принятъ онъ былъ въ славяно-греко-латинскую академію прямо въ классъ риторики. Тутъ онъ, попавшись на глаза Петру, отмѣченъ былъ его вѣщимъ словечкомъ: «вѣчный труженикъ». Удовлетворенія въ академіи Тредьяковскій, однако, не нашелъ. Онъ бѣжитъ въ «Европскія страны». Мы находимъ его въ Голландіи, гдѣ онъ пользуется покровительствомъ нашего посланника графа Головкина. Отсюда онъ перебирается въ Парижъ — и тамъ осѣдаетъ, тоже покровительствуемый нашимъ посломъ, кн. Куракинымъ. Онъ успѣшно проходитъ курсъ Сорбонны. Въ совершенствѣ овладѣвъ французскимъ языкомъ, онъ пишетъ на немъ неплохіе стихи. Сложившимся человѣкомъ западной выучки онъ возвращается въ Москву, а оттуда перебирается въ Петербургъ. Къ этому времени (1703 г.) относится его первое печатное произведеніе — переведенная съ французскаго «Поѣздка на островъ любви». Здѣсь онъ уже формулируетъ, въ предисловіи, задачу всей дальнѣйшей жизни: сдѣлать своимъ литературнымъ языкомъ простое русское слово, «каковымъ мы между собою говоримъ», отказавшись отъ «славенскаго», который «въ нынѣшнемъ вѣкѣ у насъ очень теменъ». «Языкъ славенскій, пишетъ онъ, нынѣ жестокъ моимъ ушамъ слышится, хотя прежде сего не только я имъ писывалъ, но и разговаривалъ со всѣми».

Ставъ на стезю придворнаго піиты, Тредьяковскій одновременно пріобщается къ занятіямъ въ Академіи «по слѣдующимъ кондиціямъ»: «Чинить, по всей своей возможности, все то, въ чемъ состоитъ интересъ Ея Императорскаго Величества и честь Академіи. Вычищать языкъ русскій, пишущій какъ стихами, такъ и не стихами. Давать лекціи, ежели отъ него потребовано будетъ. Окончить грамматику, которую началъ, и трудиться совокупно съ прочими надъ диксіонаріемъ русскимъ. Переводить съ французскаго на русскій языкъ все, что ему дастся». Такъ началась двойственная жизнь «вѣчнаго труженика», разрывавшагося между стремленіемъ къ внѣшнему и матеріальному успѣху, покупавшемуся тогда грубой лестію, и тягой къ достиженію иного успѣха, уже не матеріальнаго, на службѣ, неутомимо-безкорыстной, русскому языку, вновь создаваемому. Служитъ Тредьяковскій ему и какъ переводчикъ неутомимый, и какъ писатель, и какъ поэтъ, а главное: какъ теоретикъ-новаторъ. Дѣйствительно, новое слово возвѣщаетъ онъ на самой зарѣ своей академической дѣятельности. Оно заключено въ маленькой брошюркѣ: «Новый и краткій способъ къ сложенію стиховъ россійскихъ», гдѣ Тредьяковскій, въ

отличіе отъ принятаго у насъ силлабическаго размѣра, звалъ къ тоническому. Первый онъ отожествлялъ съ «прозою, опредѣленнымъ числомъ идущей, а мѣры и паденія, чѣмъ стихъ поется и разнится отъ прозы, то есть отъ того, что не стихъ, весьма не имѣющей». Тредьяковскій справедливо считалъ, что подобный счетъ слоговъ, оканчивающійся рифмой, чуждъ русскому языку. Русскій языкъ требуетъ тоническаго размѣра, когда чередуются слоги съ удареніемъ и слоги безъ ударенія, и стихъ дѣлится не на слоги (силлабы), а на стопы. Стопой же называется: слогъ съ удареніемъ, сопровождаемый однимъ или двумя слогами безъ ударенія. Разныя комбинаціи въ образованіи стопъ имѣютъ отъ древности особыя наименованія: хорей, ямбъ, дактиль и т. д. Привело Тредьяковскаго къ убѣжденію, что характернымъ для русскаго языка является именно тоническое стихосложеніе, наблюденіе надъ русской народной поэзіей. «Даромъ, что слогъ ея весьма некрасный отъ неискусства слагающихъ», все же въ ней можно найти «сладчайшее, пріятнѣйшее и правильнѣйшее разнообразныхъ стопъ ея, нежели иногда греческихъ и латинскихъ, паденіе». То было подлинное открытіе, результаты котораго,однако, не въ силахъ былъ реализировать самъ авторъ его. Вообще, печать неудачничества лежитъ на всей жизни Тредьяковскаго. Извѣстна горькая обида, нанесенная ему временщиком Волынскимъ: объ ней мы читаемъ въ романѣ Лажечникова «Ледяной домъ» въ видѣ насмѣшливомъ. Это вызвало негодованіе Пушкина. «Вы оскорбляете — писалъ онъ Лажечникову — человѣка, достойнаго во многихъ отношеніяхъ уваженія и благодарности нашей...»

Воцареніе Императрицы Елизаветы благопріятно отразилось на судьбѣ Тредьяковскаго — мы видимъ его профессоромъ «латинской и россійской элоквенціи» въ академическомъ университетѣ. Къ этой эпохѣ относится его переводъ знаменитой поэмы Фенелона подъ названіемъ «Телемахиды» — въ дальнѣйшемъ предметъ общихъ насмѣшекъ. При Екатеринѣ проигравшій въ придворной игрѣ въ фанты долженъ былъ выучить наизусть нѣсколько строкъ оттуда... Много было и другого Тредьяковскимъ написано — и переводнаго и оригинальнаго, въ частности, и въ области теоріи стихосложенія. Велось имъ преподаваніе. Несома была разнообразная академическая служба. Но вражда кипѣла (и Сумароковъ и Ломоносовъ были противниками Тредьяковскаго). Подъ старость разстаться пришлось ему и съ Академіей. Скончался онъ въ нуждѣ, въ забвеніи, усталый — и смирившійся.

Чтобы дать себѣ отчетъ въ трудности задачи, поставленной предъ собою Тредьяковскимъ, представимъ себѣ, къ чему сводилась тогда у насъ «образованность». «Русскій мальчикъ семи или восьми лѣтъ, оторванный отъ своего часослова, учился два года

латинской этимологіи,два года латинскому синтаксису, три года латинской піитикѣ и риторикѣ, два года схоластической латинской философіи и въ продолженіи четырехъ лѣтъ слушалъ теологическія лекціи опять таки на латинскомъ языкѣ. Всего этого было, конечно, слишкомъ довольно для того, чтобы молодой человѣкъ, по окончаніи полнаго курса наукъ, утратилъ въ себѣ окончательно чувство материнскаго языка. Такимъ порядкомъ дѣлъ весьма удовлетворительно объясняется то странное явленіе, что всѣ русскіе писатели во второй половинѣ семнадцатаго и въ первой половинѣ восемнадцатаго вѣка выражаютъ свои мысли какимъ то вычурно дикимъ языкомъ, гдѣ встрѣчается пестрая смѣсь различныхъ нарѣчій безъ всякаго опредѣленнаго характера. Тредьяковскій прошелъ чрезъ всѣ эти школьныя мытарства, и было совершенно въ порядкѣ вещей, что онъ впослѣдствіи при выраженіи своихъ мыслей усвоилъ себѣ манеру современниковъ» (Ир. Введенскій). Вотъ отъ чего долженъ былъ отправляться нашъ новаторъ. Надо ли удивляться тому, что онъ, будучи способенъ писать гладкіе французскіе стихи — полную безпомощность являлъ, литературно употребляя языкъ русскій? Этотъ контрастъ такъ оцѣнивалъ одинъ, еще гораздо болѣе старый, русскій литературовѣдъ, современникъ Пушкина, Н. Гречъ. «Примѣръ любопытный и поучительный! Все, что составляетъ ученаго и полезнаго человѣка соединялось въ Тредьяковскомъ: умъ, знаніе, опытность, прилежаніе, любовь къ наукамъ и словесности; былъ случай употребить въ пользу свои дарованія и ученость. И онъ произвелъ только уродливыя созданія, передавшія его имя потомству въ незавидныхъ лучахъ педанта и безплоднаго труженика. Отчего это? Оттого, что родился онъ въ такое время, когда въ Россіи надлежало созидать, творить изъ самородныхъ матеріаловъ, а не изъ готовыхъ образцовъ иностранныхъ. Онъ нашелъ во Франціи примѣры стиховъ, и сталъ писать такъ, какъ другіе; въ Россіи не имѣлъ онъ предшественниковъ, и не могъ самъ произвести ничего хорошаго. Ему не доставало врожденнаго чувства русскаго, а что и было въ немъ, то заглушалось подражаніемъ иностранцамъ. Ему не доставало того, что творитъ людей великихъ, что опереживаетъ вѣкъ и воздвигаетъ себѣ монументы въ потомствѣ — не доставало генія».

Нельзя сказать, чтобы у Тредьяковскаго вовсе отсутствовало чутье прекраснаго. Пушкинъ восхищался слѣдующимъ гекзаметромъ: «Корабль Одиссеевъ, бѣгомъ волны дѣля, изъ очей ушелъ и сокрылся». Шевыревъ извлекъ слѣдующую жемчужину изъ библейскихъ переложеній Тредьяковскаго:

«Вонми, о, Небо, и реку,
Земля да слышитъ устъ глаголы;

Какъ дождь я словомъ потеку;
И снидутъ, какъ роса къ цвѣтку,
Мои вѣщанія на долы».

Но невозможенъ для нашего уха «обычный» стиль Тредьяковскаго. Приведемъ для примѣра стихи, обращенные имъ къ женѣ:

«Ну же муза, ну же, ну!
Натяни свою струну!
Возьми арфу, воспой Марфу,
Тредьяковскаго жену!

Первый ввелъ онъ «гомеровскій» стиль, въ частности, широко употреблялъ составные эпитеты — но образцы ихъ вызываютъ улыбку своей неудачливостью.

«Онъ есть Тредьяковскій — трудолюбивый филологъ;
Какъ то увѣряетъ съ мѣрой и безъ мѣры слогъ;
Почести лишить его страсть коль ни кипѣла:
Но воздать ему вѣнокъ правда преуспѣла».

Это взято изъ имъ составленной надписи подъ его собственнымъ портретомъ. А въ начальномъ двустишіи этой надписи — весь Тредьяковскій:

«Стихъ начавшаго стопой прежде всѣхъ въ Россіи
Взоръ художествомъ черты предъявляютъ сіи».

Надо немалое усиліе сообразительности, чтобъ понять смыслъ этого двустишія. Если же всмотрѣться въ художественное изображеніе того, кто первый въ Россіи началъ писать стихи тоническимъ размѣромъ, то понятнѣе становится его неудачливая судьба: жеманное предъ нами улыбающееся лицо крѣпкаго и сильнаго человѣка, окруженнаго книгами, въ позѣ вѣщателя истины, самоувѣреннаго и ждущаго признанія.

Кромѣ отдѣльныхъ выхваченныхъ строфъ, только школьно-историческій интересъ имѣютъ его поэтическія произведенія. Но заслуги Тредьяковскаго остаются безспорными. Едва ли выразилъ это кто лучше Пушкина: «Его филологическія и грамматическія изысканія очень замѣчательны. Онъ имѣлъ о русскомъ стихосложеніи обширнѣйшее понятіе, нежели Ломоносовъ и Сумароковъ... Вообще изученіе Тредьяковскаго приноситъ болѣе пользы, нежели изученіе прочихъ нашихъ старыхъ писателей. Сумароковъ и Херасковъ не стоятъ Тредьяковскаго».

VI.

М. В. Ломоносовъ. Начальный путь его жизни. Учебные годы въ Москвѣ. Германія. «Ода на взятіе Хотина». Ломоносовъ въ Петербургѣ. Напряженность и разнообразіе его дѣятельности. Ломоносовъ и Екатерина II. Характеръ Ломоносова. Пушкинъ о Ломоносовѣ. Гоголь о Ломоносовѣ. Ломоносовъ, какъ «господинъ и законодатель» языка. Его благоговѣніе передъ силой и красотой русскаго языка. Взаимоотношеніе языковъ церковно-славянскаго и русскаго. Три «штиля». Проза и поэзія Ломоносова. Значеніе Ломоносова.

Ломоносовъ былъ «поморомъ», сыномъ рыбака-крестьянина Архангельской губерніи, деревни Денисовки, близъ Холмогоръ. Грамотѣ его обучилъ мѣстный крестьянинъ Иванъ Шубной. Есть свидѣтельство о Ломоносовѣ, что «обучился онъ ей въ короткое время совершенно, охочъ былъ читать въ церкви псалмы и каноны и житія святыхъ, и въ томъ былъ проворенъ, а притомъ имѣлъ у себя природную глубокую память: когда какое житіе или слово прочитаетъ, послѣ пѣнія разсказываетъ сѣдящимъ въ трапезѣ старикамъ сокращеннѣе на словахъ обстоятельно». Въ языкѣ онъ усовершенствовался въ церкви. Случай помогъ заглянуть и дальше. Разъ дѣти сосѣда Дубина сказали ему, что у дѣда есть двѣ мудреныя книги. Первыми «вратами учености» назвалъ впослѣдствіи Ломоносовъ эти двѣ вымоленныя у сосѣдей книжки. Онъ не выпускалъ ихъ изъ рукъ, пока мачеха и отецъ не прекратили этого безчинія. А потомъ потихоньку, спрятавшись въ уединенныхъ мѣстахъ, ихъ поглощалъ. Это были допетровская грамматика Смотрицкаго и ариѳметика Магницкаго. Изданная Петромъ (впервые съ арабскими цыфрами) для «навигацкихъ школъ», послѣдняя книга заключала въ себѣ свѣдѣнія, и изъ географіи, и изъ физики, и изъ астрономіи. Духъ Петровъ уже живетъ въ этой маленькой энциклопедіи точнаго знанія. О Петрѣ говорило многое и вокругъ Ломоносова. «Тамъ, въ Унскихъ Рогахъ, онъ спасся отъ бури и своими руками сработалъ и поставилъ пятиаршинный сосновый крестъ въ память избавленія, здѣсь въ Архангельскѣ цѣлый день проводилъ на городской биржѣ, ходилъ по горсду въ платьѣ голландскаго корабельщика, часто гулялъ по рѣкѣ Двинѣ, входилъ во всѣ подробности жизни приходившихъ къ городу торговцевъ, строилъ хлѣбные магазины и верфи, закладывалъ корабли, воздвигалъ крѣпость, тѣшился пушечной пальбою, молился въ Соловкахъ и пѣлъ на клиросѣ съ пѣвчими... Изъ-за ивняка своей деревни Ломоносовъ ежедневно могъ видѣть на горѣ село Вавчуги, гдѣ свѣжо еще было преданіе о томъ, какъ Петръ гостилъ тамъ не одни сутки у богатаго умнаго владѣльца Вавчуги Баженова, котораго любилъ ласкать и жаловать». (Любимовъ). Первыя впечатлѣнія литературныя дала Ло-

моносову псалтырь, переложенная въ вирши Симеономъ Полоцкимъ. Объ условіяхъ жизни домашней Ломоносова можно судить по его словамъ въ письмѣ Шувалову: «Имѣючи отца, хотя по натурѣ добраго человѣка, однако въ крайнемъ невѣжествѣ воспитаннаго, и злую завистливую мачеху, которая всячески старалась произвести гнѣвъ въ отцѣ моемъ, представляя, что я всегда сижу по пустому за книгами. Для того многократно принужденъ я былъ читать и учиться, чему возможно было, въ уединенныхъ и пустыхъ мѣстахъ и терпѣлъ стужу и голодъ, пока не ушелъ въ Спасскія школы».

Близились восемнадцать лѣтъ. Ломоносову, по возрасту, грозила женитьба и, слѣдовательно, окончательное погруженіе въ мѣстный бытъ. У Магницкаго Ломоносовъ могъ прочитать: «Повелѣ (Петръ) отъ всякаго чина своего государства добровольно приходящихъ людей учити, довольствуя и питая государственною казною, яко же злое непотребное невѣдѣніе скоро въ нашей землѣ истребится». Ломоносовъ бѣжалъ (съ остановкой въ Сійскомъ монастырѣ) въ Москву.

Легко сказать: бѣжалъ въ Москву! Зима была жестокая. На немъ былъ тулупъ, на ногахъ коты съ онучами по-срединѣ. Въ карманѣ ни копѣйки. Съ собою кусокъ хлѣба, изъ дому захваченный. Никуда не заходя, бѣжалъ онъ 60 верстъ, пока не настигъ обозъ съ рыбой, который велъ знакомый прикащикъ, его пожалѣвшій... А какія затрудненія были въ Москвѣ!..

Но, такъ или иначе, а преодолѣны были всѣ затрудненія и, назвавшись поповскимъ сыномъ, попалъ онъ въ желанную Славяно-греко-латинскую академію. Сохранилось преданіе, что его, въ его самозванствѣ, покрылъ Ѳеофанъ Прокоповичъ, вообще чуткій къ интересамъ учащихся (на нужды ихъ онъ оставилъ все свое личное имущество). «Не бойся ничего, сказалъ онъ ему, хотя бы со звономъ въ большой колоколъ стали тебя публиковать самозванцемъ — я твой защитникъ».

Объ этомъ времени самъ Ломоносовъ впослѣдствіи такъ писалъ И. И. Шувалову: «Обучаясь въ Спасскихъ школахъ, имѣлъ я со всѣхъ сторонъ отвращающіяся отъ наукъ пресильныя стремленія, которыя въ тогдашнія лѣта почти непреодолѣнную силу имѣли. Съ одной стороны, отецъ, никогда дѣтей кромѣ меня не имѣя, говорилъ, что я, будучи одинъ, его оставилъ, оставилъ все довольство (по тамошнему состоянію), которое онъ для меня кровавымъ потомъ нажилъ и которое послѣ его смерти чужіе расхитятъ. Съ другой стороны, несказанная бѣдность: имѣя одинъ алтынъ въ день жалованія, нельзя было имѣть на пропитаніе въ день больше какъ на денежку хлѣба и на денежку квасу, прочее на бумагу, на обувь и на другія нужды. Такимъ образомъ жилъ я пять лѣтъ и наукъ не оставилъ. Съ одной стоорны, пи-

шутъ, что, зная отца моего достатки, хорошіе тамошніе люди дочерей своихъ за меня выдадутъ, которые и въ мою тамъ бытность предлагали; съ другой стороны, школьники, малыя ребята, кричатъ и перстами указываютъ: смотри-де, какой болванъ въ двадцать лѣтъ пришелъ латинѣ учиться!» Протянувъ эту лямку пять лѣтъ, какими то судьбами оказался Ломоносовъ въ Кіевѣ, но не найдя тамъ удовлетворенія, возвратился скоро обратно. И быть ему священникомъ, если бы тутъ не пришелъ вызовъ изъ Петербурга лучшихъ учениковъ. Въ составѣ «отроковъ доброй надежды» попалъ и 24-лѣтній Ломоносовъ. Такъ опредѣлился дальнѣйшій путь его жизни.

Отправленъ онъ былъ учиться въ Германію — въ Марбургъ и Фрейбергъ, подъ надзоръ знаменитаго ученаго и философа Христіана Вольфа. Жадно впитывалъ въ себя науку Ломоносовъ: «У Ломоносова самая свѣтлая голова между студентами», писалъ въ Академію Наукъ Вольфъ. Инымъ учителямъ Ломоносовъ былъ не по ихъ росту. Онъ вспоминалъ впослѣдствіи объ одномъ изъ нихъ такъ: «Когда я однажды, по его (Генкеля) приказанію, началъ излагать причину химическихъ явленій, то онъ тотчасъ велѣлъ мнѣ замолчать и, съ обычной своей наглостью, поднялъ мои объясненія на смѣхъ, какъ пустую причуду». Давалъ Ломоносовъ иногда волю и своей широкой и несдержанной натурѣ, бражничалъ и шумѣлъ — что и впослѣдствіи оставалось ему свойственнымъ. Оказался онъ женатымъ на дочери марбургскаго портного. Изъ за долговъ бѣжать пришлось ему. Какими то судьбами попалъ онъ въ рекруты... Въ итогѣ, бывъ выручень русскими властями, онъ возвратился благополучно въ Россію.

Дарованія его обозначились съ всей яркостію уже въ донесеніяхъ его, посылавшихся въ Академію. Съ 1736 г. пребывая въ Германіи, Ломоносовъ 15 октября 1738 г. шлетъ въ Академію докладъ о своихъ занятіяхъ, написанный на нѣмецкомъ языкѣ, а къ докладу прилагаетъ научную работу на латинскомъ и переводъ оды Фенелона, въ которой французская высокопарность сдобрена свѣжей нашей отечественной простотой: первые звуки русской поэтической рѣчи! Черезъ годъ шлется въ Академію новый пакетъ — и тамъ уже во всей силѣ раскрывается геній Ломоносова. Въ этомъ пакетѣ «Ода на взятіе Хотина», а при ней «Письмо о правилахъ россійскаго стихотворства» — въ развитіе трактата о томъ же Тредьяковскаго. Въ отличіе отъ опытовъ Тредьяковскаго, ода Ломоносова (написанная въ 1738 г., она увидѣла свѣтъ только въ 1751 г.) является блестящимъ подтвержденіемъ дѣйствительной близости русскому языку тоническаго склада. «Я не могу нарадоваться, что Россійскій языкъ не токмо бодростію и героическимъ звономъ греческому, латинскому и нѣмецкому не уступаетъ, но и подобную

онымъ, а себѣ купно природную и свойственную версификацію имѣть можетъ» — писалъ Ломоносовъ. Но нѣчто большее, чѣмъ явленіе новой «версификаціи», ощущалъ русскій человѣкъ при знакомствѣ съ этой одой. Поповскій, ученикъ Ломоносова, такъ передаетъ впечатлѣнія отъ нея: «Всѣ нашли въ ней новый языкъ, новыя слова, и удивлялись, почему они ихъ прежде не знали». К. Аксаковъ могъ впослѣдствіи, не безъ основанія, сказать о Ломоносовѣ, что онъ «далъ намъ языкъ».

Съ пріѣздомъ Ломоносова въ Петербургъ, начинается его неутомимая работа въ Академіи. Онъ читаетъ студентамъ лекціи по физической географіи, химіи и «исторіи натуральной о рудахъ». Одновременно обучаетъ онъ ихъ въ «стихотворствѣ и штилѣ россійскаго языка». Долженъ онъ и самъ, то и дѣло, являть себя поэтомъ — по заказу двора. То — дань вѣку, съ его показной выспренностію. Но и здѣсь видимъ проблески генія языка.

Не легка была жизнь Ломоносова. Тутъ и матеріальныя трудности, тутъ и моральная тягота постояннаго сотрудничества съ нѣмцами: борьба съ ихъ засиліемъ. Не всегда справедливъ къ нимъ былъ Ломоносовъ, а формы, въ которыхъ выражалъ онъ свое недовольство, бывали такими, что однажды вызвали коллективный протестъ противъ «несноснаго безчестія и неслыханнаго ругательства» — такихъ, что готовы уѣхать они, нѣмцы, домой, и потомъ уже «никто изъ иностранныхъ государствъ впредь на убылыя мѣста пріѣхать не захочетъ». Облегчается положеніе Ломоносова съ воцареніемъ Елизаветы и со сближеніемъ его съ И. И. Шуваловымъ. Но, при всѣхъ условіяхъ, изслѣдовательская работа его идетъ неустанно, а уровень ея можетъ быть измѣренъ отзывомъ великаго Эйлера, который, разсмотрѣвъ записки Ломоносова, писалъ о нихъ, что, по части физики и химіи, онѣ «не только хороши, но превосходны» и обличаютъ въ немъ «генія для открытія феноменовъ физики и химіи». Въ своемъ увлеченіи естественными науками Ломоносовъ находитъ, однако, сдерживающее начало въ И. И. Шуваловѣ. Это на пользу, такъ какъ занятія словесностію воспринимаетъ самъ Ломоносовъ, какъ лишь долгъ, выполняемый имъ для пользы общей, а занятія естественными науками для него развлеченіе и удовольствіе. Слѣдующій отрывокъ письма Ломоносова къ его покровителю рисуетъ степень его разнообразной занятости: «Что же надлежитъ до второй части руководства къ краснорѣчію, то она уже нарочито далече и въ концѣ октября мѣсяца уповаю изъ печати выйдетъ. О первомъ томѣ Россійской Исторіи по обѣщанію моему стараніе прилагаю, чтобы онъ къ новому году письменно изготовился. Ежели кто по своей профессіи и должности читаетъ лекціи, дѣлаетъ опыты новые, говоритъ публично рѣчи и диссертаціи, и внѣ

оной сочиняетъ разные стихи и проекты къ торжественнымъ изъявленіямъ радости, составляетъ правила краснорѣчія и исторію своего отечества, и долженъ еще на срокъ поставить, отъ того я больше ничего требовать не имѣю, и готовъ бы съ охотою имѣть терпѣніе, когда бы только что путное родилось». «Путное» — рождалось такъ наглядно и выразительно, что И. И. Шуваловъ подъ портретомъ Ломоносова могъ съ достаточнымъ основаніемъ написать:

«Московскій здѣсь Парнасъ изобразилъ витію —
«Что чистой слогъ стиховъ и прозы ввелъ въ Россію,
«Что въ Римѣ Цицеронъ и что Виргилій былъ,
«То онъ одинъ въ своемъ понятіи вмѣстилъ,
«Открылъ натуры храмъ богатымъ словомъ Россамъ,
«Примѣръ ихъ остроты въ наукахъ Ломоносовъ».

Жизнь Ломоносова была, дѣйствительно, неустанный трудъ, напряженность котораго не легко себѣ представить. Въ стихахъ онъ такъ выражалъ тому же Шувалову свою занятость:

Воспомяни мои раченье и труды.
Воспомяни мои раченіе и труды.
Межъ стѣнъ и при огнѣ лишь только обращаюсь;
Отрада вся, когда о лѣтѣ я пишу;
О лѣтѣ я пишу, а имъ не наслаждаюсь,
И радости въ одномъ мечтаніи ищу.

На занятость могъ краснорѣчиво жаловаться Ломоносовъ, но она была въ его природѣ и не могла тяготить его. Если что дѣйствительно камнемъ ложилось на его душу, то это недоброжелательство, которое неизмѣнно преслѣдуетъ геніальныхъ людей. Онъ писалъ въ 1760 году:

Стараться о добрѣ, коль дозволяетъ мочь,
День въ пользу провождать и безъ покоя ночь,
И слышать о себѣ недоброхотны рѣчи —
Не легче, какъ стоять противъ кровавой сѣчи.

Неблагопріятно началось для Ломоносова царствованіе Екатерины. Только успѣлъ онъ привѣтствовать въ стихахъ воцареніе Петра III и ужъ готовъ былъ на актѣ рѣчь свою завершить восхваленіемъ новаго Императора, какъ произошелъ переворотъ. Тѣнь пала на Ломоносова. Оказался онъ, было, даже въ отставкѣ. Екатерина взяла его, однако, подъ свое покровительство, и положеніе его было возстановлено. 7 іюня 1764 г. онъ былъ удостоенъ посѣщенія Императрицей, которая особенный интересъ проявила къ его физическимъ и химическимъ аппаратамъ и опытамъ, а равно и къ его мозаичнымъ издѣліямъ (у Ломоносова, по указу сената, была фабрика для дѣланія разноцвѣтныхъ стеколъ, бисеру и др. «галантерейныхъ» вещей и уборовъ). Въ Запискахъ Порошина читаемъ о томъ, какъ Цесаревичу Павлу гр.

Ал. Орловъ подносилъ «конскій уборъ, выложенный хрусталями, топазами и композиціями съ фабрики госп. Ломоносова». Государыня, по свидѣтельству кн. Дашковой, освѣдомилась какъ то о причинахъ его нездоровья или грусти. Ломоносовъ отвѣчалъ: «Не я нездоровъ, не я грустенъ, больна и грустна душа моя». Непонятымъ ощущалъ себя Ломоносовъ, кончая свой жизненный путь, — особенно, какъ ученый. Объ этомъ онъ съ тоской говорилъ за нѣсколько дней до кончины другу Я. Штелину. Скончался Ломоносовъ 4 апрѣля 1765 года, на второй день Пасхи. Торжественныя похороны были устроены на счетъ Императрицы. Распорядителемъ ихъ былъ неизмѣнный покровитель Ломоносова Шуваловъ. Когда процессія достигла Александро-Невскаго монастыря, въ дверяхъ храма ее встрѣтилъ митрополитъ Димитрій Сѣченовъ. «Такъ ли я думалъ встрѣтиться съ тобою?» — сказалъ митрополитъ. Имъ, совмѣстно съ Петербургскимъ архіепископомъ и сонмомъ духовенства, было совершено отпѣваніе. Когда настало время послѣдняго разставанія многіе зарыдали, и стенаніе сдѣлалось почти общимъ — всѣхъ проникло сознаніе, что необыкновеннаго человѣка теряла Россія...

Ломоносовъ по природѣ былъ борцомъ. «Я къ сему себя посвятилъ, писалъ онъ, чтобы до гроба моего съ непріятелями наукъ россійскихъ бороться». Задоръ его могъ дѣлать его несправедливымъ. Могъ же онъ о добросовѣстномъ историкѣ Шлецерѣ, оказавшемъ немалыя заслуги возникающей нашей исторической наукѣ, сказать: «Изъ сего заключить должно, какихъ гнусныхъ пакостей не наколобродитъ въ россійскихъ древностяхъ такая допущенная въ нихъ скотина». Но мѣсто его въ исторіи словесности нашей огромно (не говоримъ о мѣстѣ его въ исторіи наукъ естественныхъ; лишь теперь получаетъ Ломоносовъ истинное здѣсь признаніе, какъ геній прозорливости исключительной).

Пушкинъ сказалъ о немъ: «Соединивъ необыкновенную силу воли съ необыкновенной силою понятія, Ломоносовъ обнялъ всѣ отрасли просвѣщенія. Историкъ, риторъ, механикъ, химикъ, минералогъ, художникъ и стихотворецъ, онъ все испыталъ и все проникъ». «Ломоносовъ великій человѣкъ. Между Петромъ I и Екатериной II онъ одинъ является самобытнымъ сподвижникомъ просвѣщенія. Онъ создалъ первый русскій университетъ; онъ, лучше сказать, самъ былъ первымъ нашимъ университетомъ». Но сильнѣе всего сказалъ о Ломоносовѣ Гоголь; его отзывъ стоитъ привести цѣликомъ:

«Что такое Ломоносовъ, если разсмотрѣть его строго? Восторженный юноша, котораго манитъ свѣтъ наукъ да поприще, ожидающее впереди. Случаемъ попалъ онъ въ поэты: восторгъ отъ нашей новой побѣды заставилъ его набросать первую оду. Впопыхахъ занялъ онъ у сосѣдей нѣмцевъ размѣръ и форму, ка-

кія у нихъ на ту пору случились, не разсмотрѣвъ приличны ли они русской рѣчи. Нѣтъ и слѣдовъ творчества въ его реторически составленныхъ одахъ; но восторгъ уже слышенъ въ нихъ повсюду, гдѣ ни прикоснется онъ къ чему нибудь близкому наукопюбивой его душѣ. Коснулся онъ сѣвернаго сіянія, бывшаго предметомъ его ученыхъ изслѣдованій — и плодомъ этого прикосновенія была ода: «Вечернее размышленіе о Божіемъ величествѣ», вся величественная отъ начала до конца, какой никому не написать кромѣ Ломоносова. Тѣ же причины породили извѣстное посланіе къ Шувалову «О пользѣ стекла». Всякое прикосновеніе къ любезной его сердцу Россіи, на которую глядитъ онъ подъ угломъ зрѣнія ея сіяющей будущности, исполняетъ его силы чудотворной. Среди холодныхъ строфъ польются вдругъ у него такія строфы, что не знаешь самъ, гдѣ ты находишься. Точно, какъ бы, выражаясь его же словами:

«Божественный пророкъ Давидъ
«Священными шумитъ струнами,
«И Бога полными устами
«Исайя восхищенъ гремитъ».

«Всю русскую землю озираетъ онъ отъ края до края съ какой то свѣтлой вышины, любуясь и не налюбуясь ея безпредѣльностью и дѣвственною природою. Въ описаніяхъ слышенъ взглядъ скорѣе ученаго натуралиста, нежели поэта. Изумительнѣе всего то, что заключа стихотворную свою рѣчь въ узкія строфы нѣмецкаго ямба, онъ ничуть не стѣснилъ языка: языкъ у него движется въ узкихъ строфахъ такъ же величественно и свободно, какъ полноводная рѣка въ нестѣсненныхъ берегахъ. Онъ у него свободнѣе и лучше въ стихахъ, нежели въ прозѣ, и не даромъ Ломоносова называютъ отцомъ нашей стихотворной рѣчи. Изумительно то, что начинатель уже явился господиномъ и законодателемъ языка. Ломоносовъ стоитъ впереди нашихъ поэтовъ, какъ вступленіе впереди книги. Его поэзія — начинающійся разсвѣтъ. Она у него, подобно вспыхивающей зарницѣ, освѣщаетъ не все, но только нѣкоторыя строфы. Сама Россія является у него только въ общихъ географическихъ очертаніяхъ. Онъ какъ бы заботится только о томъ, чтобы набросать одинъ очеркъ громаднаго государства, намѣтить точками и линіями его границы, предоставивъ другимъ наложить краски; онъ самъ какъ бы первоначальный, пророческій набросокъ того, что впереди».

***

Остановимся на одномъ моментѣ, Гоголемъ отмѣченномъ: въ какомъ смыслѣ былъ Ломоносовъ «господиномъ и законодателемъ языка»?

Заслугу Ломоносова въ отношеніи языка Пушкинъ видѣлъ въ томъ, что онъ «первый... открываетъ намъ истинные источни-

ки нашего поэтическаго языка... Слогъ его, ровный, цвѣтущій и живописный, заемлетъ главное достоинство отъ глубокаго знанія книжнаго славянскаго языка и отъ счастливаго сліянія онаго съ языкомъ простонароднымъ». Ломоносовъ и самъ о себѣ говорилъ, что онъ «съ малолѣтства спозналъ общій россійскій и славянскій языки, а достаточно совершеннаго возраста съ прилежаніемъ прочелъ почти всѣ древнимъ славяно-моравскимъ языкомъ сочиненныя и въ церкви употребительныя книги». Но помимо обстоятельнаго практическаго знанія, было у Ломоносова и изумительное чутье языка. Проф. Е. Карскій свидѣтельствуетъ, что все нѣкогда отвергавшееся Ломоносовымъ, какъ «дикое и уху несносное», не отвѣчаетъ и требованіямъ современной науки языкознанія. Геній языка подсказывалъ Ломоносову въ его грамматикѣ не навязывать русскому языку искусственныя формы, ему чуждыя, а лишь обнаруживать законы, свойственные живой природѣ языка. Ученый наблюдатель языковыхъ особенностей сливался въ Ломоносовѣ съ художникомъ слова, сумѣвшимъ поэтому предпочесть родной сѣверной рѣчи московскій говоръ, съ его «отмѣнной красотой» и найти въ орѳографіи середину между этимологическимъ и фонетическимъ письмомъ («ять» удержано, «аканіе» сочувственно принято, но безъ учета его въ орѳографіи). И въ области языковѣдѣнія Ломоносовъ принадлежитъ къ тѣмъ, «которымъ малый вещи знакъ являетъ естества уставъ» (слова Ломоносова). Такъ смогъ оказаться Ломоносовъ по-истинѣ «господиномъ и законодателемъ языка» — въ условіяхъ, когда, по словамъ Н. Полевого (въ 1836 г.), «Смотрицкій только могъ дать ему заржавѣлый топоръ, которымъ Ломоносовъ прорубитъ дорогу сквозь дремучій лѣсъ Русскаго языка».

Ломоносовъ благоговѣлъ предъ красотой и полноцѣнностію русскаго языка. Въ Риторикѣ своей онъ заявляетъ, что русскій языкъ по своему «природному изобилію, красотѣ и силѣ», «ни единому европейскому языку не уступаетъ».

Смѣлѣе говоритъ онъ въ посвященіи, или, какъ тогда говорили «приношеніи» Цесаревичу Павлу Грамматики, ставшей основнымъ руководствомъ для послѣдующихъ поколѣній и выдержавшей до начала XIX вѣка 14 изданій. Стоитъ привести основное его содержаніе цѣликомъ: «Повелитель многихъ языковъ, языкъ Россійскій не токмо обширностію мѣстъ, гдѣ онъ господствуетъ, но купно и собственнымъ своимъ пространствомъ и довольствіемъ великъ передъ всѣми въ Европѣ. Невѣроятно сіе покажется иностраннымъ и нѣкоторымъ природнымъ Россіянамъ, которые больше къ чужимъ языкамъ, нежели къ своему трудовъ прилагали. Но кто неупрежденный великими о другихъ мнѣніями простретъ въ него свой разумъ и съ прилежаніемъ вникнетъ, со

мною согласится. Карлъ пятый, Римскій Императоръ, говаривалъ, что Ишпанскимъ языкомъ съ Богомъ, Французскимъ съ друзьями, Нѣмецкимъ съ непріятелемъ, Итальянскимъ съ женскимъ поломъ говорить прилично. Но если бы онъ Россійскому языку былъ искусенъ, то конечно къ тому присовокупилъ бы, что имъ со всѣми оными говорить пристойно. Ибо нашелъ бы въ немъ великолѣпіе Ишпанскаго, живость Французскаго, крѣпость Нѣмецкаго, нѣжность Итальянскаго, сверхъ того богатство и сильную въ изображеніяхъ краткость Греческаго и Латинскаго языка. Обстоятельное всего сего доказательство требуетъ другаго мѣста и случая. Меня долговременное въ Россійскомъ языкѣ упражненіе о томъ совершенно увѣряетъ. Сильное краснорѣчіе Цицероново, великолѣпная Виргиліева важность, Овидіево пріятное витійство не теряютъ своего достоинства на Россійскомъ языкѣ. Тончайшія философскія воображенія и разсужденія, многоразличныя естественныя свойства и перемѣны, бывающія въ семъ видимомъ строеніи міра, и въ человѣческихъ обращеніяхъ, имѣютъ у насъ пристойныя и вещь выражающія рѣчи. И ежели чего точно изобразить не можемъ, не языку нашему, но недовольному своему въ нему искусству приписывать долженствуемъ. Кто отчасу далѣе въ немъ углубляется, употребляя предводителемъ философское понятіе о человѣческомъ словѣ, тотъ увидитъ безмѣрно широкое поле, или, лучше сказать, едва предѣлы имѣющее море».

Возвышая русскій языкъ предъ языками европейскими, Ломоносовъ понимаетъ все значеніе для русскаго языка наличія рядомъ съ нимъ языка церковно-славянскаго. Всѣмъ совѣтуетъ онъ съ прилежаніемъ читать церковныя книги, «отчего къ общей и собственной пользѣ воспослѣдуетъ: 1) По важности освященнаго мѣста церкви Божіей и для древности чувствуемъ въ себѣ къ славянскому языку нѣкоторое особливое почитаніе, чѣмъ великолѣпныя сочинитель мысли сугубо возвыситъ. 2) Будетъ всякъ умѣть разбирать высокія слова отъ подлыхъ и употреблять ихъ въ приличныхъ мѣстахъ по достоинству матеріи, наблюдая равность слова. 3) Такимъ старательнымъ и осторожнымъ употребленіемъ сроднаго намъ кореннаго славянскаго языка, купно съ россійскимъ, отвратятся дикія и странныя слова, нелѣпости, входящія къ намъ изъ чужихъ языковъ, заимствующихъ красоту изъ греческаго, и то еще чрезъ латинскій. Оныя непріятности нынѣ небреженіемъ чтенія книгъ церковныхъ вкрадываются къ намъ нечувствительно, искажаютъ собственую красоту нашего языка, подвергаютъ его всегдашней перемѣнѣ и къ упадку преклоняютъ. Сіе все показаннымъ способомъ пресѣчется, и россійскій языкъ въ силѣ, красотѣ и богатству перемѣнамъ и упадку не подверженъ утвердится, коль долго церковь россійская славословіемъ Божіимъ на славянскомъ языкѣ украшена будетъ». Не ускольза-

етъ, конечно, при этомъ отъ Ломоносова то огромное, совершенно исключительное, значеніе, которое имѣетъ церковно-славянскій языкъ для сохраненія единства русской культуры — какъ во времени, такъ и въ пространствѣ. «Народъ россійскій, по великому пространству обитающій, не взирая на далекое разстояніе, говоритъ повсюду вразумительнымъ языкомъ въ городахъ и селахъ... По времени же разсуждая, видимъ, что россійскій языкъ отъ владѣнія Владимірова до нынѣшняго вѣку, больше семисотъ лѣтъ, не столько измѣнился, чтобы стараго разумѣть не можно было».

Практически Ломоносовъ развилъ и популяризовалъ принятое въ риторикахъ Кіевской школы дѣленіе на три «штиля». Въ разсужденіи о «пользѣ книгъ церковныхъ», Ломоносовъ различаетъ три рода реченій въ нашемъ языкѣ по сравненію его со славянскимъ. Есть слова, употребляемыя въ обоихъ языкахъ: Богъ, слава, рука, нынѣ, почитаю. Есть слова въ славянскомъ языкѣ вразумительныя, но мало употребляемыя: отверзаю, господень, насажденный, взываю. Есть въ живой рѣчи слова, неизвѣстныя языку церковно-славянскому: говорю, ручей, который, пока, лишь. Отдѣльно стоятъ, съ одной стороны, обветшавшія церковно-славянскія слова, какъ обаваю, рясны, овогда, съ другой — простонародныя, а среди нихъ «презрѣнныя», которыя для «подлыхъ» комедій только и годны. Вообще же естественно раждаются три «штиля»: высокій, употребляемый тамъ, гдѣ нужно «важное великолѣпіе» (здѣсь пригодны два первыхъ рода реченій), посредственный, гдѣ требуется «обыкновенное человѣческое слово» (здѣсь годны третій и первый роды), и низкій — для комедій, дружескихъ писемъ, пѣсенъ, описанія обыкновенныхъ дѣлъ (тутъ годенъ третій родъ, съ привлеченіемъ простонародныхъ словъ, а также и словъ перваго рода). Ходячимъ стало это ученіе Ломоносова — еще Пушкина критики укоряли въ смѣшеніи стилей.

Ломоносовъ придавалъ огромное значеніе законамъ языка. Онъ говорилъ: «Тупа Ораторія, косноязычна Поэзія, неосновательна Философія, непріятна Исторія, сомнительна Юриспруденція безъ грамматики». Но, выполняя роль «законодателя», Ломоносовъ являлъ себя и «господиномъ» языка. Не всѣ «штили», впрочемъ, ему одинаково удавались. «Ходъ его прозы» въ высокомъ стилѣ Пушкинъ находилъ утомительнымъ и тяжелымъ: намъ, говорилъ онъ, чужда эта «схоластическая величавость, полу-славянская, полу-латинская». «Дѣловая» проза Ломоносова не имѣетъ этихъ недостатковъ. Особенно живы его письма. Но основная сила Ломоносова въ поэзіи, гдѣ онъ и сейчасъ способенъ потрясать, а иногда и умилять. Необыкновенно сильно ощущаетъ Ломоносовъ Бога въ мірѣ. «Создатель далъ роду человѣческому двѣ

книги: въ одной показалъ Свое величество, а въ другой Свою волю, первая — видимый сей міръ, вторая — св. Писаніе», говорилъ онъ. И еще: «Природа есть Евангеліе, благовѣствующее творческую силу, премудрость и величество; не только небеса, но и нѣдра земная повѣдаютъ славу Божію». Замѣчательны его «Размышленія о Божіемъ величествѣ» — утреннее и вечернее. Прекрасна ода, навѣянная книгою Іова. Именно объ одахъ духовныхъ писалъ Пушкинъ: «Онѣ останутся вѣчными памятниками русской словесности, по нимъ долго еще должны мы будемъ изучаться стихотворному языку нашему». Являются оды эти памятникомъ нерукотворнымъ и высокаго строя души Ломоносова: похвала Богу раждала въ немъ огонь вдохновенія, подымающаго его порою до уровня величайшихъ славословій Ветхаго Завѣта. Удавалось ему многое и въ другихъ жанрахъ. Широкую извѣстность получила ода на восшествіе на престолъ Императрицы Елизаветы. Талантливо шуточное посланіе Шувалову «О пользѣ стекла». Надо ли говорить, какимъ ореоломъ окруженъ въ его твореніяхъ образъ Петра. «Блаженны тѣ очи, которыя божественнаго сего мужа на землѣ видѣли! Блаженны и треблаженны тѣ, которые потъ и кровь свою съ нимъ и за него проливали и которыхъ онъ за вѣрную службу въ главу и въ очи цѣловалъ своими помазанными устами» — вотъ какими словами говорилъ Ломоносовъ о Петрѣ. Послѣдніе годы жизни лелѣялъ онъ мысль создать героическую поэму громадныхъ размѣровъ, посвященную Петру. Положилъ онъ себѣ за правило ковать каждый день 30 стиховъ. Изъ намѣченныхъ 24 пѣсенъ написаны оказались только двѣ. «Строитель, плаватель, въ поляхъ, въ моряхъ герой» — вотъ образъ Петра. Встрѣчаются гиперболическія изреченія, иногда превышающія все дозволенное: — то дань вѣку.

Значеніе Ломоносова было осознано ближайшими потомками и лишь укрѣпилость въ сознаніи послѣдующихъ поколѣній, — вплоть до сего дня. Новиковъ сказалъ о Ломоносовѣ: «Слогъ его былъ великолѣпенъ, чистъ, твердъ, громокъ и пріятенъ». Карамзинъ говорилъ: «Геній его совѣтовался только съ самимъ собою, угадывалъ, иногда ошибался, но во всѣхъ своихъ твореніяхъ оставилъ неизгладимую печать великихъ дарованій». Шишковъ, представитель консервативнаго теченія той же эпохи, свидѣтельствовалъ: «Въ Ломоносовѣ даръ стихотворства изощренъ науками, утвержденъ трудолюбіемъ, обогащенъ знаніемъ языка своего, соединенъ съ любовію къ отечеству, съ усердіемъ и вѣрностію къ престолу, съ благоговѣніемъ къ вѣрѣ». «Съ Ломоносова начинается наша литература, говорилъ Бѣлинскій: онъ былъ ея пѣстуномъ». Мы знаемъ сужденія Пушкина и Гоголя. Наука литературовѣдѣнія до сего дня вторитъ этимъ свидѣтельствамъ. Но, чтобы оцѣнить все величіе нашего самородка, надо помнить, что

еще болѣе крупнымъ онъ былъ въ наукахъ точныхъ, распознающихъ законы природы. Первый то отмѣтилъ проницательный Ѳеофанъ Прокоповичъ, замѣтивъ: «Словесность отдыхъ Ломоносова: его прямое назначеніе — познаніе природы». И еще въ одномъ отдавать надо себѣ ясный отчетъ: Ломоносовъ — ярчайшее проявленіе того, что можно назвать «культурой въ первомъ поколѣніи». Люди литературы, искусства, науки обычно воспринимаютъ наслѣдіе предковъ въ процессѣ даваемаго имъ съ дѣтства воспитанія. Культура, носителемъ которой явился Ломоносовъ, была чужда родившей его средѣ. Съ другой стороны, обычно дѣятели «культуры» объемлются средой, имъ духовно и профессіонально близкой, и растутъ въ этомъ общеніи. Между тѣмъ, Ломоносовъ является новоначальнымъ творцомъ самого того языка, на которомъ могли быть выражены мысли этой только еще возникающей среды. Оттѣнимъ въ заключеніе лишній разъ рѣдчайшее сочетаніе словесной геніальности съ геніальностью научно-изслѣдовательской, и мы приблизимся къ пониманію несказаннаго величія явленія Ломоносова. Органическое соединеніе въ Ломоносовѣ ученаго и поэта, быть можетъ, лучше всего выразилъ К. Аксаковъ, Ломоносову посвятившій цѣлый трудъ (1846 г.): «Хотя Ломоносовъ пренебрегалъ своими поэтическими произведеніями, хотя часто въ нихъ виденъ былъ восторгъ ученаго, но съ другой стороны, по природѣ своей, согласно съ своимъ значеніемъ, онъ былъ по преимуществу поэтъ; онъ былъ поэтъ вездѣ: и въ жизни своей, и въ своихъ ученыхъ занятіяхъ, и въ своихъ произведеніяхъ, какія бы они ни были... Какъ одушевленно написаны его ученыя разсужденія... Самое то даже, что въ его поэтическія произведенія входятъ ученые предметы, показываетъ, какъ онъ смотрѣлъ на нихъ, сколько видѣлъ въ нихъ прекраснаго, живаго, поэтическаго. Повторимъ: Ломоносовъ былъ поэтъ по природѣ своей и былъ имъ всюду, во всей многообразной дѣятельности».

VII.

А. П. Сумароковъ. Ѳ. Г. Волковъ. Преходящій успѣхъ Сумарокова — что отъ него осталось. Характеръ Сумарокова. Яркость личности Волкова и значеніе его въ исторіи русскаго театра.

Обычно посвящаютъ Сумарокову въ учебникахъ литературы относительно большое мѣсто. Едва ли онъ того заслуживаетъ: весь онъ въ своемъ времени, съ нимъ уйдя въ прошлое безвозвратно. Родовитый дворянинъ, онъ прошелъ Сухопутный Шляхетскій Корпусъ, уже тамъ заявивъ себя энтузіастомъ-поэтомъ. Дослуживъ до чина бригадира, онъ сумѣлъ стать профессіональнымъ

литераторомъ — первымъ въ Россіи. Столица знала тогда и французскій и итальянскій театръ и оперу. Естественно было желаніе имѣть театръ русскій, ставящій русскія пьесы. Сумароковъ сталъ удовлетворять этой потребности, обрѣтя покровительство Императрицы, какъ поставщикъ репертуара для зарождающейся русской сцены. Пьесы его читать сейчасъ невозможно. Въ свое время онѣ производили огромное впечатлѣніе, открывая зрителю новый міръ. «Воображеніе мое, воспламененное любовью къ нашей церкви и отечеству, то уносилось на Красную площадь, сострадая стону Москвы, заглушаемому буйнымъ самохвальствомъ иновѣрцевъ, то радовалось крику Святой Руси на бодрыя воззванія Шуйскаго. Наконецъ, набатъ, ударившій по волѣ Божіей въ казнь хищничества и святотатства, потрясъ мою душу, — огонь пробѣжалъ изъ сердца по всѣмъ моимъ жиламъ; взрывъ рукоплесканій огромилъ театръ, — и трагедія исполнила свое дѣло». Такъ писалъ современникъ (кн. Шаховской) о трагедіи Сумарокова «Димитрій Самозванецъ». Сценическихъ произведеній у Сумарокова множество, и переводныхъ и оригинальныхъ, всѣхъ жанровъ. Какъ драматургъ, строго слѣдовалъ онъ законамъ классической теоріи, какъ она утвердилась во Франціи, самъ считая себя вполнѣ равноправнымъ со столпами европейскими. Первой русской пьесой была трагедія «Хоревъ» (напечатана въ 1747 г.) — изъ временъ пра-историческихъ, Кія. И популярность и вліяніе Сумарокова были громадны — въ цвѣтущій періодъ его дѣятельности. Къ концу дней его слава его стала увядать. Пушкинъ называлъ поэзію Сумарокова «вялой», «холодной», «прозаичной». Назначеніе свое Сумароковъ выполнилъ: быть переходной ступенью отъ слѣпого подражательства чужимъ образцамъ къ творчеству самостоятельному. Интересно, что пережили Сумарокова произведенія его, которымъ самъ онъ никакого значенія не придавалъ — какъ бы играя своимъ перомъ. Такъ, нѣкоторыя пѣсенки его распѣвались всей Россіей. Приняты въ исторію русской словесности съ положительнымъ знакомъ — съ легкой руки Новикова и Карамзина, — опыты его въ писаніи басенъ: Сумароковъ первый ввелъ разностопный размѣръ, такъ блистательно потомъ использованный Крыловымъ.

Человѣкъ добрый по природѣ, Сумароковъ былъ самомнителенъ, неуживчивъ, раздражителенъ, притязателенъ, капризенъ, обидчивъ, заносчивъ. Біографія его — сплетеніе злоключеній, отразившихся въ безднѣ многоглаголивыхъ писаній, съ коими обращался онъ ко власть имущимъ. Кончилъ онъ жизнь въ Москвѣ, въ бѣдности, всѣми покинутый: актеры на плечахъ отнесли его гробъ на кладбище и за свой счетъ похоронили. Могила его не сохранилась.

Несравненно болѣе яркимъ явленіемъ въ области русскаго

театра былъ Ѳеодоръ Григорьевичъ Волковъ, почитаемый по всей справедливости основателемъ русскаго театра. Сынъ костромского купца, получившій образованіе въ столицахъ, онъ воспламенился театромъ (иностраннымъ), видѣннымъ имъ въ Петербургѣ. Попавъ въ Ярославль, онъ передалъ свое увлеченіе тамошней молодежи и создалъ изъ нея театральную труппу. Въ сараѣ, превращенномъ въ театръ, была поставлена пьеса «Эсѳирь». То была сенсація, подхваченная мѣстными состоятельными и вліятельными людьми. Выстроенъ былъ театръ на тысячу зрителей. Созданная Волковымъ труппа подвизалась такъ удачно, что слухъ о ней дошелъ до столицы: она была вызвана ко двору! Отсюда родилась мысль о столичномъ театрѣ, директоромъ котораго и сталъ Сумароковъ. Здѣсь, успѣшно подвизавшійся въ качествѣ помощника Сумарокова, Волковъ рано угасъ. Даровитость его была исключительно разносторонняя: былъ онъ и пѣвецъ, и живописецъ, и музыкантъ, и токарь, и скульпторъ! Какъ актеръ, онъ вызывалъ удивленіе даже у иностранцевъ, отзывавшихся о немъ, какъ о великомъ актерѣ. Онъ выступалъ въ разнообразнѣйшихъ роляхъ, въ пьесахъ, которыя самъ часто и переводилъ съ разныхъ языковъ (нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго). Сочинилъ онъ нѣсколько оперъ, пѣсенокъ. Вокругъ этого изумительнаго самородка, являвшаго черты подлинной геніальности, возникъ цѣлый выводокъ русскихъ замѣчательныхъ актеровъ — трагикъ Дмитріевскій, комикъ Шумскій. Русскій театръ занялъ огромное мѣсто въ составѣ нашей культуры, охватывая кругъ населенія едва ли не большій даже, чѣмъ изящная литература. Какъ піонеры его, и Сумароковъ и особенно Волковъ занимаютъ мѣсто почетное.

VIII.

З а п а д ъ. Средніе вѣка. Возрожденіе и гуманизмъ. Реформація. Французскій классицизмъ. Просвѣщеніе. Энциклопедія. Вольтеръ. Руссо.

Прежде, чѣмъ идти дальше, надо нѣсколько остановиться на томъ «Западѣ», который сталъ овладѣвать нашимъ сознаніемъ, все сильнѣе и полнѣе, въ итогѣ начатой Петромъ Великимъ европеизаціи нашего отечества. Разнообразная множественность проникавшихъ къ намъ европейскихъ вліяній не упраздняетъ возможности ввести ихъ въ нѣкія общія скобки. Многозначительно, въ предѣльной степени, то, что своеобразіе культуры Запада, въ ея цѣломъ, опредѣляется о т р и ц а т е л ь н ы м ъ чувством, господствующимъ по сей день: инстинктивнымъ отталкиваніемъ отъ такъ называемыхъ «Среднихъ Вѣковъ». Царствомъ тьмы, мракобѣсія, невѣжества, фанатизма воспринимается громадная эпоха, отдѣляющая закатный свѣтъ античнаго міра отъ восходящаго свѣта Возрожденія. Съ величайшимъ трудомъ пробивается

даже высоко-культурный человѣкъ западный сквозь толщу прочно укрѣпившихся предубѣжденій, чтобы съ изумленіемъ остановить свой хотя бы нѣсколько просвѣтленный взоръ на высокихъ, предѣльно иногда высокихъ, достиженіяхъ своего собственнаго отвергнутаго прошлаго, которое можетъ быть поставлено въ духовно-родственную связь съ нашимъ до-петровскимъ прошлымъ. Вѣдь Средніе Вѣка были тоже эпохой господства Церкви надъ жизнью такого, когда чѣмъ-то естественнымъ и само собою разумѣющимся является христіанская цѣлостность сознанія.

Но это-то и оказывается именно тѣмъ, что вызываетъ отталкиваніе неудержимое у «европейца» — въ силу чего? Въ силу того, что Западъ, въ своей духовной природѣ, уже пронизанъ «Отступленіемъ», которое, отправляясь отъ католической «схизмы», въ ступенчатой формѣ все усиляясь, распространилось повсемѣстно, въ предѣлахъ Западной культуры. Пусть Средніе Вѣка протекали уже подъ знакомъ подготовки, а потомъ и утвержденія «латинства» — этой первой стадіи Отступленія. Этотъ процессъ шелъ сверху, допуская длительное существованіе, въ нѣкихъ глубинахъ, благочестія исконнаго, порчей Отступленія еще не тронутаго. Но даже и въ нѣдрахъ слагающагося, въ своей специфической обособленности, латинства, пусть благочестіе ущерблялось и даже искажалось, оставалось оно еще обращеннымъ къ Богу, не ополчаясь противъ Истины, поскольку она всецѣло оставалась господствующей. Но чѣмъ болѣе рѣшительно обращались внутренніе взоры вѣрующихъ къ землѣ, тѣмъ болѣе тѣсно становилось имъ въ окруженіи исходной святости, подлинной, хотя бы и частично отмиравшей. И тутъ подлиннымъ освобожденіемъ, стихійно подхваченымъ, и оказалось то движеніе, которое получило двоякое, — въ этой двоякости особенно ярко свою суть выражавшее, — обозначеніе: «Возрожденія» и «Гуманизма».

О чемъ неотразимо свидѣтельствовало первое обозначеніе? Не о томъ ли, что западное сознаніе ощутило уже дыханіе не свѣтлаго упованія, а мертвящаго унынія въ строѣ жизни всецѣло-христіанскомъ и подлинно-христіанскомъ — въ лицѣ «передовыхъ» своихъ представителей. Возникла задача повелительная «оживить» жизнь, извлекая ее изъ ея христіанскаго «застоя». Вотъ тутъ и возникло устремленіе — вернуть къ жизни античную древность, еще христіанства не знавшую. Что же касается второго обозначенія, то этимъ опредѣлялось возстановленіе въ своей абсолютной цѣнности «человѣческаго», какъ таковового — померкшаго, было, въ христіанствѣ предъ лицомъ Бога, ставшаго Человѣкомъ, чтобы человѣка пріобщить къ Богу. «Божественное», въ своей возвышенности, не отвергается — оно отодвигается, обрѣтая характеръ особой области, къ которой человѣкъ

обращается, ощущая въ томъ потребность. Но центръ тяжести перемѣщается, въ каждодневной жизни ее заполняя: «человѣческое» проникаетъ всюду, становясь самодовлѣющей цѣнностью. Явленія, которыя, въ нашемъ общемъ представленіи, кажутся «естественными» — какъ бы вѣчными, исконными — на самомъ дѣлѣ именно въ эту эпоху впервые вошли въ жизнь. Пейзажъ, портретъ, біографія, личный дневникъ, «мемуары» — это тогдашнія нововведенія, въ которыхъ получало свое бытовое выраженіе личное самоутвержденіе человѣка, ощутившаго себя самоцѣнностію.

Самоутвержденіе личности человѣка, нашедшее себѣ выходъ въ мощномъ движеніи «гуманизма», не исчерпывалось, конечно, расширеніемъ, въ опредѣленномъ направленіи, человѣческихъ интересовъ и изощреніемъ тѣхъ формъ, въ которыхъ человѣкъ искалъ выразить свое «я». «Человѣческое» неизбѣжно вступало въ конфликтъ съ «Божественнымъ», не только оттѣсняя его или даже вытѣсняя, но и существенно измѣняя принципіальное отношеніе къ нему. Развивается безразличіе и скептицизмъ въ отношеніи того, что исповѣдуется Церковью. Мѣняется характеръ воспріятія явленій вѣры. Душевность овладѣваетъ церковной музыкой, плотяность — церковнымъ изобразительнымъ искусствомъ. Сверху внизъ, какъ на проявленіе фанатизма, невѣжества, недомыслія привыкаетъ «передовой» человѣкъ смотрѣть на исконныя проявленія истового благочестія. Достаточно вглядѣться въ такую выдающуюся, вліятельную и показательную фигуру гуманизма, какъ Эразмъ Роттердамскій, чтобы убѣдиться въ томъ, въ какой мѣрѣ иронія, а то и простая издѣвка становится привычнымъ анти-церковнымъ подходомъ къ бытовымъ явленіямъ церковной жизни.

Реформація дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ. Не слѣдуетъ представлять себѣ ее, какъ планомѣрное противленіе католицизму во имя созданія чего-то иного и новаго. Выросъ протестантизмъ, какъ показываетъ самое наименованіе, изъ протеста противъ уродливыхъ чрезмѣрностей латинства. Но въ силу внутренней логики этого мощнаго, ибо получившаго массовое признаніе, движенія, выросло изъ него множество общественно-религіозныхъ явленій, проникнутыхъ однимъ духомъ, анти-церковнымъ. Такъ возникъ цѣлый новый міръ. Подобный результатъ показалъ, въ какой мѣрѣ уже подорваны были духовныя основы западнаго «стараго міра». Обоснованное негодованіе противъ искаженія латинствомъ истиннаго благочестія обернулось отверженіемъ церковнаго благочестія въ цѣломъ, вмѣсто того, чтобы стать источникомъ здороваго движенія къ истокамъ истиннаго благочестія — во имя его возвращенія, возрожденія. Отвергнутымъ оказалось движеніемъ «Реформаціи» самое явленіе Церкви, какъ необходимаго

орудія спасенія, и оставался протестантъ, къ какой бы фракціи этого громаднаго движенія онъ ни принадлежалъ, наединѣ съ Богомъ — въ **личной** съ Нимъ связи. Если гдѣ и сохранены были остатки церковности, то лишь въ порядкѣ спасительной непослѣдовательности. Но и тутъ почти безъ остатка было устранено самое существо Церкви — мистическая ея основа. Такимъ образомъ, если и подъ покровомъ протестантизма сохранялось истинное христіанство, то въ большей еще степени ущерблено было оно, чѣмъ то было въ католицизмѣ. «Личное» и «человѣческое» опредѣлило формы вновь возникшаго протестантскаго благочестія. Рѣшающее мѣсто продоставлялось въ дѣлѣ познанія Бога домыслу человѣческому. Поскольку же духъ человѣческій взывалъ къ большему, мистика уже безблагодатная стала свивать себѣ гнѣздо въ нѣдрахъ протестантизма, уводя отъ Христа.

Если мы вниманіе сосредоточимъ на явленіяхъ чисто литературныхъ, то Франція привлечетъ наше преимущественное вниманіе. Эпоха Людовика XIV — золотой вѣкъ французской литературы и расцвѣтъ «классицизма».

Античный міръ имѣлъ свою литературу — блистательную. Она естественно становится предметомъ изученія и подражанія въ обновляющейся Европѣ. Въ центрѣ античной литературы находится трагедія. Общенародное то зрѣлище, имѣвшее мѣсто на чистомъ воздухѣ въ спеціальныхъ сооруженіяхъ, разсчитанныхъ на массовое присутствіе зрителей. Жизнь въ этихъ трагедіяхъ раскрывалась въ ея высшихъ обнаруженіяхъ, находя свой вѣнецъ въ гражданской доблести, но тутъ же раскрывалась и неизбѣжная скорбность человѣческой жизни, обусловленная столкновеніемъ человѣческой воли съ Судьбой — ничѣмъ и никакъ не устранимымъ и ничѣмъ и никакъ не способнымъ быть смягченнымъ. Въ попыткахъ разумнаго истолкованія этого, лежащаго въ основѣ каждой жизни, «трагическаго» конфликта раждается высшее достиженіе античной религіозно-нравственной мысли: осмысливаніе человѣческой жизни, какъ **очищеніе** душъ въ процессѣ сознательнаго переживанія человѣкомъ постигающихъ его испытаній, — т. н. «катарсисъ». Много было и другихъ созданныхъ античнымъ міромъ литературныхъ формъ, являвшихся каждая утонченнымъ изображеніемъ и отраженіемъ какихъ либо элементовъ античной жизни — въ соотвѣтствіи съ общимъ міровоззрѣніемъ эпохи. Обобщающее выраженіе этого міровоззрѣнія, въ тѣснѣйшей связи съ изображеніемъ и оцѣнкой его литературнаго воплощенія, мы находимъ въ твореніяхъ двухъ столповъ античной мысли: Платона и Аристотеля.

Платонъ — высшая точка духовнаго развитія античнаго міра. Поэзія для него есть результатъ наитія, испытываемаго человѣкомъ, одареннымъ способностью особенно чутко уловлять голосъ

потустороннягo міра — міра идей, единственно подлинно-реальнаго: земная наша жизнь есть лишь тѣневое отображеніе міра идей! Аристотель далекъ отъ такихъ высотъ и глубинъ истолкованія дѣйствительности: для него дѣйствительность, какъ таковая, предметъ, единственный, вѣдѣнія. И въ поэзіи его интересуетъ не ея возвышенная природа, а ея нагладныя и непосредственно воспринимаемыя формы: соразмѣрность частей, порядокъ, стройность, легкая усвояемость и всеобъемлющая обозримость — вотъ условія истинно-прекраснаго.

Франція оказалась страной, духовно наиболѣе близкой античному міру. Она и стала наиболѣе успѣшной продолжательницей его традицій, соотвѣтственно, конечно, преломлявшихся въ новой дѣйствительности. Достигшій непревзойденнаго совершенства языкъ, повышенно-логическій складъ ума, высокіе успѣхи гражданской культуры, все это ставило Францію XVII вѣка во главѣ прогрессирующей Европы. Блескъ двора, какъ магнитъ привлекавшій все лучшее изъ французскаго общества, обезпечилъ возможность отбора исключительно одаренныхъ личностей, способныхъ отдать себя задачѣ воскрешенія въ литературѣ завѣтовъ античности. И такъ возникъ блистательный расцвѣтъ классицизма во Франціи.

Три имени тутъ первенствуютъ: Корнель — поэтъ величественнаго, Расинъ — поэтъ чувства, и Мольеръ — геніальный изобразитель человѣческихъ характеровъ. Если трагедіи Корнеля и Расина не утратили своей жизненности до сего времени, то имена нѣкоторыхъ героевъ комедій Мольера стали повсемѣстно нарицательными, а самыя комедіи не сходятъ съ репертуара. Рядомъ съ этими колоссами надо назвать еще Буало, который, слѣдуя Горацію, изобразилъ въ стихахъ «законы» литературнаго мастерства, достойнаго имени истиннаго «классицизма». Какъ на показательный образецъ такихъ «законовъ», слѣдуетъ указать на знаменитое требованіе «трехъ единствъ» въ драмѣ. Такое требованіе было естественнымъ для античной дѣйствительности, гдѣ самыя условія постановки пьесъ (отсутствіе сцены и смѣняющихся декорацій) диктовали необходимость: 1) сосредоточить дѣйствіе пьесы въ одномъ и томъ же мѣстѣ. 2) сгустить это дѣйствіе такъ, чтобы оно могло протечь въ одинъ день и 3) сумѣть явить это дѣйствіе единымъ, въ своемъ развертываніи передъ зрителемъ. Это тройственное единство стало аксіомой возрожденнаго классицизма, дѣлая нѣкогда естественно-необходимое искусственно себѣ теперь навязаннымъ — въ условіяхъ, когда пользовались для театральныхъ представленій сценой и когда могли свободно мѣнять декораціи. Вообще, классицизмъ, силой вещей, живыя явленія подлинной, исторической, античности превращалъ въ логическія схемы и категоріи, тѣмъ прокладывая путь къ «ложноклассицизму»,

который и явился трафаретнымъ воплощеніемъ современной тяги къ «античности»: нужны были особыя условія, а, главное, нуженъ былъ подлинный геній, чтобы что то истинное, а не сплошь фальсифицированное, возникало при перенесеніи классическихъ образцовъ въ атмосферу преодолѣваемаго во имя «человѣка» средневѣковья.

Во Франціи искусственность рецепціи классицизма смягчалась тѣмъ, что въ ней, больше, чѣмъ гдѣ нибудь, царила вообще нарочитая приподнятость и искусственность. Изощренный придворный бытъ, приподнято-праздничный и въ самыя обыденныя будни, распространялъ свое вліяніе на все французское «общество»: все кругомъ тщилось являть себя выспренно-красивымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исключительный подборъ истинныхъ талантовъ давалъ возможность въ эту демонстративно-приподнятую «красивость» вливать столько подлинной «красоты», что не только сглаживалась громоздкая искусственность, но и пріобрѣтала характеръ лишь нѣкой условной формы, въ которую влагалось подлинное артистическое творчество. И была тутъ не только являема «красота» рѣчи, достигавшая исключительнаго совершенства, до сихъ поръ сохраняющаго свою обаятельность, но сіяла и художественная красота проникновеннаго творчества, раскрывающаго тайны, и человѣческой личности, и окружающаго его міра. Никогда, до сего времени, съ такой живой изобразительностью не открывалась міру, въ образѣ цѣлаго литературнаго движенія, все многообразіе человѣческаго душевнаго міра. Пусть это часто подавалось въ формахъ нарочито-приподнятыхъ, а то и густо-подслащенныхъ ,художественная правда, даже сквозь эту оболочку, давала себя чувствовать неотразимо.

Но тутъ же надо сказать съ полной опредѣленностью: самыя высшія, въ художественномъ отношеніи, творенія классицизма даютъ намъ изображеніе лишь душевной жизни человѣка, а никакъ не духовной, которая не поддается художественному воплощенію и вообще въ какой то очень малой степени доступна искусству. Что же касается «человѣка», въ его душевномъ составѣ, то онъ впервые, пусть и подъ внѣшней оболочной «античности», явленъ былъ міру въ такой широкой панорамѣ именно плеядой великихъ французовъ этого т. н. золотого вѣка Франціи. Стоило, однако, античности перестать быть внѣшней оболочкой, завѣдомо-условной, лишь обрамляющей подлинное художественное творчество, — форма получала рѣшительное преобладаніе надъ содерженіемъ, во всей своей искусственности, и обнажалась тогда пустая видимость т. н. ложноклассицизма.

Отсутствіе «духа», обнаружившее себя въ новомъ искусствѣ слова, даже въ его высшихъ проявленіяхъ, съ гораздо большей силой

явило себя въ другихъ формахъ искусства — въ частности тѣхъ, которыя были непосредственно связаны съ Церковью: въ церковной живописи и въ церковной музыкѣ. И та и другая могла давать теперь прекрасные образы художественности, но насквозь проникнуты оставались эти творенія душевностью. Специфически-душевной становилась ихъ молитвенная т.-ск. годность, если вообще таковая оставалась. «Духа» тутъ не найдешь и слѣда! «Бездуховность» есть характерная особенность твореній этой этохи расцвѣта искусствъ.

Слово «Просвѣщеніе» имѣетъ на языкѣ церковно-славянскомъ значеніе точно-опредѣленное. Это — таинственное преображеніе человѣка, сообщаемое ему силой святаго крещенія во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Можно измѣрить силу и глубину проникновенія въ нашу среду культурнаго вліянія Запада фактомъ вытѣсненія изъ русскаго языка этого значенія слова «Просвѣщеніе» инымъ, въ духовномъ смыслѣ противоположнымъ, восходящимъ къ «Просвѣщенію» западному XVIII вѣка. Когда мы употребляемъ слово «просвѣщенный», намъ и въ голову не приходитъ, что этимъ словомъ Церковь наша обозначаетъ людей, вышедшихъ изъ святой купели. Готовящихся же къ этому таинству именуетъ Она «иже къ просвѣщенію». Для насъ просвѣщеннымъ является тотъ, кто въ достаточной мѣрѣ насыщенъ свѣтомъ знанія — того именно знанія, культомъ котораго былъ въ такой мѣрѣ проникнутъ XYIII вѣкъ, что съ ярлыкомъ «Просвѣщенія» вошелъ въ исторію. Пусть въ настоящее время не обязательно вкладывать въ это обозначеніе нарочитый оттѣнокъ агрессивно-отрицательнаго отношенія къ Церкви: отзвукъ, если не антицерковности, то, во всякомъ случаѣ, внѣцерковности остается жить въ этомъ терминѣ. Что же касается того историческаго процесса, которое это именованіе сдѣлалъ ходячимъ, то онъ былъ направленъ непосредственно противъ Церкви. Прямой задачей вѣка именно было «обскурантизмъ» церковнаго сознанія вытѣснить, озаривъ человѣка новымъ «свѣтомъ» знанія, способнаго радикально измѣнить жизнь человѣчества къ лучшему — такому «лучшему», которое и границъ не знаетъ, двигаясь въ направленіи безпредѣльнаго «прогресса».

Люди старшаго поколѣнія могутъ помнить состояніе умовъ, господствовавшее до первой Великой Войны: царило убѣжденіе, во всѣхъ отрасляхъ культуры и, особенно, въ области общественныхъ отношеній, что безгранична перспектива относительно легкихъ и какъ бы естественно возникающихъ возможностей улучшенія. Вѣра въ «прогрессъ» и сейчасъ имѣетъ широкое хожденіе, но все же поколеблена она событіями послѣднихъ десятилѣтій въ сознаніи людей сколько нибудь духовной организа-

ціи. Людьми XVIII вѣка эта вѣра владѣла безраздѣльно: то, что мы помнимъ о началѣ XX вѣка, есть лишь слабая тѣнь того, дѣйствительно, умопомрачающаго оптимизма, которымъ былъ насыщенъ вѣкъ просвѣщенія.

Человѣкъ видѣлъ себя творцомъ всемогущимъ своей судьбы — только бы освободить себя отъ внѣшнихъ помѣхъ, загромождающихъ путь «прогресса»! Подобная направленность мысли не вела обязательно къ безбожію. Богу — «Просвѣщеніемъ» назначалось свое опредѣленное мѣсто: первопричины всего сущаго — Творца-«Артиста», создавшаго совершенную вселенную. Но этотъ, не имѣющій ни изъяна ни порока, механизмъ не допускаетъ, именно въ силу своего совершенства, никакого дальнѣйшаго вмѣшательства, дѣйствуя, силой присущихъ ему «законовъ», какъ лучше нельзя. Въ центрѣ же этого абсолютно-совершеннаго механизма стоитъ «человѣкъ». Онъ одинъ обладаетъ способностію уразумѣть во всѣхъ деталяхъ и тонкостяхъ этотъ механизмъ. Равнымъ образомъ онъ обладаетъ и всѣми практическими возможностями для надлежащаго его упорядоченія. Только бы не мѣшали ему! «Человѣкъ» — кузнецъ собственнаго счастья — безпредѣльнаго. Онъ самъ и себя можетъ исправить, поскольку вошла въ него нѣкая порча — воспитаніе безграничныя возможности открываетъ въ этомъ направленіи. Зло — относительно, и его легко можно убрать изъ міра, такъ какъ оно — явленіе производное, вызванное какими то случайными внѣшними обстоятельствами. Назначеніе растущихъ поколѣній, «просвѣтившихся» должнымъ знаніемъ — создать новыя общественныя учрежденія, вмѣсто исторически данныхъ и на дорогѣ къ лучшему стоящихъ — и тогда человѣчество, осчастливленное и полное надеждъ на еще большее, все растущее счастье, пойдетъ къ великой цѣли, къ великому будущему...

Въ центрѣ этого могущественнаго движенія стояла такъ называемая **«Энциклопедія»** — предпріятіе, объединившее обширную группу образованнѣйшихъ людей французскаго общества, поставившихъ себѣ цѣлью, въ образѣ по алфавиту расположеннаго словаря всевозможныхъ понятій и явленій, дать человѣчеству исчерпывающій отвѣтъ на всѣ вопросы, тѣмъ удовлетворяя пытливость и опрокидывая суевѣрія и предразсудки, угнетающіе человѣческое сознаніе. Такъ сдѣланъ будетъ человѣкъ разумно-свободнымъ существомъ. Энциклопедія не афишировала своего безбожія и не вступала въ открытую борьбу съ Церковью, затушевывая эту борьбу искуснымъ расположеніемъ матеріала. Но, примѣнительно къ господствующимъ понятіямъ, подмывалось систематически и искусно самое основаніе церковной вѣры. Сооружалась, такъ сказать, цѣлая мастерская по изготовленію орудій борьбы съ вѣрою, и постепенно возникалъ могущественный

арсеналъ, изъ котораго каждый могъ свободно заимствовать, примѣнительно къ отдѣльнымъ вопросамъ, все ему потребное. Достаточно широка была амплитуда открывавшихся пытливому человѣческому сознанію перспективъ. Самое вліятельное крыло движенія, умѣренное, не рвало окончательно съ Богомъ (деисты). Но были представлены и болѣе крайнія мнѣнія, только впослѣдствіи вышедшія на первыя роли — принципіально атеистическія и матеріалистическія. Дидро и Даламберъ могутъ быть названы среди умѣренныхъ, Гольбахъ, Гельвецій, Ламетри среди крайнихъ. Вліяніе этого движенія было громадно. Знакомство, поддерживаніе связей, переписка съ «энциклопедистами» было признакомъ хорошаго тона для ведущихъ людей Европы. А «творенія» ихъ — независимо отъ самой «Энциклопедіи» — являя разнообразное множество и направленій и стилей, отравляли сознаніе всего общества.

Вольтеръ какъ въ фокусѣ сосредоточиваетъ въ себѣ и внѣшній блескъ и внутреннюю пустоту «Просвѣщенія». Трудно представить большую высоту, завоеванную человѣкомъ единственно литературнымъ вліяніемъ. Трудно — вмѣстѣ съ тѣмъ — вообразить болѣе плоское міровоззрѣніе, чѣмъ то, которымъ насыщено литературное дѣланіе Вольтера. Внѣшній обликъ его достаточно это міровоззрѣніе отражаетъ. Вошла въ поговорку вольтеровская усмѣшка. Она вскрываетъ основную черту его. То — иронія, переходящая въ издѣвку, въ сарказмъ. Эти чувства у сильныхъ душъ бываютъ лишь мгновенными, являясь первичной формой негодованія, направленнаго противъ обнаруживаемаго зла. Поскольку иронія сказывается длящимся состояніемъ души, въ ея обращенности къ міру, это — орудіе пустыхъ душъ, прикрывающихъ свое ничтожество предъ лицомъ всего добраго, пользующагося уваженіемъ, злобствующимъ его заподазриваніемъ. У Вольтера иронія и сарказмъ возведены въ философію жизни: въ немъ какъ бы воплощенъ сатанинскій соблазнъ прельстительной видимостію своего превосходства освободить себя отъ власти укорененнаго въ мірѣ добра. Противъ церковнаго добра направлена принципіально вольтеровская усмѣшка. Не провозглашалъ себя Вольтеръ безбожникомъ — тѣмъ былъ прельстительнѣй для соблазняемыхъ! Своими врагами онъ одинаково считалъ и атеизмъ и фанатизмъ, съ послѣднимъ сливая церковность. Бога онъ считалъ нужнымъ и полезнымъ, говоря, что Его надо было бы выдумать, если бы Его не было.

Но Богъ для Вольтера нѣкая условная теоретическая фигура, являющая, въ этомъ смыслѣ, какую то полезность для человѣка. «Абсолюта» Вольтеръ въ Богѣ не чувствуетъ. Весь Вольтеръ вылился въ негодующей репликѣ, подводящей итогъ его критикѣ Паскаля — величайшаго мыслителя Запада, нѣкоего антипода

Вольтеру, носящаго на себѣ, въ видѣ разительнаго исключенія, явную печать «духа»: «Что такое Абсолютное? Существуетъ только Относительное!» Живого Бога для Вольтера нѣтъ.

Нельзя представить себѣ Вольтера молящимся. Кощунственнымъ было самое вниманіе, имъ Богу иногда оказываемое. Надъ входомъ въ храмъ, Вольтеромъ воздвигнутый для мѣстныхъ жителей, онъ написалъ: «Богу соорудилъ Вольтеръ». Церковь онъ ненавидѣлъ. Лозунгомъ его дѣятельности «просвѣтительной» были страшныя слова къ Церкви обращенныя — ставшія крылатыми: «Раздавите нечестивую!» ("Ecrasez l'infame").

Какъ личность Вольтеръ былъ низокъ. Ненависть его къ людямъ коренилось въ ненависти къ Живому Богу. Природой его была лесть. Съ несравненнымъ безстыдствомъ расточалъ онъ ее своимъ поклонникамъ, привычно ожидая встрѣчной лести, такой же безстыдной. Въ залѣ висѣло у него громадное полотно, изображающее Вольтера, въ нимбѣ святости, принимающимъ поклоненіе отъ своихъ подзащитныхъ и попирающимъ враговъ. Изощренно любезный и свѣтски обаятельный, онъ мгновенно могъ становиться бранчивымъ крикуномъ, попирающимъ элементарную пристойность. Народъ онъ презиралъ, общій языкъ находя только съ великими міра сего. Поклоненіе, однако, готовъ онъ былъ принимать отъ всѣхъ, видя въ себѣ воплощеніе мудрости. Принимая на себя роль оракула, онъ охотно дѣлился своей мудростью съ общающимися съ нимъ представителями такъ называемаго «просвѣщеннаго абсолютизма». Орудіемъ его воздѣйствія на людей были блескъ «литературности», огромныя внѣшнія дарованія и плѣнительное остороуміе. Писалъ онъ много — въ разныхъ стиляхъ. То были пьесы (трагедіи), трактаты, историческія повѣствованія. Особое мѣсто занимала переписка; онъ неподражаемымъ былъ мастеромъ **«эпистолярнаго»** стиля. Не былъ онъ ни поэтомъ, ни историкомъ, ни философомъ, ни ученымъ. Предъ нами «литераторъ», вся сила котораго въ соотвѣтствіи его плоскому уровню вѣка. — Выспренній оптимизмъ, отрицающій самую проблему зла — вотъ суть этой плоской «философіи», которая готова признать выдуманнаго отвлеченнаго Бога, дающаго логическую опору выдуманной оптимистически-стилизованной вселенной, но для которой Дьяволъ — выдумка церковныхъ фанатиковъ. Мысль о «потустороннемъ» вообще была чужда Вольтеру. Наблюдаемое же зло въ мірѣ — преходящее явленіе, имѣющее исчезнуть съ принятіемъ къ исполненію рецептовъ Вольтера. Кажется, знаменитое лиссабонское землетрясеніе впервые заставило задуматься потрясеннаго этимъ событіемъ старика...

Обликъ Вольтера, его усмѣшка, его «словечки» живутъ и сейчасъ: вѣдь пошлость — вѣчный спутникъ человѣка! Но историческое значеніе Вольтера не столько въ увѣковѣченіи въ своемъ,

господствующемъ надъ его вѣкомъ, образѣ начала пошлости, сколько въ томъ гигантскомъ дѣлѣ разрушенія традицій и авторитетовъ, которое онъ такъ успѣшно совершалъ. Пусть нападки его были легкомысленны и нелѣпы — въ уровень съ вѣкомъ онѣ шли. Подготовлялась же почва этимъ расшатываніемъ всего почитаемаго для болѣе глубокихъ подкоповъ подъ Истину. Герценъ писалъ: «Въ началѣ своей дѣятельности Вольтеръ поражаетъ своей дерзостію»; чрезъ двадцать лѣтъ Гриммъ пишетъ: «патріархъ нашъ отсталъ и упорно держится за дѣтскія вѣрованія свои». Вѣски, какъ всегда, слова Пушкина: «Вліяніе Вольтера было неимовѣрно. Около великаго копошились пигмеи, стараясь привлечь его вниманіе. Задумчивый Руссо провозглашаетъ себя его ученикомъ, пылкій Дидро есть самый ревностный изъ его апостоловъ. Англія въ лицѣ Юма, Гиббона и Вальполя привѣтствуетъ энциклопедію. Екатерина вступаетъ съ нимъ въ дружескую переписку, Фридрихъ съ нимъ ссорится и мирится, общество ему покорно. Европа ѣдетъ на поклонъ въ Ферней. Вольтеръ умираетъ, благословивъ внука Франклина и привѣтствуетъ Новый Свѣтъ словами дотолѣ неслыханными. Общество созрѣло для великаго разрушенія.»

Апостоломъ этого «великаго разрушенія» явился другой человѣкъ — «задумчивый Руссо».

Вліяніе Руссо несравненно глубже и прочнѣе вліянія Вольтера. Достаточно сказать, что вмѣсто натѣльнаго креста портретъ Руссо носилъ юный Левъ Толстой. Къ чувству обращается Руссо, и обращается такъ, что сила чувства становится господствующей въ душѣ человѣка, дѣлая ненужными явленія духа. Съ Церковью не борется Руссо — пусть каждый живетъ, если ему нравится, и церковной жизнью. Но въ Церкви видитъ онъ лишь «душевное»: таинства, догматы для Руссо не существуютъ. Мѣриломъ всего сущаго является человѣкъ, какъ тѣлесно-душевное существо, и на струны человѣческой души такъ искусно умѣетъ воздѣйствовать своимъ перомъ Руссо, что готовъ человѣкъ отдаваться его вліянію безраздѣльно. Пусть своими личными свойствами отталкивалъ многихъ отъ себя Руссо: писанія его, сочетая желѣзную логику съ пламенной чувствительностію и будучи облечены въ словесную форму исключительно привлекательную, дѣйствовали на читателя неотразимо.

Если чувствомъ живетъ всецѣло Руссо, то это въ той его искусственной приподнятости, которая именуется «мечтательствомъ». Прозорливый Достоевскій такъ рисовалъ «мечтателя»: «Это олицетворенный грѣхъ, это трагедія безмолвная, таинственная, угрюмая, дикая, со всѣми неистовыми ужасами, со всѣми катастрофами, перипетіями, завязками и развязками ...» Самъ о себѣ Рус-

со писалъ: «Если мнѣ нужно нарисовать весну, необходимо, чтобы вокругъ меня была зима; если я хочу нарисовать хорошій пейзажъ, надо, чтобы вокругъ меня были стѣны, и я сто разъ говорилъ, что если бы меня когда нибудь посадили въ Бастилію, то я нарисовалъ бы картину свободы». Съ одной характерной чертой связано фантазерство Руссо: онъ ненавидитъ долгъ, обязанность. Это свое своенравіе Руссо, геній софизма, ухитрялся примирить съ общимъ мнѣніемъ вѣка о господствѣ въ мірѣ общихъ законовъ. Откуда разрывающія душу человѣка противорѣчія? Исключительно отъ дурного качества общественныхъ учрежденій! Дижонская Академія толкнула Руссо на составленіе трактата въ отвѣтъ на вопросъ, ею обращенный къ образованному обществу: «Способствовалъ ли прогрессъ наукъ и искусствъ порчѣ или очищенію нарвовъ?» Безъ всякихъ обиняковъ парадоксомъ отвѣчаетъ Руссо: порчу несетъ именно культура человѣчеству! Отбросить надо ее — и отброшены будутъ тѣмъ самымъ пороки и страсти. Такъ будетъ возстановлена подлинная власть совѣсти, которая есть не что иное, какъ голосъ неизвращенной внѣшними культурными воздѣйствіями человѣческой природы. Могущественна власть естественной морали — надо только дать ей возможность проявить себя. Состраданіе, жалость — развѣ не живутъ онѣ въ каждомъ человѣкѣ- Правда, есть въ человѣкѣ и недобрая любовь къ себѣ — себялюбіе: но отъ самого человѣка зависитъ не стать въ подчиненіе ея зову. Надо только ему сумѣть внять голосу здоровой любви, голосу совѣсти: отдайся ей, человѣкъ, и все зло въ мірѣ будетъ тѣмъ самымъ погашено!

Жизнь человѣка, проникнутаго изощреннымъ вниманіемъ въ этой своей «совѣсти», раскрывается Руссо въ его знаменитыхъ романахъ и другихъ произведеніяхъ, надъ которыми плакали неисчислимые кадры читателей — въ смѣняющихся поколѣніяхъ. Литературную эпоху составили такія произведенія, какъ «Новая Элоиза,» «Эмиль». Но все же не здѣсь главное достиженіе Руссо. Сумѣлъ перенести онъ свои разсужденія о новомъ человѣкѣ и о новомъ обществѣ изъ плана литературно-сантиментальнаго въ планъ активно-политическій. Тѣмъ сталъ Руссо духовнымъ отцомъ Революціи. Изъ подъ его пера возникъ догматъ верховенства народа, эта движущая идея вѣка. Его «Общественный договоръ» — самая вліятельная книга своего времени.

Трактатъ этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ плѣнительная литературность сочетается съ діалектикой силы несравненной, безпримѣрной. Основная мысль буквально вбивается въ сознаніе читателя. Свобода! Заблужденіемъ охвачены люди, считая себя въ современномъ обществѣ свободными. Свободой своей тѣшатся англичане — а развѣ свободны они? Да, въ моментъ выборовъ проявляетъ англичанинъ свою свободу, а потомъ? Вѣдь

подчиняется то онъ потомъ не своей волѣ, а чужой. Какъ же сохранить естественную свободу человѣка въ организованномъ обществѣ? Это — просто. Въ основѣ общества лежитъ договоръ его членовъ — свободный. Надо и примѣнительно къ обществу сумѣть сдѣлать то, что дѣлаетъ человѣкъ въ отношеніи своего сознанія, — подчиняя себя голосу своего добраго «я», своей «совѣсти», а не голосу своего злого «я» — себялюбія. Такъ и въ обществѣ надо различать «общую волю» — голосъ добрый, и «волю всѣхъ» — произволъ, несущій зло. Общая воля безошибочна (какъ и незамутненная культурно-общественными вліяніями естественная совѣсть!). Если я голосовалъ противъ нея — я грѣшилъ противъ общества. Мнѣ это открыто результатомъ голосованія: я, оказывается, ошибался въ своемъ собственномъ пониманіи общей воли. Мнѣ остается признать свою ошибку — и тѣмъ явить свою истинную свободу. Если я не захочу этого сдѣлать — меня заставятъ. Меня заставятъ быть свободнымъ! Въ формѣ заостренно-парадоксальной выражена здѣсь подлинная сущность идеи народнаго суверенитета и абсолютной неограниченности демократіи. Доктринерство у Руссо облекалось въ форму сантиментально-чувствительную, но именно такъ и прокладывался путь къ деспотизму: Революція насыщена идеями Руссо. Робеспьеръ — этотъ, по выраженію Пушкина «сантиментальный тигръ» — говорилъ о «деспотизмѣ свободы противъ тираніи» — развѣ это не есть прямое приложеніе къ политической дѣйствительности идей Руссо?

IX.

Екатерининскій вѣкъ. Отличіе отъ вѣка петровскаго. Глубина проникновенія западнаго вліянія. Новый типъ человѣка. Различные уклоны европеизма.

Характеренъ для Екатерининскаго вѣка внѣшній блескъ, способный ошеломить даже избалованнѣйшаго европейца. Культура Запада являетъ себя теперь въ Россіи уже не въ обликѣ, какъ то было при Петрѣ, чуждой новинки, обществу насильственно навязываемой и на фонѣ русской жизни обозначающейся контрастомъ раздражающе-кричащимъ. Для достаточно широкихъ круговъ общества — для культурнаго его отбора! — Западъ теперь становится привычно-близкимъ и, въ какой то мѣрѣ, даже чѣмъ то роднымъ. Иностранцы обрѣтаютъ среду, въ которой они никакъ не ощущаютъ себя носителями чего то чужого и иного: общій языкъ находится теперь не только въ прямомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ общности чувствъ и понятій. Слагается особый стиль общественной и даже домашней жизни, въ которомъ «русскость»

получаетъ характеръ бытового фона, той какъ бы подкладки, которой, по необходимости, оказывается подбита облицовка жизни — иноземная. Въ этой двойственности, поскольку она утверждается, раждаются, и особый стиль жизни, и особая порода людей. Возникаетъ попутно множественность достиженій объективно-положительная. Русская способность творчески освоять чужое проявляется въ полной мѣрѣ. Жадно впитываются уроки, перенимаются успѣшно образцы. Вчерашніе невѣжды становятся мастерами въ области ремеслъ и артистами въ области искусствъ. Создаются иногда новоявленными геніями творенія, въ которыхъ можно узрѣть самостоятельное воспроизведеніе, порою даже улучшенное, образцовъ европейскихъ школъ. Архитектура, живопись, скульптура, музыка знаютъ уже подлинныхъ артистовъ, великихъ мастеровъ, которыми нынѣ законно хвалится Россія. Наблюдается процессъ и проникновенія культуры въ низы. Какъ гастрономы на лакомую пищу, устремляются русскіе баре на западную культуру, удовлетворяя разнообразные свои вкусы и насыщая свою любознательность. Это — потребители заморскихъ благъ. Но спросъ раждаетъ предложеніе: начинается внутреннее производство потребныхъ благъ. Иниціаторами, вдохновителями, прямыми организаторами являются и правительство и дворъ. Но несравненно шире становится сразу же охватъ этой культурной производительности, въ направленіяхъ самыхъ разнообразныхъ. Разсадниками всевозможнаго мастерства и художества становятся помѣщичьи усадьбы во всѣхъ концахъ Россіи, и это порою въ масштабахъ весьма значительныхъ. Трудно по достоинству оцѣнить мѣру культурнаго вклада въ русскую жизнь. Пусть форму уродливую принимало иногда это «культуртрегерство», являя черты самодурства и произвола, но именно такимъ образомъ въ эту эпоху разбросаны были по лицу Русской земли многочисленныя сѣмена разныхъ знаній и умѣній, приносившія плодъ сторичный. Наши отечественные мастера и артисты, о которыхъ только что была рѣчь — и изъ дворянской и изъ купеческой и изъ крестьянской среды и изъ разночинной — выросли именно въ этой школѣ, ставъ родоначальниками основныхъ направленій нашего отечественнаго искусства.

Слагается новый типъ человѣка, уже гораздо болѣе Западомъ захваченнаго, чѣмъ то было раньше. «Двоевѣріе» должно было раждаться и въ результатѣ петровскихъ реформъ, какъ въ его царствованіе, такъ, особенно, при его ближайшихъ преемникахъ. Оно все больше должно было проникать съ годами во внутреннюю клѣть сердца. Тѣмъ самымъ воздѣйствіе Запада, вмѣсто того, чтобы ограничиваться «облицовкой», какъ то было и сохранялось въ быту, захватываетъ уже «внутренняго человѣка». Это уже не «русскость», съ внѣшней лишь стороны иностранщиной де-

корированная: душа русскаго человѣка склоняется все больше къ тому, чтобы принять уже въ серьезъ западный приносъ. Оправой становится не иностранщина, а, напротивъ, бытовая, только лишь обрядовая, наслѣдственно-привычная, церковность; душа живетъ инымъ. Правда, «русскій европеецъ» екатерининскаго вѣка еще не сознаетъ всей глубины, всего трагизма, всей безысходности конфликта, который долженъ раждаться между вѣрованіями, имъ воспринятыми съ Запада, и тѣмъ духовно-цѣльнымъ церковнымъ міровоззрѣніемъ, которымъ живетъ массивъ родной ему страны. Для Екатерининскаго вѣка показательно увлеченіе новыми впечатлѣніями любопытно-лихорадочное, раждающее поверхностность воспріятія и исполненное легкомыслія и недомыслія. Необходимость сдѣлать выборъ между двумя вѣрами — съ отказомъ, слѣдовательно, отъ вѣры отцовъ, — не осознается. Тѣмъ менѣе можетъ идти рѣчь о томъ, чтобы уже сдѣланъ былъ сознательно этотъ выборъ въ смыслѣ такого отказа. Но фактически нерѣдко мы уже стоимъ, лицомъ къ лицу, передъ установившимся отчужденіемъ отъ русской почвы. Поскольку этого еще нѣтъ, при всѣхъ условіяхъ, поколебленъ, расшатанъ былой строй мыслей и чувствъ, — и безнадежно утрачено духовное цѣломудріе. Почва готовится для позднѣйшихъ губительныхъ разочарованій, возникающихъ въ силу духовной неудовлетворенности обрѣтеннымъ «новымъ» — для той духовной опустошенности, которая въ позднѣйшихъ поколѣніяхъ родила такъ называемыхъ «лишнихъ людей», ставшихъ ходячимъ типомъ русскаго «передового» общества. Если ихъ сейчасъ еще нѣтъ, то именно вслѣдствіе новизны переживаемаго и увлеченія блескомъ этой новизны. Праздничная возбужденность даетъ своеобразную окраску всему екатерининскому вѣку. Можно даже больше сказать. Не только праздничной была всеобщая возбужденность, взаимно-заражающая, но нѣсколько и театральной. Начиная съ самой Екатерины и ея двора, который былъ центромъ общественной жизни, задавая ей тонъ, всѣ въ какой то мѣрѣ «играли» въ жизнь, въ декоративныхъ ея красотахъ ища и находя преимущественное удовлетвореніе. Поскольку душа искала большаго, на пути недобрые устремлялась она, уже отчужденная отъ Церкви. Пушкинъ писалъ: «Въ то время (въ концѣ XVIII вѣка) существовали въ Россіи люди, извѣстные подъ именемъ «мартинистовъ». Мы еще застали нѣсколько стариковъ, принадлежащихъ этому полуполитическому, полурелигіозному обществу. Странная смѣсь мистической набожности и философскаго вольнодумства, безкорыстная любовь къ просвѣщенію, практическая филантропія ярко отличали ихъ отъ поколѣнія, къ которому они принадлежали». Безблагодатная мистика, острая и ненасытная пытливость, доброта чисто гуманитарная — вотъ главныя черты этого типа людей.

X.

Екатерина Великая. Личность Екатерины. Литературное ея творчество. «Наказъ Комиссіи для составленія Уложенія». «Улыбательный» стиль. Театръ. Моральныя наставленія.

Съ именами «Великихъ» вошли въ Русскую исторію и Петръ и Екатерина. Слѣдовать примѣру Петра было правиломъ Екатерины. Но трудно представить личности менѣе схожія. Величіе присуще было внутреннему облику Петра, и были «срывами» недостойныя его дѣйствія. Внутренняго величія, въ подлинномъ смыслѣ, не найдешь и слѣда въ Екатеринѣ. Она оказалась всецѣло на уровнѣ своего вѣка, духовную скудость котораго мы знаемъ. Вольтеръ былъ властителемъ души Екатерины, и она оставалась вѣрна ему до конца своихъ дней: никакія событія не способны были существенно измѣнить ея натуру маленькаго человѣка умѣло играющаго большую роль. Нравственность ея была скользкой, и это было именно натура ея: угожденіе страстямъ, прикрытое сантиментальнымъ многоглаголаніемъ и декоративной пышностью, было правиломъ жизни, вводимымъ, согласно морали вѣка, въ общественный обиходъ. И все же заслуженнымъ и ею было, въ извѣстномъ смыслѣ, именованіе ея Великой»: сумѣла мелкопомѣстная нѣмецкая принцесса оказаться на высотѣ выпавшаго на нее удѣла Россійской Императрицы въ эпоху развертыванія Россіи въ «Европейскую» державу. Способности ея были изумительны. Натура переимчивая, она, умѣя выбирать людей, впитывала въ себя ихъ содержаніе — и ихъ умомъ, душой, руками творила великія дѣла. Показной характеръ ея дѣятельности отвѣчалъ заданіямъ вѣка, торжествующе-побѣдоноснаго въ своихъ чисто-земныхъ достиженіяхъ. Были у нея и добрыя черты свѣтской женщины и домашней хозяйки, и это вносило поправку исключительно привлекательную въ не слишкомъ чистоплотную атмосферу правительства и двора: Пушкинъ, какъ никто, слѣдуя извѣстному портрету Екатерины Левицкаго, изобразилъ эту сторону ея облика въ «Капитанской дочкѣ». Одно качество никто не станетъ отрицать у нея, которое только и позволило ей не только стать тѣмъ, чѣмъ она стала, но и не оказаться развѣнчанной въ глазахъ потомства: Екатерина была умна не просто женскимъ умомъ, но и нѣкимъ чутко-проницательнымъ разумѣніемъ людей и вещей, событій и обстоятельствъ, что и позволяло ей во-время останавливаться въ дѣйствіяхъ ошибочныхъ и улавливать направленія вѣрныя, какъ въ личныхъ, такъ и въ государственныхъ дѣлахъ. Тутъ было въ ней, дѣйствительно, что-то отъ геніальности. Смерть ея была лишена всякой христіанской благостности.

Не научившись до конца дней своихъ грамотно писать порусски, Екатерина, при помощи своихъ сотрудниковъ, сумѣла

занять видное мѣсто въ исторіи Русской литературы, являясь насадительницей новаго духа и покровительницей тѣхъ, кто готовы были слѣдовать ея курсу. Какъ это ни странно, но на первомъ мѣстѣ среди «литературныхъ» произведеній Екатерины надо назвать актъ законодательный — знаменитый «Наказъ Комиссіи для составленія Уложенія». Его иногда сопоставляютъ съ другимъ, тоже литературно-примѣчательнымъ, государственнымъ актомъ — съ петровскимъ «Духовнымъ Регламентомъ. Это неосновательно, ибо послѣдній, заключая въ себѣ извѣстный зарядъ публицистическій, былъ все же именно законодательнымъ актомъ, сохраняя долгое время силу закона. Наказъ же былъ сплошной политической декламаціей, если и получившей длительное значеніе, то только въ исторіи идей, а никакъ не въ исторіи учрежденій. Это — изложеніе идей, ходячихъ въ Европѣ и, со свойственнымъ Екатеринѣ дарованіемъ, переложенныхъ для россійскаго употребленія согласно заданію, ею самой такъ шуточно выраженному: «глубокомысліе окутать ясностію, и полномысліе легкостію слога, дабы всѣмъ сноснымъ учиниться». Радикализмъ даже окончательной редакціи, значительно смягченной по указанію друзей-совѣтниковъ, былъ таковъ, что Наказъ былъ во Франціи запрещенъ цензурой. Съ высоты Россійскаго Престола самоувѣренно вѣщала та мудрость вѣка, которая впослѣдствіи привела къ Революціи. Если эта причуда въ Россіи прошла безслѣдно, то лишь потому, что Наказъ повисъ въ воздухѣ, не родивъ, конечно, никакого «Уложенія». Въ этомъ, дѣловомъ, смыслѣ, то была попытка съ негодными средствами. Громадность поставленной задачи можетъ быть измѣрена сопоставленіемъ затѣи «Наказа» съ дѣйствительными достиженіями въ этой области: съ Уложеніемъ царя Алексія Михайловича въ прошломъ и со Сводомъ Законовъ Императора Николая I въ будущемъ. При Екатеринѣ собраны были депутаы, поговорили они — и разошлись, оставивъ лишь поучительно-интересный для потомства матеріалъ въ образѣ преній, отразившихъ, какъ настроенія извѣстной части русскаго общества, такъ и нестроенія, въ глазахъ этой же части общества, русскаго государственнаго уклада. Никакого вліянія — не только въ смыслѣ упорядоченія русскаго законодательства въ цѣломъ, но даже въ смыслѣ хотя бы частичнаго благоустроенія — эта затѣя не имѣла. Повторяемъ, мѣсто этому сочиненію (1767) находится, относительно почетное, лишь въ исторіи политической литературы, какъ опытъ популяризаціи западныхъ идей.

Популяризаторомъ западныхъ идей явилась Екатерина и въ области общественной морали. Зародившаяся въ Англіи мода на сатирическіе журналы нашла въ ней горячаго пропагандиста. Стиль ея сатиры былъ «улыбательный», по душевной настроенности, и достаточно личный, по направленности: нечего искать

здѣсь дѣйствительнаго обличенія дѣйствительныхъ язвъ современности. То было шутливое высмѣиваніе человѣческихъ недостатковъ, зовущее къ улучшенію нравовъ — въ направленіи «просвѣщенія», намъ достаточно извѣстномъ. Церковное просвѣщеніе истинное разсматривалось преимущественно, какъ досадная помѣха: любимая тема сатиры публициста — ханжество и отвращеніе отъ знанія людей церковно-вѣрующихъ. Но бывало порою, что и въ серьезъ начинала гнѣваться Императрица въ своемъ журналѣ «Всякая всячина». Изъ терпѣнія выводили ее ея же послѣдователи и ученики, поскольку въ серьезъ принимали они орудіе, ею же самою имъ въ руки вложенное, и давали мѣсто искреннему негодованію въ дѣлѣ обличенія общественныхъ и государственныхъ непорядковъ. Голосъ публициста начинаетъ звучать тогда со страницъ ея журнала чѣмъ то вродѣ полицейски-угрожающаго предостереженія. Не вполнѣ пренебрегала и фактически «просвѣщенная» государыня-писательница, даже въ эпоху расцвѣта своей литературной дѣятельности, мѣрами государственной полиціи; послѣ же испуга, вызваннаго Революціей, дала она имъ полный ходъ — въ направленіи охранительномъ.

Много писала Императрица для театра, который въ ея царствованіе испыталъ дальнѣйшій расцвѣтъ, ставъ не только любимой забавой Двора, но и, въ порядкѣ подражанія, привычной принадлежностью каждаго достаточно широкаго барскаго обихода. Развязно-шутливое обличеніе невѣжества, ханжества, суевѣрія и пр. является постояннымъ содержаніемъ и этого жанра сочиненій Екатерины. Самыми извѣстными ея пьесами были комедіи: «О, время», и «Именины г-жи Ворчалкиной». «Театръ есть школа народная, говорила Императрица, и я сама въ ней первый учитель». Готова была она учить и иными путями. Писала, напримѣръ, нравоучительныя сказочки. Особенно извѣстна сказка «О царевичѣ Хлорѣ»: ханская дочь, Фелица, даетъ въ проводники для обрѣтенія «розы безъ шиповъ», то есть добродѣтели, своего сына — Разсудокъ. Мораль ясна: къ добродѣтели ведетъ разумъ. Соотвѣтственныя наставленія дала Императрица для воспитанія внуковъ и въ образѣ формальной инструкціи: цѣль воспитанія — здоровое тѣло и умонаклоненіе къ добру; методомъ же является — питаніе веселости нрава, удаленіе всего вызывающаго печаль и уныніе, съ насажденіемъ «добродѣтели и добронравія, состоянію и рожденію приличныхъ». Замѣтное воздѣйствіе оказала Императрица на воспитаніе подрастающихъ поколѣній и въ масштабѣ общественно-широкомъ — черезъ И. И. Бецкаго. Задумана была цѣлая система воспитательныхъ учрежденій, нѣкоторыя изъ которыхъ прочно вошли въ жизнь. Задачей было — изолировать ребенка отъ семьи и среды, съ тѣмъ, чтобы въ закрытомъ учебномъ заведеніи могъ быть создаваемъ

«новый человѣкъ». Жизнь, къ счастію, смягчала эту специфически-доктринерскую заданность въ возникшихъ женскихъ институтахъ. Въ духѣ «Просвѣщенія» составлены были Императрицею нравоученія и для широкаго, по заданію общенароднаго, примѣненія — въ формѣ своего рода гражданскаго катехизиса. Выдержавъ множество изданій, эти нравоученія были изъяты изъ обращенія при Императорѣ Александрѣ I, когда измѣнилось направленіе умовъ и во главѣ Народнаго Просвѣщенія страны оказался одно время адм. А. С. Шишковъ, православный консерваторъ по убѣжденіямъ.

XI.

Н. И. Новиковъ. (1744-1818). «Трутень» и «Живописецъ». Жизненный путь Новикова. Его достиженія. Катастрофа. Конецъ его жизни.

Русская журналистика, какъ установившееся общественное явленіе, задачей имѣющее постоянный, въ опредѣленномъ духѣ, откликъ на очередные запросы сложившагося круга читателей, ведетъ начало отъ временъ Екатерины II. Возникла она именно, какъ откликъ на сочувствіе Императрицы сатерическому уклону подобныхъ изданій. Семь разныхъ журнальчиковъ появились въ подражаніе екатерининской «Всякой всячинѣ». Ведущее мѣсто занялъ «Трутень», руководимый Н. И. Новиковымъ. По преданію, мощную поддержку этому начинанію оказывала Е. Р. Дашкова. Эта женщина, какъ лично близкій Императрицѣ человѣкъ, заняла почетное мѣсто въ исторіи русскаго просвѣщенія. Оказалась она возглавительницей двухъ высшихъ научныхъ учрежденій: существовавшей уже Академіи Наукъ и вновь возникшей Россійской Академіи, назначеніемъ имѣвшей «очищеніе и обогащеніе русскаго языка, прочное установленіе правилъ словоупотребленія, витійства и стихотворства». «Трутень» взялъ тонъ значительно болѣе серьезный, чѣмъ то хотѣлось бы Императрицѣ. «Всякая всячина» пыталась привести «Трутень» къ разуму литературными предостереженіями, но встрѣтила литературный же отвѣтъ — смѣлый и ѣдкій, не давшій никакой пощады литературному самолюбію Императрицы. Долженъ былъ кончить свое существованіе «Трутень», вызвавъ къ себѣ интересъ читателя незаурядный. Нѣсколько позже предпринялъ Новиковъ новое, аналогичное, изданіе — «Живописецъ». Сочувствіе читателя было на этотъ разъ исключительнымъ. Участвовали въ этомъ изданіи, рядомъ съ Новиковымъ, и другіе выдающіеся писатели — авторство отдѣльныхъ статей до сей поры составляетъ предметъ спора. Помѣщая дипломатическіе дифирамбы Императрицѣ, «Живописецъ», пусть и въ болѣе осторожной формѣ, но велъ линію прежнюю: въ томъ же духѣ «Просвѣщенія», но только въ серьезъ, съ подлин-

нымъ паѳосомъ вѣры въ новый режимъ, который долженъ быть созданъ въ Россіи. Живо и остро обличается невѣжество, ханжество, взяточничество, лихоимство, а равно и произволъ помѣщиковъ. Стремленіе къ ликвидаціи крѣпостного права было явнымъ.

Журнальная дѣятельность была лишь начальнымъ эпизодомъ кипучей просвѣтительной дѣятельности Новикова. То была личность замѣчательная. Московскій дворянинъ, онъ съ дѣтства не проявлялъ прилежанія къ наукамъ и даже былъ исключенъ изъ университетской гимназіи. На семнадцатомъ году поступаетъ онъ въ Измайловскій полкъ. Оттуда его откомандировываютъ въ извѣстную намъ Комиссію по составленію Уложенія — для работы по письмоводству. Самое назначеніе это свидѣтельствуетъ уже о рѣшительномъ сдвигѣ интересовъ Новикова. Обнаруживается въ немъ страстная пытливость, становящаяся его второй природой. Чтеніемъ расширяетъ онъ кругъ своихъ знаній. Личное общеніе съ депутатами раждаетъ въ немъ гражданскій духъ. Изъ этой школы и вышелъ первый нашъ отечественный профессіональный журналистъ-публицистъ, изострившій свое перо въ области гражданской сатиры. Но главная его заслуга еще не здѣсь. Новиковъ сталъ первымъ русскимъ издателемъ. Пріобрѣтя интересъ къ русской дѣйствительности, Новиковъ свою пытливость устремляетъ по самымъ разнымъ направленіямъ. Русская географія, этнографія, исторія пріобрѣтаютъ въ немъ изыскателя настойчиваго и неутомимаго. Во всѣхъ этихъ областяхъ онъ разыскиваетъ матеріалы, а затѣмъ стремится сдѣлать ихъ предметомъ широкаго освѣдомленія. Задумывается и организуется имъ нѣсколько важныхъ изданій — «Опытъ историческаго словаря о Россійскихъ писателяхъ», «Древняя Россійская Вивліоѳика» и нѣкоторыя иныя. Тутъ на-лицо и обработка, зачаточно-систематическая, собраннаго матеріала, но главная заслуга этихъ изданій — опубликованіе множество цѣннѣйшихъ иногда актовъ нашего прошлаго. Взявъ на откупъ типографію Московскаго Университета, Новиковъ на широкую ногу ставитъ вообще издательство, придавая ему не только общественно-просвѣтительный характеръ, но и коммерческій: нѣчто совершенно новое въ Россіи. По свидѣтельству Карамзина, «онъ торговалъ книгами, какъ богатый голландскій или англійскій купецъ торгуетъ произведеніями всѣхъ земель, то есть съ догадкой, съ дальновиднымъ соображеніемъ». Кругъ покупателей былъ очень широкъ. Самъ Новиковъ могъ писать: «книги на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спокойно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ темницею назначенныхъ», и, напротивъ того, книги тогда только многими изданіями печатаются, если онѣ нравятся этимъ «простосердечнымъ» людямъ, «по незнанію ихъ чужестранныхъ языковъ». Новиковымъ же была открыта первая публичная би-

бліотека. Въ приложеніи къ ожившимъ подъ его редакціей «Московскимъ вѣдомостямъ» Новиковъ далъ первый въ Россіи дѣтскій журналъ. Сблизившись съ виднымъ дѣятелемъ въ области русскаго просвѣщенія, проф. И. Е. Шварцемъ, Новиковъ сдѣлалъ существенный вкладъ и въ дѣло педагогики, и это не только въ формѣ изданія соотвѣтственной переводной литературы, но и путемъ подготовки педагогическаго персонала. Было создано особое «Дружеское Ученое общество», съ уклономъ педагогическимъ. Воспользовавшись знаменитымъ указомъ Императрицы о допустимости въ Россіи «вольныхъ типографій», Новиковъ готовился, было, еще расширить свою издательскую дѣятельность: онъ образуетъ «Типографскую кампанію». Но тутъ обрывается круто его феноменальный успѣхъ. Императрица какъ разъ въ это время взяла подъ подозрѣніе масонство, а Новиковъ былъ масонъ, какъ былъ имъ, въ частности, и его близкій сотрудникъ Шварцъ. Едва ли являлся Новиковъ горячимъ участникомъ тайныхъ ритуаловъ масонства, какъ едва ли былъ онъ и участникомъ тайныхъ типографій русскихъ масоновъ. Масонство для Новикова было, вѣроятно, въ большой мѣрѣ просто внѣшней организаціей близкихъ ему по духу, высоко-просвѣщенныхъ, людей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, масонство было для Новикова, какъ и для многихъ образованныхъ русскихъ людей его времени, нѣкимъ естественнымъ противоядіемъ противъ заразы атеизма. Въ рядѣ нравоучительнаго, масонскаго направленія, журналовъ, которые были издаваемы Новиковымъ, основнымъ содержаніемъ является горячее опроверженіе энциклопедистовъ и вообще тѣхъ ученій вѣка, которыя остріемъ направлены были противъ вѣры. Отданъ былъ Новиковъ подъ надзоръ митр. Платону, который, познакомившись съ нимъ ближе, какъ и съ его дѣятельностію издательской, такъ писалъ Императрицѣ: «Молю всещедраго Бога, чтобы не только въ словесной паствѣ, Богомъ и тобою мнѣ ввѣренной, но и во всемъ мірѣ были христіане таковы, какъ Новиковъ». Французская Революція рѣзко измѣнила обстановку. Новиковъ былъ схваченъ и сосланъ, а типографія и книжныя лавки его опечатаны. При Павлѣ былъ онъ возвращенъ изъ ссылки — «дряхлъ, согбенъ, въ раздранномъ тулупѣ». Указано ему было жить въ единственно у него оставшейся родовой деревнѣ. Крестьяне всей округи встрѣтили его радостно, «вспоминая, что они въ голодный годъ великую чрезъ него помощь получали». Никакого участія старецъ уже не сталъ принимать по возвращеніи изъ ссылки ни въ общественной, ни въ литературной жизни. Въ деревнѣ и кончилъ онъ свои дни. Угасла огромная живая сила, оставившая по себѣ слѣдъ глубокій. Пусть проявляла эта сила, въ согласіи съ вѣкомъ, направленность недобрую, но въ

основѣ своей безкорыстна была горячность Нивикова, и движима его дѣятельность была намѣреніями чистыми. Въ испытаніяхъ же какъ бы отшелушилась наросшая короста, и могъ предстать Новиковъ ко Престолу Всевышняго, дѣйствительно, какъ добрый христіанинъ. Отшельникомъ въ своей деревнѣ и скончался онъ, примиренный съ Богомъ, на семьдесятъ-пятомъ году жизни, и погребенъ въ приходской церкви родного села.

XII.

Д. И. Фонвизинъ. Его происхожденіе. Начальный этапъ его жизни. «Бригадиръ». Нравственный переворотъ. Сближеніе съ Н. И. Панинымъ и кн. Дашковой. «Недоросль». Фонвизинъ за границей. Внутренній переворотъ, связанный съ болѣзнью. Оцѣнка этого переворота. Оцѣнка Фонвизина какъ писателя. Сужденія князя Вяземскаго и Гоголя. Двоственность облика Фонвизина.

Во время Ливонской войны попалъ въ плѣнъ къ Грозному рыцарь ордена Меченосцевъ — Петръ фонъ-Визинъ, съ сыномъ Денисомъ. Эта семья, обрусѣвшая въ третьемъ поколѣніи, ко времени Екатерины сумѣла дать Россіи почвенно-русскаго писателя, о которомъ Пушкинъ могъ сказать «изъ перерусскихъ русскій» и на которомъ можно было наблюдать борьбу «внутренняго человѣка», православно-русскаго, съ западными вліяніями.

Обликъ своего отца ярко рисуетъ самъ Фонвизинъ. То былъ средней руки помѣщикъ, честный въ исполненіи службы, «добродѣтельный и истинный христіанинъ», книголюбъ, воздержникъ. «Съ людьми своими обходился съ кротостію». Были задатки опасные у Фонвизина въ дѣтствѣ — соединенные съ повышенной чувствительностію. Слушая разсказъ отца объ Іосифѣ, маленькій Денисъ, растрогавшись, залился слезами. Испугавшись, что перестанутъ читать, онъ притворился больнымъ, сославшись на зубы. Въ домѣ царила набожность. Пока дѣти были маленькія, на дому совершались всенощныя, равно, какъ и великопостныя службы. «Какъ скоро выучился я читать, то отецъ мой у крестовъ заставилъ меня читать. Сему обязанъ я, если имѣю въ россійскомъ языкѣ нѣкоторое знаніе. Ибо, читая церковныя книги, ознакомился я со славянскимъ языкомъ, безъ чего россійскаго языка и знать невозможно. Въ университетскомъ пансіонѣ, куда Дениса потомъ отдали, обучался онъ латыни, нѣмецкому, получилъ вкусъ къ словеснымъ наукамъ. Склонность къ писанію выразилась первоначально въ переводахъ. Себя такъ характеризуетъ Фонвизинъ: «Природа дала мнѣ умъ острый, но не дала мнѣ здраваго разсудка». Склонность къ сатирѣ обнаружилась рано: острыя его слова разносились по Москвѣ. Впрочемъ, сердцемъ онъ былъ добръ и пуще всего боялся обидѣть кого либо,

кто былъ ниже его. Въ числѣ лучшихъ учениковъ взялъ его директоръ въ Петербургъ. Здѣсь ждали его впечатлѣнія сильныя. Знакомство состоялось съ Ломоносовымъ. Былъ Денисъ на придворномъ куртагѣ. Но сильнѣйшее переживаніе далъ театръ. Состоялось личное знакомство съ дѣятелями его — Волковымъ, Шумскимъ, Дмитріевскимъ...

Скоро видимъ Фонвизина сержантомъ гвардіи. Не долго держала его военная служба: попадаетъ онъ въ иностранную коллегію. Здѣсь его ждетъ карьера съ широкими горизонтами. Москва, Петербургъ, первыя заграничныя поѣздки, много интересныхъ знакомствъ. Развивается переводческая дѣятельность — и съ французскаго. Молодого Фонвизина такъ изображаетъ Мятлева, въ салонѣ которой встрѣчались молодые писатели: «Коршунъ — пылкость ума его и необузданное, острое воображеніе всегда всѣхъ раздражало и бѣсило». Во внѣшности его замѣчательными были глаза: до конца дней были эти «глаза ярости почти нестерпимой». Къ этому времени относится его общеніе съ безбожниками, неотдѣлимое, въ тѣ времена, отъ сколько нибудь широкой общественной жизни. Онъ содрогался, но въ кощунствахъ участвовалъ, ибо, какъ самъ потомъ говорилъ, «всего легче шутить надъ святынею и обращать въ смѣхъ то, что должно быть почтенно».

Замѣтно выдвигаетъ Фовизина сочиненіе «Бригадиръ». Онъ удостаивается читать эту сатирическую комедію Государынѣ, а затѣмъ Наслѣднику. Мѣтки слова Н. И. Панина: «Я вижу, что вы очень хорошо нравы знаете, ибо Бригадирша ваша всѣмъ родня; никто сказать не можетъ, что такую же Акулину Тимоѳеевну не имѣетъ онъ или бабушку, или тетушку, или какую нибудь свойственницу». Читалъ Фонвизинъ превосходно, обладая къ тому же даромъ имитаціи: онъ могъ «принимать на себя лицо и говорить голосомъ многихъ людей». «Тогда передражнивалъ я, говоритъ Фонвизинъ, покойнаго Сумарокова, могу сказать, мастерски и говорилъ не только его голосомъ, но и умомъ, такъ, что онъ бы самъ не могъ сказать другого, какъ то, что я говорилъ его голосомъ».

Къ этому времени относится событіе его личной жизни, весьма важное. Попадаетъ онъ къ нѣкоему графу, старому грѣшнику, и тотъ за столомъ начинаетъ раскрывать свое безбожіе. «Разсужденія его были софистическія и безуміе явно, но со всѣмъ тѣмъ поколебали душу мою». На счастье начальство его (Елагинъ) переѣзжаетъ, вслѣдъ за дворомъ, въ Царское Село. Беретъ съ собою туда Фонвизинъ Библію. Возникаетъ у него случайная встрѣча, въ саду, съ Тепловымъ. Между обоими завязывается глубокомысленная бесѣда, положившая начало дальнѣйшимъ разговорамъ, въ которыхъ Фонвизинъ черпаетъ силы для преодолѣнія соблазна

безбожія. Обстоятельное изложеніе этихъ бесѣдъ, которое находимъ въ замѣчательномъ «Чистосердечномъ признаніи въ дѣлахъ моихъ и помышленіяхъ», написанномъ Фонвизинымъ въ концѣ своихъ дней, показываетъ намъ всю внѣ-церковную предвзятость тѣхъ размышленій, которыя возвращали Фонвизина къ Богу...

Служебная карьера Фонвизина идетъ своимъ ходомъ. Онъ сближается съ Н. И. Панинымъ, главой нашего вѣдомства Иностранныхъ Дѣлъ. Слѣдомъ этой близости остается «Разсужденіе о истребившейся въ Россіи совсѣмъ всякой формѣ правленія и отъ того о зыблемомъ состояніи какъ Имперіи, такъ и самихъ государей». Разсужденіе это, написанное Панинымъ при помощи Фонвизина, какъ секретаря, конечно, отвѣчаетъ взглядамъ и нашего писателя. Это — завѣщаніе Панина Павлу, какъ будущему Императору, проникнутое негодованіемъ противъ фаворитизма и пламеннымъ восхищеніемъ предъ законностью. Аргументація, конечно, отвѣчаетъ вѣку «Просвѣщенія». Именно имѣя ввиду это «Разсужденіе», которое было популярно среди декабристовъ, Пушкинъ, надо думать, назвалъ въ «Онѣгинѣ» Фонвизина «другомъ свободы». Высказывалъ свое свободолюбіе, впрочемъ, Фонвизинъ и печатно, найдя, по своей близости съ кн. Дашковой, доступъ на страницы «Собесѣдника любителей Россійскаго слова».

Волю давалъ онъ тамъ и своему злоязычію. Екатерина какъ то замѣтила: «Худо мнѣ жить приходится: уже и господинъ Фонвизинъ хочетъ учить меня царствовать». Неудивительно, что желаніе Фонвизина издавать собственный журналъ оказалось неосуществимымъ. Въ рукописи до насъ дошли нѣкоторыя публицистическія его произведенія того времени: моральныя прописи, прослоенныя злоязычіемъ. Въ зенитѣ славы находится тогда Фонвизинъ: «Недоросль» выходитъ изъ подъ его пера и дѣлается достояніемъ публики.

Видимъ мы Фонвизина заграницей, въ качествѣ путешественника. Впечатлѣнія его не получили выраженія обработанно-литературнаго, но тѣмъ болѣе яркую форму обрѣли въ частныхъ письмахъ: къ П. Панину (брату министра), въ болѣе осторожной формѣ, сдержанной и систематической, и уже въ формѣ совершенно непринужденной — въ письмахъ къ сестрѣ. Эти письма едва ли не самое замѣчательное, что вышло изъ подъ пера Фонвизина. Радикальную переоцѣнку цѣнностей испыталъ заграницей Фонвизинъ, а потому и давалъ волю своему вообще пылкому перу. «Вообще, сказать безпристрастно, писалъ онъ сестрѣ, что отъ Петербурга до Нюренберга балансъ со стороны нашего отечества перетягиваетъ сильно: здѣсь во всемъ генерально хуже нашего». Дальше — больше. Въ общемъ ничего не находитъ нашъ наблюдатель въ Европѣ, что бы хоть сколько-нибудь отвѣчало тому предвзято-восхищенному ожиданію, съ которымъ каждый русскій отправ-

лялся на Западъ. Иначе, естественно, начинаетъ рисоваться разочарованному наблюдателю Запада уже и своя Россія. Законы? Пусть на Западѣ есть они — но какая имъ цѣна, если нѣтъ доброй вѣры? «У насъ ея немного, а здѣсь нѣтъ ея и головой». Вольность? «Научился я, пишетъ онъ, различать вольность по праву отъ дѣйствительной вольности. Нашъ народъ не имѣетъ первой, но послѣднею во многомъ наслаждается. Напротивъ того, французы, имѣя право вольности, живутъ въ сущемъ рабствѣ». Общій выводъ? «Я думалъ сперва, что Франція, по разсказамъ, сущій рай, но ошибся жестоко... Удивиться должно, другъ мой сестрица, какіе здѣсь невѣжды. Дворянство особливо ни уха ни рыла не знаетъ... Можно сказать, что въ Россіи дворяне по провинціямъ несказанно лучше здѣшнихъ, кромѣ того, что здѣшніе пустомели имѣютъ наружность лучше». Разочарованіе касается и столповъ Просвѣщенія: непосредственное наблюденіе развѣнчало Вольтера, Дидро, Даламбера, даже Руссо. Самый воздухъ той Европы, которой дышетъ Фонвизинъ, раждаетъ въ немъ омерзеніе — и невольно поддаешься ему, ибо блещутъ письма остроуміемъ, мѣткими характеристиками и пронзительными сужденіями, проникающими, казалось бы, въ самую суть предмета: блистательный талантъ Фонвизина достигаетъ истиннаго паѳоса въ обличительномъ гнѣвѣ. И нужно сдѣлать нѣкоторое усиліе, чтобы отдать себѣ отчетъ въ предвзятости всего изображенія чужой жизни, касается ли это общихъ оцѣнокъ этой жизни въ цѣломъ, или моментальныхъ отдѣльныхъ снимковъ съ нея—все одно. Сказывается, прежде всего, тотъ максимализмъ отвлеченный — максимализмъ требовательности къ жизни, который взрощенъ атмосферой вѣка и который здѣсь обращенъ къ самому источнику свѣта. Сказывается и нарочитая сатирическая осоленность каждаго слова, сбѣгающаго съ пера Фонвизина. Можно легко себѣ представить — во что должно было превращаться изображеніе жизни, при наличіи этихъ двухъ особенностей воспріятія! Сорвалось однажды замѣчаніе у Фонвизина: много-де хорошаго, только «хорошее здѣсь найдешь поискавши, а худое само въ глаза валитъ». А если глаза такъ устроены, что преимуществено и съ любовнымъ выборомъ всматриваются въ худое? Характерная для Фонвизина наблюдательность поверхностна — это ярко засвидѣтельствовано въ его замѣчательныхъ письмахъ изъ-за границы. Писалъ онъ ихъ не для публики — и все же элементы шаржа на лицо. Какую же долю шаржа должно заключать въ себѣ все то, что пишетъ Фонвизинъ спеціально для читателя, для публики! Какую же скидку надо дѣлать съ того, что читаемъ мы въ произведеніяхъ Фонвизина относительно Россіи...

Впрочемъ, учесть надо силу разочарованія, испытаннаго Фонвизинымъ отъ встрѣчи съ Западомъ: то была истинная моральная встряска. Господь готовилъ для него еще большую — рѣши-

тельную. Признаки тяжкаго заболѣванія обнаружились во время послѣдняго путешествія заграницу (въ Римъ). Скоро видимъ мы Фонвизина — инвалидомъ-паралитикомъ. Съ трудомъ передвигаетъ онъ ноги и говоритъ «съ крайнимъ усиліемъ... голосомъ охрипшимъ и дикимъ». Но полная ясность сознанія сохраняется имъ. И онъ совершенно по новому взираетъ теперь на весь свой жизненный путь. Въ этомъ состояніи пишетъ онъ свои знаменитыя «Чистосердечныя признанія...» Наша научно-педагогическая литература склонна высказывать сожалѣнія о томъ, что это произведеніе проникнуто чувствомъ сокрушенія и смиренія, видя въ этомъ «мрачное религіозное настроеніе», исказившее, якобы, подлиннаго Фонвизина. Такими сужденіями оцѣниваетъ эта литература себя, а не Фонвизина, въ которомъ подлинный его «внутренній человѣкъ» возвращался къ жизни подъ воздѣйствіемъ «удара». Здѣсь-то и обнаруживается истинная значительность этого почвеннаго русскаго человѣка, который, «приближаясь къ 50 лѣтамъ жизни» и одержимъ будучи трудной болѣзнью», ощутилъ потребность раскаянія истинно христіанскаго. «Испытаніе моей совѣсти» вотъ чѣмъ, въ его собственныхъ очахъ, являются его записки, къ сожалѣнію оборвавшіяся на той судьбоносной встрѣчѣ съ Тепловымъ, которую мы знаемъ. А начинаетъ Фонвизинъ эти записки молитвою, воспринимая ихъ именно, какъ исповѣдь — не въ томъ чисто литературномъ смыслѣ, какъ понималъ свою знаменитую «Исповѣдь» Руссо, а въ смыслѣ завѣта апостольскаго: «исповѣдуйте убо другъ другу прегрѣшенія».

Сохранилась въ Фонвизинѣ, однако, до послѣдняго дня его жизни его натура: сатирика-публициста и сатирика-художника. Жадная страсть къ писанію и ко всему съ перомъ связанному сказалась въ одной встрѣчѣ, описанной И. И. Дмитріевымъ. Было это у Державина, и буквально ослѣпилъ Фонвизинъ своего новаго знакомца блескомъ своихъ дарованій и, въ частности, остротой слова. А чрезъ нѣсколько часовъ — буквально! — кончилъ свои счеты съ жизнью Фонвизинъ. Но знаемъ мы, что одновременно жилъ въ Фонвизинѣ и другой человѣкъ — внутренній! Въ разсужденіи о суетной жизни человѣческой, на случай смерти Потемкина, находимъ мы у Фонвизина слѣдующія замѣчательныя строки: «Всѣмъ знающимъ меня извѣстно, что я стражду самъ отъ послѣдняго удара, но Господь, защитникъ живота моего, всегда отвращалъ вознесшуюся на меня злобу смерти; Его святой волѣ угодно было лишить меня руки, ноги и части употребленія языка: наказуя наказа мя Господь, смерти же не предаде. Но сіе лишеніе почитаю я дѣйствіемъ безконечнаго ко мнѣ милосердія Его ... Съ благоговѣніемъ ношу я наложенный на меня крестъ и не перестану до конца жизни моей восклицать: «Господи, благо мнѣ, яко смирилъ мя еси!» По свидѣтельству кн. Вяземскаго, написавшаго о Фонвизинѣ цѣлое изслѣдованіе, говорилъ онъ однажды въ уни-

верситетской церкви университетскимъ питомцамъ, на себя указывая: «Дѣти, возьмите съ меня примѣръ! Я наказанъ за свое вольнодумство: не оскорбляйте Бога ни словами ни мыслію». Но самое замѣчательное высказано имъ о себѣ въ слѣдующихъ словахъ того же «Разсужденія о суетной жизни человѣческой» «Лишился я пораженныхъ членовъ въ самое то время, когда, возвратясь изъ чужихъ краевъ, упоенъ былъ мечтою о моихъ знаніяхъ; когда безумное на разумъ мой надѣяніе изъ мѣръ выходило, и когда, казалось, представлялся случай къ возвышенію въ суетную знаменитость. Тогда Всевѣдецъ, зная, что таланты могутъ быть болѣе вредны, нежели полезны, отнялъ у меня самого способы изъясняться словесно и письменно, и просвѣтилъ меня въ разсужденіи меня самаго».

Три имени выстраиваются естественно въ рядъ, какъ русскіе сатирики: Кантемиръ, Фонвизинъ и Гоголь. Сатирическій уклонъ писательскаго дарованія каждаго изъ нихъ неотдѣлимъ отъ глубокихъ сторонъ ихъ религіознаго **«я»**. Намеки на необходимость отверженія своего писательскаго **«я»**, въ силу требованія именно религіознаго своего сознанія, находимъ мы у Кантемира. Полное, ясное, отчетливо выраженное сознаніе такой необходимости видимъ мы у Фонвизина. Религіозно-осмысленно содѣянное отверженіе своего творческаго пути являетъ намъ Гоголь. Послѣдній, пусть въ послѣдній моментъ своего жизненнаго поприща, но вернулся въ Церковь **всецѣло**, до конца, безъ всякой снисходительной оглядки на себя, какъ на писателя. Возвратился ли до конца въ Церковь Фонвизинъ? Не знаемъ мы этого. На пути къ Богу, возвратномъ, перехватили его, какъ мы знаемъ, силы иныя. Не оставался ли Фонвизинъ даже къ концу своихъ дней въ какой то мѣрѣ подъ обаяніемъ умственныхъ теченій своего вѣка, уводящихъ отъ полноты самоотданія дѣйствію церковной благодати? Отряхивая отъ себя прахъ явныхъ заблужденій, отмѣченныхъ ядомъ безбожія, едва ли былъ, однако, способенъ Фонвизинъ распознать всю суетность близкихъ ему теченій, которыя на Церковь смотрѣли безъ должной серьезности, нерѣдко съ пренебреженіемъ, а порою и съ прямой враждебностію. Во всякомъ случаѣ, нѣтъ у насъ данныхъ для того, чтобы съ увѣренностію утверждать наличіе у Фонвизина полнаго преодолѣнія трагическаго двоевѣрія, свойственнаго образованнымъ людямъ его вѣка.

Только отдавъ себя ясный отчетъ въ томъ, что являетъ собою Фонвизинъ, какъ религіозная личность, сможемъ мы подойти къ правильной оцѣнкѣ его, какъ писателя — не поддаваясь очарованію его таланта выше мѣры и не дѣлая поверхностныхъ оцѣнокъ **русскаго прошлаго** на основаніи его литературныхъ свидѣтельствъ. Остановимся на разсмотрѣніи лучшаго его

произведенія, до настоящаго времени не утратившаго способности овладѣвать читателемъ и зрителемъ — комедію «Недоросль», не сходящей съ репертуара до сего дня. «Недоросль» былъ написанъ черезъ 16 лѣтъ послѣ «Бригадира», въ ту эпоху, когда сталъ раздвигаться горизонтъ Фонвизина его поѣздками заграницу — т. е. въ полный расцвѣтъ его таланта. Постановка этой пьесы на сценѣ сопровождалась успѣхомъ безпримѣрнымъ. Извѣстны слова, влагаемыя преданіемъ въ уста Потемкина: «Умри, Денисъ, лучше не напишешь!» Любопытно, что публика особенно восторженно отзывалась на тѣ разсужденія ходульныхъ персонажей пьесы (Стародума, Правдина, Милона), которыя имѣютъ задачей выражать положительныя идеи, влагаемыя, съ воспитательной цѣлью, авторомъ въ его пьесу, тогда какъ въ позднѣйшее время эти разсужденія обычно просто опускались, не вызывая у публики ничего, кромѣ непреодолимой скуки! Однако, сценическій зарядъ оставался неизмѣнно въ такой силѣ у пьесы, что успѣхъ былъ обезпеченъ у смѣняющихся поколѣній. Не въ фабулѣ тутъ дѣло — ея въ сущности нѣтъ совсѣмъ, до того она искусственна.. Помѣщица Простакова взяла подъ опеку сосѣдку, безпомощно-молодую, зарясь на ея имущество и готовясь отдать ее замужъ за брата. У Софіи есть дядя, въ безвѣстномъ отсутствіи. Внезапно онъ появляется. Тутъ же оказывается, въ глухой провинціи, столичный чиновникъ Правдинъ, готовый вмѣшаться, какъ стражъ законности, въ произволъ помѣщицы. Тутъ же оказывается и военный Милонъ, съ постоемъ солдатъ — избранникъ сердца Софіи. Въ этомъ окруженіи и является неожиданно дядя — въ образѣ уже богача, дѣлающаго своей наслѣдницей Софію. Узнавъ объ этомъ Простакова мѣняетъ рѣшеніе: не за брата своего, Скотинина, а за сына Митрофанушку выдастъ она Софію. Этотъ Митрофанушка, недоросль-простофиля, становится, за отсутствіемъ внутренняго центра пьеса, средоточіемъ вниманія публики. Стародумъ (онъ по заданію является центромъ пьесы, и эту роль бралъ на себя Фонвизинъ, когда игралъ въ своей пьесѣ), конечно, не идетъ навстрѣчу желанію Простаковой — и та рѣшаетъ силой увезти Софію для вѣнчанія съ Митрофанушкой. Затѣя не удается, такъ какъ въ нужный моментъ Правдинъ получаетъ и оглашаетъ указъ о наложеніи опеки, и Стародумъ можетъ отдать Софію Милону. Порокъ наказанъ, добродѣтель торжествуетъ! Когда Простакова, въ своемъ несчастіи, встрѣчаетъ и полную холодность Митрофанушки, въ которомъ души не чаетъ, а равно и враждебность всего своего окруженія, то вызываетъ это сентенцію Стародума, заключающую пьесу: «Вотъ злонравія достойные плоды».

Въ чемъ же привлекательность пьесы? Прежде всего въ бытовой жизненности отдѣльныхъ сценъ, совершенно эпизодическихъ,

густо сдобренныхъ сатирической издѣвкой надъ изображаемымъ бытомъ. Съ другой стороны плѣняетъ сатирическая же жизненность отдѣльныхъ персонажей, какъ бы выхваченныхъ изъ обыденной современности и въ своей карикатурности какъ бы подъ лупой показанныхъ. По поводу портретной изобразительности, присущей Фонвизину, Вяземскій говоритъ такъ: «Портретный живописецъ нѣсколько идеализируетъ свой подлинникъ съ цѣлію изящнаго; карикатурный мастеръ идеализируетъ свой въ смѣшномъ и уродливомъ видѣ; но и тотъ и другой не измѣняютъ истинѣ». Глубже схватываетъ предметъ Гоголь:

«Комедія Фонвизина поражаетъ огрубѣлое звѣрство человѣка, происшедшее отъ долгаго безчувственнаго, непотрясаемаго застоя въ отдаленныхъ углахъ и захолустьяхъ Россіи. Она выставила такъ страшно эту кору огрубѣнія, что въ ней почти не узнаешь русскаго человѣка. Кто можетъ узнать что-нибудь русское въ этомъ злобномъ существѣ, исполненномъ тиранства, какова Простакова, мучительница крестьянъ, мужа и всего, кромѣ своего сына? А между тѣмъ чувствуешь, что нигдѣ въ другой землѣ, ни во Франціи, ни въ Англіи не могло образоваться такое существо. Эта безумная любовь къ своему дѣтищу есть наша сильная русская любовь, которая въ человѣкѣ, потерявшемъ свое достоинство, выразилась въ такомъ извращенномъ видѣ, въ такомъ чудномъ соединеніи съ тиранствомъ, такъ что, чѣмъ болѣе она любитъ свое дитя, тѣмъ болѣе ненавидитъ все, что не есть ея дитя. Потомъ характеръ Скотинина — другой типъ огрубѣнія. Его неуклюжая природа, не получивъ на свою долю никакихъ сильныхъ и неистовыхъ страстей, обратилась въ какую то болѣе спокойную, въ своемъ родѣ художественную любовь къ скотинѣ, на мѣстѣ человѣка: свиньи сдѣлались для него то же, что для любителя искусствъ картинная галлерея. Потомъ супругъ Простаковой — несчастное, убитое существо, въ которомъ и тѣ слабыя силы, какія держались, забиты понуканіями жены — полное притупленіе всего! Наконецъ, самъ Митрофанъ, который, ничего не заключая злобнаго въ своей природѣ, не имѣя желанія наносить кому-либо несчастіе, становится не-чувствительно, съ помощію угожденія и баловства, тираномъ всѣхъ, и всего болѣе тѣхъ, которые сильнѣе его любятъ ,т. е. матери и няньки, такъ что наносить имъ оскорбленіе — сдѣлалось ему наслажденіемъ. Словомъ — лица эти какъ бы уже не русскіе: трудно даже и узнать въ нихъ русскія качества, исключая развѣ только одну Еремеевну да отставного солдата. Съ ужасомъ слышишь, что уже на нихъ не подѣйствуешь ни вліяніемъ Церкви, ни обычаями старины, отъ которыхъ удерживалось въ нихъ одно пошлое, и только одному желѣзному закону здѣсь мѣсто. Все въ этой комедіи кажется чудовищной карикатурой на

русское, а между тѣмъ ничего въ ней карикатурнаго: все взято живьемъ съ природы и провѣрено знаніемъ души. Это тѣ неотразимо-страшные идеалы огрубѣнія, до которыхъ можетъ достигнуть только одинъ человѣкъ Русской земли, а не другаго народа».

Сужденіе Гоголя вскрываетъ намъ глубину творческаго замысла Фонвизина, осуществленнаго имъ въ «Недорослѣ». Это не картинка нравовъ портретная, на основаніи которой можно было бы судить о русскомъ обществѣ (какъ привычно истолковываетъ учебная литература «Недоросля»), а нѣкая вытяжка изъ русскаго быта, доводящая до гиганскихъ размѣровъ отрицательныя стороны русской «застоявшейся души». Только въ одномъ нельзя согласиться съ Гоголемъ: будто нѣтъ въ этомъ изображеніи элементовъ карикатуры. Нельзя согласиться полностію и съ сужденіемъ Вяземскаго о природѣ карикатуры. Карикатура можетъ быть, дѣйствительно, сопоставляема иногда съ портретомъ по признаку **«идеализаціи»**, только съ обратнымъ знакомъ, т. е. съ оттѣненіемъ не свѣтлыхъ, а темныхъ сторонъ изображаемаго человѣка. Но далеко не всегда это такъ. Карикатура Фонвизина именно не такого типа: могъ вѣдь тотъ же Вяземскій сказать объ изображеніи Фонвизинымъ Кутейкина, что авторъ вывелъ на сцену его, «не боясь ни цензуры совѣсти, ни совѣстливости цензуры». А вѣдь тутъ рѣчь идетъ о представителѣ Церкви!!

Въ Фонвизинѣ была своеобразная двойственность, о которой онъ и самъ говоритъ въ своей **исповѣди.** Жила въ немъ злобность, которая вспыхивала даже въ младенчествѣ, а нашла себѣ законный, т. ск., выходъ, ставшій привычнымъ, въ сатирическомъ злословіи. Злая наблюдательность, съ оттѣнкомъ издѣвки, стала второй натурой Фонвизина. Но неизмѣнно смягчалась она другой стороной его нрава — добротой природной, мягкостію и привѣтливостію душевной. При всѣхъ условіяхъ, ошибкой было бы разсматривать сатиру Фонвизина подъ угломъ зрѣнія патетическаго негодованія, вызываемаго общественнымъ зломъ. Не боецъ Фонвизинъ! Раздѣльно стоятъ два плана въ его изображеніи дѣйствительности. Подлинный Фонвизинъ художественно изображаетъ все подмѣченное его злой наблюдательностью недоброе обыденной жизни, возводя притомъ это недоброе въ квадратъ мастерствомъ своей сатирической издѣвки. Его двойникъ — тутъ же на эти темы морализируетъ. Но эта нравоучительность — отъ ума, а не отъ сердца. Сердце его все же сказывается — но въ иномъ. Отъ сердца идетъ налетъ добродушной смѣшливости, который покрываетъ, даже упраздняетъ злую колючесть сатирическаго пера. И все же, гдѣ то въ душѣ, тѣмъ не менѣе, остается болѣзненный осадокъ. Тутъ можно даже усилить сужденіе Гоголя: есть что-то оскорбляющее достоинство че-

ловѣка въ издѣвкѣ Фонвизина. Если это не замѣчается въ должной мѣрѣ или вовсе не замѣчается, то именно подъ впечатлѣніемъ добродушной смѣшливости — заражающей неудержимо читателя, а тѣмъ болѣе зрителя. Но достаточно задуматься нѣсколько глубже надъ персонажами того же «Недоросля» — развѣ не можетъ взять человѣка истинная тоска? Неужто **человѣкъ** таковъ? Не хула ли на человѣка — на Божіе созданіе! — тутъ получила художественное изображеніе? Только такое наше пониманіе заключеннаго въ творчествѣ Фонвизина духовнаго заряда даетъ вразумительное объясненіе тому распознанію самого себя, которое возникло у Фонвизина въ концѣ его дней, въ итогѣ «удара». Во всякомъ случаѣ ощущать воспроизведеніе русской жизни Фонвизинымъ, какъ судъ совѣсти, да еще народной, надъ язвами дѣйствительности — было бы внутреннимъ согласіемъ на недобрую предвзятость лежащаго на самой природѣ творчества того, кого Пушкинъ могъ назвать «сатиры смѣлымъ властелиномъ». Пусть «сатирикъ превосходный невѣжество казнилъ въ комедіи народной», какъ говорилъ тотъ же Пушкинъ: казнь эта не всегда есть результатъ правосудія. А что касается «невѣжества», то можетъ оно быть и квалифицированнымъ, и даже высоко-квалифицированнымъ. Такимъ именно нельзя, въ какой то мѣрѣ, не признать морализированіе призванныхъ къ тому персонажей Фонвизина — подъ угломъ зрѣнія Истины подлинной и Просвѣщенія истиннаго. Не разъ цитированный нами Вяземскій, тонкій критикъ и одареннѣйшій человѣкъ эпохи Пушкина, могъ въ своей книгѣ о Фонвизинѣ говорить о двухъ вѣкахъ: «Тогда просвѣщеніе образовало расколъ... Нынѣ просвѣщеніе — господствующая вѣра». Какое, однако, тутъ имѣется въ виду «просвѣщеніе»? Все то же, выше нами охарактеризованное, пусть нѣсколько облагоображенное! Перспектива позднѣйшихъ «критиковъ» оказывается искаженной, поскольку умоначертаніе ихъ остается, въ исходной своей основѣ, все тѣмъ же, свойственнымъ фонвизинскому вѣку. Самъ себя Фонвизинъ, пусть онъ и не преодолѣлъ до конца порчи, вызванной вѣкомъ, видѣлъ глубже своихъ «просвѣщенныхъ» критиковъ.

XIII.

Г. Р. Державинъ. Начало его жизни. Начало успѣха. «Фелица». Путь жизни Державина. Геній Державина. Моральный обликъ его. Поэтическій обликъ Державина. Условность его поэтической рѣчи и внутренняя ея правда. Державинъ какъ поэтъ Екатерининскаго вѣка. Въ какомъ планѣ возвышается Державинъ надъ своимъ вѣкомъ? Ода «Богъ». Гоголь о Державинѣ. Ограниченность Державина. Изобразительныя средства Державина.

Державинъ родился въ 1743 г. въ семьѣ мелкопомѣстнаго дворянина около Казани. «Въ младенчествѣ былъ весьма малъ, слабъ

и сухъ, такъ что по тогдашнему въ томъ краю непресвѣщенію и обычаю народному, должно было его запекать въ хлѣбѣ, дабы получилъ онъ сколько нибудь живности». Съ младыхъ лѣтъ постранствовалъ онъ по Россіи, слѣдуя за отцомъ въ его служебныхъ (онъ былъ военный) перемѣщеніяхъ. Тепло вспоминаетъ Державинъ отца и мать. Читать и писать научился онъ отъ церковниковъ. Мать, подъ непосредственнымъ надзоромъ которой онъ росъ, старалась пристрастить его къ чтенію духовныхъ книгъ. Очень тяжелыя воспоминанія остались у Державина отъ ученія въ Оренбургѣ у нѣмца-неуча Розе. Все-же ему онъ обязанъ нѣкоторымъ знаніемъ нѣмецкаго языка — единственнаго иностраннаго, который онъ вообще зналъ и впослѣдствіи. Послѣ смерти отца жилъ Державинъ съ матерью въ Казани, гдѣ она должна была ходить по судамъ, отстаивая наслѣдственное имѣніе отъ сосѣдей. Ѣздила она съ сыномъ и въ Москву записать его на службу и доказывать его происхожденіе отъ Багрима Мурзы, выѣхавшаго изъ Золотой Орды при Василіи Темномъ. Въ 1758 г. открылась въ Казани гимназія. Туда и отдали Державина. По програмѣ тамъ учили много чему, но за недостаткомъ учителей едва ли лучше прежняго. «Болѣе же всего старались, чтобъ научить читать, писать и говорить, сколько нибудь по грамматикѣ, быть обходительными, заставляя сказывать на каѳедрахъ сочиненныя учителемъ и выученныя наизусть рѣчи; также представлять въ театрѣ бывшія тогда въ славѣ Сумарокова трагедіи, танцовать и фехтовать въ торжественныхъ собраніяхъ по случаю экзаменовъ: что сдѣлало питомцевъ хотя въ наукахъ неискусными, однако же доставило людскость и нѣкоторую развязь въ обращеніи». Какъ способный ученикъ, использованъ былъ Державинъ для съемки плановъ и описанія древняго города Болгары, что онъ и дѣлалъ самостоятельно. Смерть Императрицы смѣшала всѣ дальнѣйшіе планы — спѣшно, не закончивъ школы, отправился Державинъ на службу. Въ 1763 году видимъ Державина въ Петербургѣ въ Преображенскомъ полку, въ казармахъ, простымъ солдатомъ. Урывками читалъ онъ; писалъ — втихомолку. Придя разъ по службѣ къ одному прапорщику, засталъ онъ тамъ чтеніе трагедіи. Заинтересовавшись, задержался въ дверяхъ, и тутъ услышалъ: «Поди, братецъ служивый, съ Богомъ, что тебѣ здѣсь попусту зѣвать? Вѣдь ты ничего не смыслишь». 12-ть лѣтъ прошло, пока дослужился Державинъ до офицерскаго чина. Жизнь велъ Державинъ грубую: бражничалъ, картежничалъ, игралъ нечисто... Съ производствомъ въ офицеры попалъ въ близкія съ дѣтства мѣста и тамъ принялъ участіе въ подавленіи Пугачевскаго бунта. То было началомъ карьеры — выходъ въ люди.

Сказались дарованія Державина, но сказался и его нравъ: не удержался Державинъ на военной службѣ. Пришлось переходить

ему на гражданскую — въ Сенатъ. Тутъ сблизился онъ съ семьей генералъ-прокурора кн. А. А. Вяземскаго. Женился по любви. Участвуетъ онъ теперь и въ литературной жизни: стихи его печатаются въ «С. Петербургскомъ Вѣстникѣ». На службѣ проявляетъ онъ свои способности, незаурядныя, но и неуравновѣшенность нрава, о которой самъ писалъ такъ: «горячъ и въ правдѣ чортъ». Знаменитость пришла неожиданно и внезапно — опубликованіемъ, безъ его о томъ вѣдома, кн. Дашковой, оды «Фелица», въ которой добродушное, искреннее и въ рамки обыденности вставленное прославленіе Екатерины сочеталось съ сатирой на ея окруженіе — «хотя безъ всякаго злорѣчія, но съ довольной издѣвкой и съ шалостью». Смѣшеніе стилей, непривычно привлекательное, живость изложенія, игривая легкость плѣнили всѣхъ — вплоть до Екатерины, которая, познакомившись съ одой, была растрогана до слезъ человѣчностью созданнаго Державинымъ ея образа. Она не безъ лукавства разослала ее сама своимъ близкимъ, нашедшимъ себѣ мѣсто въ одѣ, и щедро одарила автора.

Пошелъ въ гору Державинъ и по службѣ. Видимъ его губернаторомъ въ Олонецкой губерніи, гдѣ онъ, однако, быстро успѣлъ испортить отношенія съ Намѣстникомъ, почему и былъ переведенъ въ Тамбовъ. Здѣсь онъ оставилъ прочную память: онъ заводилъ школы, устраивалъ спектакли, концерты, создалъ первый театръ, первую типографію, первое народное училище. Но и тутъ нравъ свой сдержать не могъ и долженъ былъ вернуться въ Петербургъ — будучи отданъ подъ судъ за опущенія по службѣ. Произошла встрѣча съ Екатериной. «Въ третьемъ мѣстѣ не могъ ужиться, надобно искать причину въ самомъ себѣ. Онъ горячился и при мнѣ. Пусть пишетъ стихи». Таково было заключеніе императрицы, которая отказалась и взглянуть въ его дѣло и утвердила оправдательный приговоръ, сказавъ, что «не можетъ обвинять автора Фелицы». Къ концу царствованія Екатерина сдѣлала Державина своимъ «кабинетъ-секретаремъ». Терпѣла она его около двухъ лѣтъ, жалуясь, что онъ къ ней «со всякимъ вздоромъ лѣзетъ». Когда онъ въ увлеченіи хваталъ ее за мантилью, она звала на помощь кого либо изъ дожидавшихся очереди. Посадили его въ сенатъ. Императоръ Павелъ сдѣлалъ его, было, правителемъ канцеляріи Государственнаго Совѣта, но за «необузданность языка» тутъ же вернулъ въ сенатъ. При Александрѣ I онъ былъ назначенъ министромъ юстиціи, но не удержался уже по обстоятельствамъ иного рода: консерваторъ по убѣжденіямъ и «крѣпостникъ», онъ не хотѣлъ идти въ ногу съ временемъ и «сталъ приходить часъ отъ часу у императора въ остуду, а у министровъ во вражду». Не пожелавъ засѣдать ни въ Сенатѣ, ни въ Совѣтѣ, Державинъ отошелъ отъ дѣлъ, часто уединяясь въ деревнѣ. Женатый въ это время уже вторымъ бра-

комъ, онъ много времени проводилъ въ ставшей знаменитой «Званкѣ» (Новгородской губ.), отдаваясь всецѣло литературной работѣ. Въ 1811 г., вмѣстѣ съ А. С. Шишковымъ, Державинъ учреждаетъ въ Петербургѣ литературное общество «Бесѣду любителей русскаго слова», начавшее выпускать свои «Чтенія» — органъ литературно-консервативнаго направленія. Увлекся Державинъ теперь писаніемъ трагедій; эти «развалины» его таланта уже не вошли въ русскую литературу. За три дня до смерти написалъ на аспидной доскѣ свои послѣдніе стихи, вызванные висѣвшей въ его кабинетѣ исторической картой «Рѣка временъ». «На тлѣнность» названіе ихъ. Восемь строчекъ эти хранились въ Императорской Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ — какъ онѣ были написаны, на аспидной доскѣ, давно уже едва видимыя...

Для генія Державина характерно, какъ и для Ломоносова, что онъ былъ носителемъ культуры въ первомъ поколѣніи. Но въ отличіе отъ Ломоносова Державинъ не сталъ ни мастеромъ и хозяиномъ, ни господиномъ и законодателемъ въ освоенной имъ культурѣ. Проницательный Пушкинъ писалъ: «Этотъ чудакъ не зналъ ни русской грамоты, ни духа русскаго языка (вотъ почему онъ ниже Ломоносова). Онъ не имѣлъ понятія ни о слогѣ, ни о гармоніи, ни даже о правилахъ стихосложенія. Вотъ почему онъ долженъ бѣсить всякое разборчивое ухо. Онъ не только не выдерживаетъ оды, но не можетъ выдержать и строфы. Что же въ немъ? Мысли, картины, движенія истинно поэтическія. Читая его, кажется, читаешь дурной вольный переводъ съ какого то чуднаго подлинника. Ей Богу, его геній думалъ по татарски, а русской грамоты не зналъ за недосугомъ. Державинъ, современемъ переведенный, удивитъ Европу, а мы изъ гордости народной не скажемъ всего, что знаемъ о немъ. . .»

Жизнь свою Державинъ раскрылъ въ своихъ «Запискахъ» — нѣсколько цитатъ изъ нихъ выше взято. Когда онѣ были опубликованы, озадачены были поклонники Державина — уже очень много неприглядкаго раскрылъ авторъ о себѣ. Это не была рисовка; не было то и одно лишь суровое уваженіе къ правдѣ. Было тутъ, напротивъ того, въ извѣстной мѣрѣ укорененіе въ неправдѣ: сыномъ своего вѣка былъ и остался Державинъ. А такъ какъ былъ онъ человѣкомъ исключительно крупнымъ, то съ особой силой сказался въ немъ контрастъ примитивнаго варварства съ утонченной культурностью. Сказалось это и въ планѣ моральномъ. Непритворное правдолюбіе причудливо сочеталось не только съ грубымъ своенравіемъ, но и съ льстивымъ ласкательствомъ. Спокойно повѣствуетъ онъ о себѣ, какъ онъ угождалъ ничтожному Зубову. Неподражаемъ разсказъ, какъ онъ не сумѣлъ угодить Потемкину. Тотъ принялъ его ласково, хотѣлъ угостить обѣдомъ. А чѣмъ кончилось? Потемкинъ «съ фуріей выскочилъ

изъ своей спальни, приказалъ подать коляску и, несмотря на шедшую бурю, громъ и молнію, ускакалъ Богъ знаетъ куда. Всѣ пришли въ смятеніе, столы разобрали — и обѣдъ исчезъ».

Сыномъ вѣка оказался Державинъ и въ творчествѣ своемъ. Какъ никто, выражалъ онъ величіе Екатерининскаго вѣка, и военно-побѣдоносное, и придворно-праздничное. Но сказывалась тутъ же духовная «мизинность» современнаго Державину и придворнаго и барскаго быта, грубость котораго не становилась у Державина пошлостью только въ силу присущихъ ему добродушія и наивности. Не случайно то, что именно сочетаніе лести съ шутливой издѣвкой положило начало славѣ Державина. И надо было обладать его геніемъ, а равно и присущей ему глубиной нравственнаго сознанія, чтобы и въ этомъ его твореніи могъ онъ остаться истиннымъ поэтомъ. Больше того: Екатерининскій вѣкъ былъ той стихіей, въ которой только и расцвѣталъ геній Державина. Пѣвцомъ былъ онъ: «у него не было разговора, все была пѣснь», сказалъ о немъ наблюдатель проницательно-сочувственный С. Т. Аксаковъ, близкій Державину въ концѣ его дней. Но та красота пѣсни, та внутренняя музыка, не лишенная и нравственной правды, которая присуща творчеству Державина и которая внутреннимъ слухомъ воспринимается и сейчасъ, она раждалась въ Державинѣ именно его вѣкомъ. Увялъ Державинъ, какъ только увялъ Екатерининскій вѣкъ: доживаніемъ было его существованіе въ позднѣйшее время, и только бытовыя переживанія домашняго уюта способны были вызвать изъ нѣдръ его души прежнюю пѣснь. Воспоминаніями жилъ Державинъ — и какъ это ярко сказалось на встрѣчѣ его съ Пушкинымъ. «Державинъ былъ очень старъ! Онъ былъ въ мундирѣ и въ плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лице его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвисли... Онъ дремалъ до тѣхъ поръ пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина...» Державинъ былъ въ восхищеніи, хотѣлъ обнять Пушкина, но тотъ скрылся. Потомъ Державинъ говорилъ Аксакову: «Мое время прошло. Теперь ваше время, теперь многіе пишутъ славные стихи, такіе гладкіе, что относительно версификаціи уже ничего не остается желать. Скоро явится свѣту второй Державинъ — это Пушкинъ, который уже въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей».

Конечно, въ звукахъ пушкинскаго стиха увядаетъ пѣснь Державина. Но все же звучитъ она и сейчасъ, задѣвая глубокія струны души. И это не только пѣвческой красотой, изумительной, при

всѣхъ перебояхъ, угловатостяхъ и несообразностяхъ, гонящихъ очарованіе. Есть и внутренняя поэтическія сила, громадная, въ Державинѣ. «Мысли, картины, движенія» — перебираетъ впечатлѣнія отъ Державина Пушкинъ. «Исполинское и парящее», говоритъ Гоголь. «Дико, громадно все». «Пигмеи предъ нимъ другіе поэты» ...

⁂

Попробуемъ разобраться въ поэтическомъ обликѣ Державина.

Итакъ, громадность — вотъ первое и основное, что поражаетъ въ Державинѣ. Отсюда выводъ: безплодно пытаются укладывать его въ рамки какихъ то «школъ», характерныхъ для его эпохи. Въ частности, ни классическая, ни ложно-классическая форма никакъ для Державина не типичны: онъ беретъ въ арсеналѣ ходячихъ поэтическихъ возможностей все, ему потребное, и даетъ взятому назначеніе по своему личному усмотрѣнію. Больше того: ни стилей, ни жанровъ для Державина вообще не существуетъ — такого рода условностей онъ не признаетъ; онъ — самъ по себѣ! И все же печать условности лежитъ на всемъ его творчествѣ, и намъ приходится преодолѣвать ее, чтобы поэтически воспринимать его геній. Въ чемъ эта условность?

Другъ Державина, близкій Екатеринѣ Храповицкій, упрекалъ своего сослуживца въ томъ, что онъ въ стихахъ «полы лощитъ». «Зачѣмъ ты такъ, мой другъ, грѣшишь?» — спрашивалъ онъ. Что же отвѣчаетъ Державинъ?

Извини, мой другъ, коль лестно
Я кого здѣсь воспѣвалъ:
Днесь скрывать мнѣ тѣхъ безчестно,
Разъ кого я похвалялъ.
За слова — меня пусть гложетъ,
За дѣла — сатирикъ чтитъ.

Послѣдніе два стиха дали впослѣдствіе Пушкину поводъ сказать: «Слова поэта суть тѣ же дѣла». Не такъ было для Державина. Не безгрѣшенъ былъ онъ и въ своихъ дѣлахъ, и понималъ это, не скрывая ихъ и въ своихъ «Запискахъ».

Падалъ я, вставалъ въ мой вѣкъ,
Брось, мудрецъ, на гробъ мой камень,
Если ты не человѣкъ!

Такъ заключалъ Державинъ свое предсмертное «Признаніе», въ которомъ давалъ «объясненіе на всѣ свои сочиненія». Между грѣхомъ въ словѣ и грѣхомъ въ дѣлѣ проводитъ онъ, однако, разницу замѣтную. Въ чемъ она? Въ томъ, что поэтическое слово содержитъ, въ его представленіи, нѣкую завѣдомую условность рѣчи, которая, сама по себѣ, не является грѣхомъ именно въ силу

своей завѣдомости. Въ чемъ видитъ Державинъ свое право на благодарность потомства?

Всякъ будетъ помнить то въ народахъ неисчетныхъ,
Какъ изъ безвѣстности я тѣмъ извѣстенъ сталъ,
Что первый я дерзнулъ въ забавномъ русскомъ словѣ
О добродѣтеляхъ Фелицы возгласить,
Въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ
И истину царямъ съ улыбкой говорить.

Сквозь условность поэтической рѣчи, вопреки требованіямъ этой условности — вѣщаетъ онъ все же правду, истинно-поэтическую: вотъ его заслуга. Такъ писалъ Державинъ — и иначе не могъ. Снисходитъ Державинъ до того, чтобы говорить языкомъ условнымъ — лишь бы служить дорогой, близкой ему поэзіи, составлявшей ядро его творческой личности. Онъ блистательно осваиваетъ этотъ языкъ. Но именно лишь какъ условный образъ вѣщанія истины. Если его связываютъ, желая большаго, въ смыслѣ грѣха передъ Истиной, — онъ умолкаетъ.

Поймали птичку голосисту,
И ну рукой ее сжимать.
Пищитъ бѣдняжка вмѣсто свисту,
А ей твердятъ: пой, птичка, пой!

Самая направленность его души — именно чистосердечіе.

Я любилъ чистосердечье,
Думалъ нравиться лишь имъ;
Умъ и сердце человѣка
Были геніемъ моимъ.

Въ этихъ строкахъ «Признанія» нѣтъ основанія видѣть хотя бы тѣнь лицемѣрія. Правдолюбомъ, ктому-же, оставался стопроцентнымъ Державинъ и въ поэзіи, какимъ онъ былъ въ жизни. Потому не оскорбляетъ нравственнаго чувства читателя условный уборъ, исполненный преувеличеній и предвзятостеи, которымъ разукрашенъ любой предметъ, взятый Державинымъ для воспѣванія. Это — одежда, завѣдомо внѣшняя и никого не стремящаяся ввести въ заблужденія. А за ней раскрывается нѣчто подлинное — поэтическая правда.

Эту поэтическую правду въ твореніяхъ Державина можно искать вездѣ и по любому поводу. Но два лика ея особенно для него показательны. Прежде всего, есть поэтическая правда въ воспѣваніи Екатерининскаго вѣка — то есть въ основномъ зарядѣ державинскаго творчества. Пусть легкомысленна въ своемъ пониманіи жизни была эпоха; пусть лишена пониманія трагизма, заключеннаго въ воспріятіи чужой культуры, какъ и лишена пониманія подлинныхъ глубинъ народной жизни; пусть декоративно-бравурна эта эпоха въ своемъ жизненномъ быту, — все же могучъ былъ ея барскій размахъ, и богатырской былъ ея

всенародная сила, лишь прикрытая лоскомъ петербургскаго великодержавія. Самая гиперболичность образовъ языка державинскаго не звучитъ ложью, ибо не только величественность и величавость, но и подлинное величіе присуще Екатерининскому вѣку — и это прежде всего въ военной его славѣ.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ, особенно яркихъ въ своей завѣдомой гиперболичности:

Везувій пламя изрыгаетъ;
Столбъ огненный во тьмѣ стоитъ;
Багрово зарево сіяетъ;
Дымъ черный клубомъ вверхъ летитъ;
Краснѣетъ Понтъ, реветъ громъ ярый,
Ударамъ вслѣдъ звучатъ удары;
Дрожитъ земля, дождь искръ течетъ;
Клокочутъ рѣки рдяной лавы: —
О, Россъ! такой твой образъ славы,
Что зрѣлъ предъ Измаиломъ свѣтъ!

Взятіе Измаила изображается такъ:

Представь послѣдній день природы,
Что пролилася звѣздъ рѣка,
На огнь пошли стѣною воды,
Бугры взвились за облака...

А вотъ — Суворовъ при взятіи Варшавы:

Черная туча, мрачныя крыла
Съ цѣпи сорвавъ, весь воздухъ покрыла;
Вихрь полуночный, летитъ богатырь!
Тьма отъ чела, съ посвиста пыль!
Молньи отъ взоровъ бѣгутъ впереди,
Дубы грядою лежатъ позади.
Ступитъ на горы — горы трещатъ,
Ляжетъ на воды — воды кипятъ,
Града коснется — градъ упадаетъ,
Башни рукою за облакъ кидаетъ.

А общимъ припѣвомъ ко всѣмъ побѣднымъ торжествамъ гремитъ знаменитый, всюду раздававшійся, хоралъ:

Громъ побѣды раздавайся!
Веселися храбрый Россъ!
Звучной славой украшайся:
Магомета ты потресъ.

Отвлечемся на мгновеніе отъ державинской поэзіи и обратимся къ текущей прозѣ — самой реальной: къ военному донесенію. Вотъ какъ писалъ Суворовъ имп. Павлу о переходѣ черезъ Альпы: «На каждомъ шагѣ въ этомъ царствѣ ужаса зіяющія пропасти представляли отверстые и поглотить готовые гробы смерти. Дремучія мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, льющіеся

дожди и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями съ вершинъ низвергавшихся, увеличивали трепетъ. Тамъ явилась зрѣнію нашему гора Сенъ-Готардъ, этотъ величайшій колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ, и другая, уподобляющаяся ей, Фогельбергъ. Всѣ опасности, всѣ трудности были преодолѣны, и при таковой борьбѣ со всѣми стихіями непріятель, гнѣздившійся въ ущелинахъ и неприступныхъ и выгоднѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, не могъ противустоять храбрости воиновъ, явившихся неожиданно въ этомъ театрѣ: онъ отовсюду прогнанъ. Войска Вашего Императорскаго Величества прошли черезъ темную пещеру — Урзери-Лохъ, заняли мостъ, удивительною игрой природы изъ двухъ горъ сооруженный и проименованный Тейфельсбрюкке (Чертовъ мостъ). Оный разрушенъ непріятелемъ; но это не остановило побѣдителей: они связываютъ доски шарфами офицеровъ; бѣгутъ по этимъ доскамъ, спускаются съ вершинъ въ бездны и, достигая врага, поражаютъ его всюду. Напослѣдокъ надлежало восходить на снѣжную гору Виншнеръ-бергъ, скалистою крутизною всѣ прочія превышающую: утопая въ скользкой грязи, должно было подыматься противъ и посреди водопада, низвергавшагося съ ревомъ и низрывавшаго съ яростію страшные камни, снѣжныя и земляныя глыбы, въ которыхъ люди съ лошадьми съ величайшимъ стремленіемъ летѣли въ преисподнія пучины, гдѣ многіе убивались, а другіе спасались. Всякое изображеніе недостаточно къ изображенію этой картины во всемъ ея ужасѣ. Единое воспоминаніе преисполняетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарственнымъ моленіемъ Всевышнему. Его же невидимая, всесильная десница видимо охраняла воинство Вашего Императорскаго Величества, подвизавшееся святою его вѣрою».

Описанный тутъ эпизодъ выходитъ хронологически изъ екатерининской эпохи, но это — ея стиль, и нужно почувствовать его именно такимъ, какимъ является онъ въ этомъ правдивомъ описаніи Суворова, чтобы оцѣнить, и величіе эпохи, и соразмѣрность ей генія Державина. Самъ онъ именно въ этомъ видѣлъ свою посмертную славу:

Но лира коль моя въ пыли гдѣ будетъ зрима,
И древнихъ струнъ ея гдѣ голосъ прозвенитъ,
Подъ именемъ твоимъ громка она пребудетъ;
Ты славою! — твоимъ я эхомъ буду жить.
Героевъ и пѣвцовъ вселенна не забудетъ;
Въ могилѣ буду я, но буду говорить.

Подлинное, высшее величіе Державина, однако все же еще не здѣсь. Оно въ томъ, что будучи способенъ **т а к ъ** восприни-

нимать свой вѣкъ, могъ онъ одновременно видѣть и всю его тщетность, какъ и всю тщетность «человѣка» — предъ величіемъ инымъ, отъ земли уводящимъ...

Тутъ названа должна быть прежде всего ода «На смерть князя Мещерскаго», написанная еще до «Фелицы».

Глаголъ временъ! металла звонъ!
Твой страшный гласъ меня смущаетъ;
Зоветъ меня, зоветъ твой стонъ,
Зоветъ — и къ гробу приближаетъ.
Едва увидѣлъ я сей свѣтъ,
Уже зубами смерть скрежещетъ;
Какъ молніей, косою блещетъ
И дни мои, какъ злакъ, сѣчетъ.

Такъ начинается ода, а высшаго напряженія достигаетъ въ словахъ:

Гдѣ столъ былъ яствъ, тамъ гробъ стоитъ;
Гдѣ пиршествъ раздавались лики,
Надгробные тамъ воютъ клики,
И блѣдна смерть на всѣхъ глядитъ...

Словесная изобразительность соперничаетъ въ этой одѣ съ глубиной поэтической мысли, раскрывающей предъ потрясеннымъ читателемъ разительный контрастъ между земнымъ благополучіемъ, наглядно зримымъ, и страшной тайной смерти, внезапно обнаруживающей себя въ этой же бытовой обстановкѣ.

Темѣ смерти посвящены и знаменитыя строфы «Водопада», рисующія прахъ Потемкина въ Таврической степи.

Чей трупъ, какъ на распутьѣ мгла,
Лежитъ на темномъ лонѣ ночи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрываютъ очи!
Прижаты къ хладной груди персты,
Уста безмолвствуютъ отверсты!
Чей одръ — земля, кровъ — воздухъ синь,
Чертоги — вкругъ пустынны виды?
Не ты ли, Счастья, Славы сынъ,
Великолѣпный князь Тавриды?
Не ты ли съ высоты честей
Незапно палъ среди степей?

Въ «Запискахъ» Державина читаемъ: «Примѣчанія достойно, что когда въ 44 году явилась большая, весьма извѣстная ученому свѣту, комета, то при первомъ на нее воззрѣніи младенецъ, указывая на нее перстомъ, первое слово выговорилъ: Богъ!» Это сообщеніе Державинъ сопроводилъ слѣдующимъ примѣчаніемъ:

«Два сіи происшествія (первое — то, что запекали его въ хлѣбъ) совершенная правда, и можетъ быть Провидѣніемъ предсказано чрезъ нихъ было, первымъ трудной путь его жизни, что перешелъ такъ сказать, чрезъ огнь и воду, вторымъ: что напишетъ оду Богъ, которая отъ всѣхъ похваляется».

Ода «Богъ», дѣйствительно, занимаетъ совершенно особое мѣсто не только въ жизни и творчествѣ Державина, но и во всемірной литературѣ. О написаніи ея вотъ что сообщаетъ извѣстный старинный курсъ Порфирьева: «Самая же идея оды, какъ онъ разсказываетъ, возникла у него въ головѣ во время заутрени въ Свѣтлое Христово Воскресеніе въ 1780 г. Пришедши домой, онъ тотчасъ же написалъ первыя строфы оды; но служба и разныя дѣла долго не давали ему времени окончить ее. Уже вышедши въ отставку въ 1784 году, онъ уѣхалъ въ Нарву, и здѣсь, нанявъ на время у одной старухи-нѣмки маленькую комнату, въ продолженіе нѣсколькихъ дней писалъ оду. Доказательствомъ того, какъ сильно въ это время было возбуждено его воображеніе, можетъ служить разсказъ его объ окончаніи оды. Не дописавъ послѣдней строфы, уже ночью, онъ заснулъ предъ зарею; вдругъ ему показалось, что кругомъ по стѣнамъ бѣгаетъ яркій свѣтъ; онъ всталъ и при свѣтѣ лампады написалъ послѣднюю строфу:

Неизъяснимый, Непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображенія безсильны
И тѣни начертать Твоей;
Но если славословить должно,
То слабымъ смертнымъ невозможно
Тебя ничѣмъ инымъ почтить,
Какъ имъ къ Тебѣ лишь возвышаться,
Въ безмѣрной разности теряться
И благодарны слезы лить».

Ода эта получила міровое признаніе издавна. Она переведена на множество языковъ во множествѣ варіантовъ (15 на французскомъ языкѣ, 8 на нѣмецкомъ). Она пріобрѣла высокую оцѣнку не только какъ выдающееся поэтическое произведеніе, но и по своей богословской значимости. Въ такомъ качествѣ вошла она и въ обиходъ нашъ отечественный: цитаты изъ этой оды можно встрѣтить въ школьномъ катихизисѣ. Спору нѣтъ: она не твореніе лишь поэтическаго генія, но и плодъ угубленнаго богомыслія, являя въ этомъ смыслѣ нѣкій уникумъ въ міровой литературѣ. Можно вѣрить, что тотъ родъ вдохновенія, въ которомъ писалась ода, былъ посѣщеніемъ Божіимъ. Не удивительно поэтому, что одиноко стоитъ эта ода. Въ нашей богатой литературѣ позднѣйшей нѣтъ ничего даже приближающагося къ ней.

Но, отдавая должное углубленности и возвышенности поэзіи

Державина, нельзя не отмѣтить односторонность ея религiознаго облика. Это стоитъ въ прямой связи съ общимъ характеромъ религiознаго облика Державина, который и постараемся опредѣлить.

Приведемъ литературный портретъ Державина, данный перомъ Гоголя. «О Державинѣ можно сказать, что онъ — пѣвецъ величiя. Все у него величаво: величавъ образъ Екатерины, величава Россiя, созерцающая себя въ осьми моряхъ своихъ; его полководцы — орлы: словомъ, все у него величаво. Замѣтно, однакоже, что постояннымъ предметомъ его мыслей, болѣе всего его занимавшимъ, было — начертать образъ какого-то крѣпкаго мужа, закаленнаго въ дѣлѣ жизни, готоваго на битву не съ однимъ какимъ-то временемъ, но со всѣми вѣками — изобразить его такимъ, какимъ онъ долженъ былъ возникнуть, по его мнѣнiю, изъ крѣпкихъ началъ нашей русской породы, воспитавшись на непотрясаемомъ камнѣ нашей Церкви. Часто, бросивши въ сторону то лицо, которому надписана ода, онъ ставитъ на его мѣсто того же своего непреклоннаго, правдиваго мужа. Тогда глубокiя истины изглашаются у него голосомъ, который далеко выше обыкновеннаго: возвращается святое, высокое назначенiе тому, что привыкли называть мы общими мѣстами, и, какъ изъ устъ самой Церкви, внимаешь вѣчнымъ словамъ его». Гоголь въ дальнѣйшемъ изложенiи возвращается къ той же мысли о «стремленiи Державина начертать образъ непреклонннаго, твердаго мужа въ какомъ-то библейско-исполинскомъ величiи».

Въ приведенныхъ словахъ Гоголя иносказательно начертанъ «внутреннiй человѣкъ» Державина — духовный его обликъ. Показательно при этомъ, что, какъ человѣкъ вѣры, опредѣляется Державинъ тутъ эпитетомъ: «библейскiй». Въ этомъ эпитетѣ какъ бы оттѣняется ветхозавѣтность державинской религiозности. Съ полнымъ на то правомъ. Вспомнимъ оду «Богъ»: въ ней отобразился Богъ-Отецъ, какъ Онъ открытъ нашему сознанiю. Христова тепла — той личной встрѣчи человѣка съ Богочеловѣкомъ, которая составляетъ живое ядро христiанства, слѣдовъ мы не найдемъ. Найдемъ ли мы ихъ вообще, во всемъ творчествѣ Державина? Касаемся мы тутъ темы, выходящей за предѣлы оцѣнки духовнаго облика одного лишь Державинна. Найдемъ ли мы то, чего въ немъ нѣтъ, хотя бы у Ломоносова? Не случайно всѣ цитаты и отсылки къ Библiи, у Ломоносова имѣющiяся, относятся къ Завѣту Ветхому. Свойственно нашему XVIII вѣку одностороннее воспрiятiе Вѣры. Не значитъ это, чтобы догматъ Святой Троицы былъ чуждъ первенствующимъ поэтамъ вѣка. Однако, общая духовная направленность ихъ такова, что Христова тепла не ощущаемъ мы у нихъ. Нѣтъ его въ творчествѣ и Державина. Нѣтъ въ такой мѣрѣ, что, въ сущности, запечатанной книгой для

Державина является все то, что мы соединяемъ во едино, примѣнительно къ нашему отечеству, называя его «Святой Русью». Величіе преимуществуетъ и подавляетъ. Самая «народность» исчерпывается чисто бытовыми чертами, не отражая глубины народной души. Ярокъ свѣтъ жизни, сіяющій надъ Державинымъ. Къ Солнцу тянется онъ!

Только одно солнце лучами
Въ капляхъ дождя, въ долъ отразясь,
Можетъ писать сими цвѣтами
Въ мракѣ и мглѣ, вѣчно свѣтясь.
Умѣй подражать ты ему:
Лей свѣтъ въ тьму...

Вѣчной ли это, однако, жизни свѣтъ? Онъ восходитъ къ Творцу, но онъ свѣтитъ временнымъ свѣтомъ, которому противустоитъ Вѣчность — устрашающая, поглощающая все земное, но далекая и холодная. Поучительно упомянутое нами послѣднее стихотвореніе, написанное не случайно зыбкимъ, осыпающимся грифелемъ на аспидной доскѣ:

Рѣка временъ въ своемъ стремленьи
Уноситъ всѣ дѣла людей,
И топитъ въ пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрезъ звуки лиры и трубы,
То вѣчности жерломъ пожрется
И общей не уйдетъ судьбы.

Лира и труба! Какъ прекрасно символизуются этими двумя музыкальными инструментами основные элементы поэтическаго творчества Державина! Однако, пусть не такъ ужъ часто, но звучала подъ его перстами и псалтирь. Эти звуки не поглащаются «рѣкой временъ». Но вѣщаетъ ими именно «библейскій» духъ, тѣмъ подчеркивая ущербленность духовную даже высшихъ, поистинѣ грандіозныхъ, проявленій Русской культуры XVIII в.

Коснемся, въ заключеніе изобразительныхъ средствъ Державина. О силѣ ихъ можно судить по одному эпизоду ихъ жизни большого поэта поколѣнія младшаго — К. Батюшкова. Въ деревенской глуши читаетъ онъ описаніе потемкинскаго праздника въ Таврическомъ дворцѣ. «Тишина, безмолвіе ночи, сильное утомленіе мыслей, пораженное воображеніе — все это произвело чудесное дѣйствіе. Я вдругъ увидѣлъ передъ собою людей, свѣчи, апельсины, бриллiанты, Царицу, Потемкина, рыбъ и Богъ знаетъ

чего не увидѣлъ: такъ былъ пораженъ мною прочитаннымъ. Внѣ себя побѣжалъ къ сестрѣ... — Что съ тобою? — «Они, она?» — Перекрестись, голубчикъ! — ...Тутъ-то я насилу опомнился». Учтемъ повышенную впечатлительность Батюшкова, но отдадимъ должное и дѣйствію изобразительныхъ средствъ поэтическаго генія Державина. Современное литературовѣдѣніе открываетъ въ творчествѣ Державина чуть не все богатство тончайшихъ пріемовъ всей позднѣйшей изощреннѣйшей версификаціи, явившихся плодомъ коллективнаго генія ряда поэтовъ. У Державина все это было, пусть въ зародышѣ, но не какъ пріобрѣтеніе «культуры», а какъ даръ вдохновенія, которое, какъ писалъ онъ къ концу своихъ дней, есть истинная «душа» лирической поэзіи: «все, все и самое сладкогласіе отъ нея происходитъ». Изумительны картины, раждаемыя державинскимъ вдохновеніемъ. Приведемъ отрывокъ изъ оды на взятіе Измаила:

Идутъ въ молчаніи глубокомъ,
Во мрачной, страшной тишинѣ,
Собой пренебрегая, рокомъ;
Зарница только въ вышинѣ
По ихъ оружію играетъ,
И только ихъ душа сіяетъ,
Когда на бой, на смерть идетъ.
Ужъ блещутъ молніи крылами,
Ужъ осыпаются громами;
Они молчатъ, — идутъ впередъ...

Многоразлично поэтическое творчество Державина, и не всегда, далеко не всегда ввысь оно обращено. Даже когда оно обращено ввысь, далеко не все многообразіе, вся полнота, вся высота, вся теплота духовнаго опыта отражается въ немъ. И все же могъ сказать Державинъ, не погрѣшая противъ истины, что «огонь небесный» присущъ его вдохновенію. Лучшій біографъ Державина, Я. Гротъ ,могъ сказать, съ полнымъ на то правомъ: «Пока идеи Бога, безсмертія души, правды, закона и долга будутъ жить не пустыми звуками на языкѣ русскаго народа, до тѣхъ поръ имя Державина, какъ общественнаго дѣятеля и поэта, не утратитъ въ потомствѣ своего значенія». А къ высшимъ проявленіямъ его генія могутъ быть отнесены его собственныя слова: «Величіе, блескъ и слава міра сего преходятъ; но правда, гремящая въ псалмопѣніяхъ славословія Всевышнему, пребываетъ и пребудетъ во вѣки».

XIV. Второстепенные писатели. И. И. Хемницеръ, В. В. Капнистъ, М. М. Херасковъ, И. Ѳ. Богдановичъ, Я. Б. Княжнинъ, И. И. Дмитріевъ, Е. И. Костровъ и В. П. Петровъ. Н. А. Львовъ, М. Д. Чулковъ, Н. Г. Киргановъ, В. И. Лукинъ и А. О. Облесимовъ. В. А. Озеровъ, кн. М. М. Щербатовъ, И. Н. Болтинъ, А. Т. Болотовъ, кн. Дашкова, Храповицкій, Грибовскій, С. А. Порошинъ, кн. Н. Б. Долгорукова, П. И. Челищевъ.

Хемницеръ, Иванъ Ивановичъ (1745-1784 г.).

Слово «хемницеръ» значитъ — выходецъ изъ Хемница, уроженецъ Хемница. Такова была фамилія одного пріѣхавшаго изъ Германіи лекаря, служившаго по военному вѣдомству. Къ той же профессіи готовили и сына, но тотъ ушелъ изъ дому, — въ солдаты. Дослужился онъ до офицерскаго чина, потомъ перешелъ на службу по горному вѣдомству — неизмѣнно бѣдствуя до самыхъ послѣднихъ лѣтъ своей короткой жизни, когда по связямъ своихъ литературныхъ друзей, неожиданно попалъ онъ на относительно очень высокое мѣсто: русскимъ консуломъ въ Смирну! Тамъ скончавшись, онъ упокоился въ Россіи, въ Николаевѣ. Надъ могилой — надпись, имъ самимъ сочиненная:

Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился,
И умеръ голъ, какъ голъ родился.

Можно было бы отнести къ Хемницеру и другіе его стихи изъ басни «Гадатель» —

Не много жизнь твоя добра предвозвѣщаетъ,
Ты — къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
— Ты честенъ, другъ, да ты же и уменъ.

Моральный обликъ Хемницера необыкновенно привлекателенъ, оправдывая отзывъ о немъ Державина: «Се истинный Израиль, въ немъ же льсти нѣтъ». Скроменъ былъ онъ до трогательности. Если его басни увидѣли свѣтъ, то только по настоянію друзей, и то безъ его имени. А между тѣмъ это былъ подлинный вкладъ въ русскую литературу. Одна изъ его басенъ извѣстна и сейчасъ каждому сколько нибудь образованному человѣку — «Метафизикъ». Изображается посланный за границу учиться тупица, вынесшійй изъ своего ученія высокомѣрную склонность обо всемъ разсуждать, въ поискахъ начала всѣхъ началъ. Возносясь за облака, падаетъ онъ въ яму. Отецъ бросаетъ ему веревку, а сынъ начинаетъ пространно разсуждать о томъ «вервіи», которое ему кинулъ отецъ, пока тотъ, наскучивъ, не бросаетъ съ нимъ возиться, оставивъ его разсуждать въ ямѣ. Мораль подводится авторомъ такая:

Что, если бы вралей и остальныхъ собрать,
И въ яму къ этому товарищу послать?..

Да яма надобна большая!

Можно поражаться тому, какъ русскій въ первомъ поколѣніи смогъ оказаться предшественникомъ Крылова, давшимъ дѣйствительно впервые въ Россіи истинно народную басню. Замѣчателенъ въ ней языкъ, отточенно-ясно содержаніе, живо изложеніе, съ блестками истинной народности, и неизмѣнна моральная сила. Пушкинъ могъ сказать о Хемницерѣ, что онъ «истину съ улыбкой говорилъ».

Капнистъ, Василій Васильевичъ (1757-1824).

Близкій другъ и по женѣ свойственникъ Хемницера, Капнистъ, былъ потомкомъ выходца изъ Италіи (при Петрѣ) Капнисси. Полтавскій помѣщикъ, онъ достигъ утонченной образованности и выдѣлялся, къ тому же, высокой нравственностію. Знаменитость онъ пріобрѣлъ комедіей «Ябеда», въ которой высмѣялъ бытовое русское неправосудіе — язву давнюю, отъ которой и самъ Капнистъ достаточно настрадался.

Увидѣла свѣтъ комедія только при Павлѣ, встрѣченная восторженно, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, вызвавшая и ожесточенную вражду осмѣянныхъ. Наговорили о комедіи Павлу (ему и посвящена была комедія). Онъ захотѣлъ съ ней познакомиться, давъ уже, было, распоряженіе о высылкѣ автора. Приказано было немедленно сыграть пьесу въ Эрмитажѣ. Единственными зрителями были Павелъ и Александръ. Послѣ перваго же акта Павелъ пришелъ въ восторгъ. О высылкѣ не стало и рѣчи. Другой эпизодъ не менѣе характеренъ. Играли въ провинціи «Ябеду». По ходу пьесы прокуроръ Хватайко, по просьбѣ предсѣдателя гражданской палаты Кривосудова, поетъ:

Бери, большой тутъ нѣтъ науки;
Бери, что только можно брать...
На что жъ привѣшены намъ руки,
Какъ не на то, чтобъ брать.

Хоръ подхватываетъ: «брать, брать, брать...» Публика дружно начала аплодировать одному изъ присутствовавшихъ чиновниковъ. Эти стишки стали такъ популярны, что ихъ черезъ нѣсколько десятилѣтій приводилъ въ своей знаменитой пьесѣ «Доходное мѣсто» Островскій, какъ всѣмъ извѣстные.

Писательство не было призваніемъ Капниста, онъ баловался перомъ на досугѣ въ своей Обуховкѣ, а самъ свое писаніе оцѣнивалъ такъ:

Капниста я прочелъ и сердцемъ сокрушился
Зачѣмъ читать учился...

Сравнивая звуки Державина со звуками органа церковнаго, Гоголь писалъ, что изъ подъ сводовъ храма читатель попадаетъ

въ атмосферу бала: такова была эпоха, такова была общая настроенность. «Отъ одного только Капниста, продолжаетъ Гоголь, послышался ароматъ истинно-душевнаго чувства и какая то особенная антологическая прелесть, дотолѣ незнакомая». Вотъ его «Деревенскій домикъ въ Обуховкѣ»:

Пріютный домъ мой подъ соломой,
По мнѣ ни низокъ, ни высокъ;
Для дружбы есть въ немъ уголокъ.
А къ двери, нищему знакомой,
Забыла лѣнь прибить замокъ.

Здѣсь, утѣшаясь углубленнымъ изученіемъ классической древности, и кончилъ Капнистъ свои дни.

Херасковъ, Михаилъ Матвѣевичъ (1733-1807).

Потомокъ валашскихъ бояръ Хераско, большой баринъ, меценатъ, кураторъ (т. е. попечитель) Московскаго Университета, Херасковъ оставилъ громадное литературное наслѣдіе, всецѣло забытое. При жизни, однако, имѣлъ онъ успѣхъ громадный и въ исторіи русской литературы занимаетъ мѣсто видное, какъ творецъ русской «эпопеи», способной быть поставленной въ рядъ съ однородными твореніями Запада. Эпоха требовала восторженныхъ, монументальныхъ, грандіозныхъ поэмъ, — ложно-классическихъ. Образцомъ тутъ служили для Италіи «Освобожденный Іерусалимъ» Торквато Тассо, для Португаліи «Луизіада» Камоэнса, для Англіи «Потерянный рай» Мильтона, для Германіи «Мессіада» Клопштока, для Франціи «Генріада» Вольтера. Все это было подражаніемъ Иліадѣ и Одиссеѣ Гомера и Энеидѣ Виргилія. Подобную поэму и сочинилъ Херасковъ, воспѣвъ взятіе Казани Грознымъ въ своей «Россіадѣ». Она начиналась такъ:

«Пою отъ варваровъ Россію свобожденну,
Попранну власть татаръ и гордость низложенну,
Движенье древнихъ силъ, труды, кроваву брань,
Россіи торжество, разрушенну Казань».

Стихи текутъ, объединенные въ 12 пѣсенъ, плавно нагромождая картину на картину, факты на факты, въ искуственно-приподнятомъ тонѣ, на искусственно-возвышенномъ языкѣ, съ искусственнымъ употребленіемъ фразеологіи христіанской въ перемѣшку съ миѳологіей языческой — «древный треухъ на Виргилія надѣтъ ломоносовскимъ покроемъ», по мѣткому выраженію Радищева. И нѣтъ лучшей иллюстраціи всей искусственности воспріятія нашего отечественнаго прошлаго «образованнымъ» человѣкомъ XVIII вѣка, какъ эта, возвеличенная современниками, «Россіада». Не находили словъ лучшіе представители русской литературы для восхваленія «безсмертной Россіады». Для разбора кри-

тическаго не находили силъ, утопая въ «безотчетномъ удивленіи и похвалахъ восторга»... Еще одну поэму написалъ Херасковъ: «Владиміръ». Художественная лживость ея была усугублена во сто кратъ внесеніемъ въ нее становящейся автору съ годами все болѣе близкой масонской идеологіи, открыто, какъ нравоучительное назиданіе, проведенной въ этомъ твореніи. Написалъ еще много чего въ разныхъ жанрахъ Херасковъ. Если что осталось жить, то только слова гимна «Коль славенъ», распѣваемаго до сихъ поръ. «Россіада» увяла уже въ ближайшихъ поколѣніяхъ. Жуковскій писалъ о Херасковѣ: «Въ свое время онъ почитался россійскимъ Гомеромъ; теперь онъ забытъ». Нравственный обликъ Хераскова былъ привлекателенъ: его любовь къ литературѣ и къ литераторамъ была безкорыстна и проявлялась широко.

Богдановичъ, Ипполитъ Θеодоровичъ (1743-1803).

Богдановичъ, Ипполитъ Θеодоровичъ, уроженецъ Малороссіи. Мальчикомъ привезенный въ Москву, онъ пригрѣтъ былъ Херасковымъ, который и вывелъ его въ люди. Личность его характеризуетъ слѣдующій случай, оглашенный М. П. Погодинымъ: узнавъ, что крѣпостной человѣкъ его хочетъ бѣжать отъ него, укравъ деньги, онъ, ласково поговоривъ съ нимъ, предложилъ ему отпускную. Тотъ упалъ въ ноги и на всю жизнь остался у своего барина, который держалъ отпускную въ опредѣленномъ мѣстѣ, готовый въ любой моментъ дать ее своему слугѣ. Богдановичъ писалъ много, но извѣстность широкую и прочную получилъ онъ, какъ авторъ поэмы «Душенька» (русскій переводъ слова «Психея), въ легкихъ шутливыхъ стихахъ переносившей древній миθологическій сюжетъ на русскую почву. Богдановичъ хорошо зналъ и любилъ русскій народный сказъ, и это помогло ему создать произведеніе, на которомъ отдыхалъ русскій читатель послѣ тяжеловѣсной псевдо-классической литературы,, тогда господствовавшей. Популярность поэмы была огромна. О литературномъ значеніи ея можно судить по утвержденію С. Шевырева: «Въ «Душенькѣ» Богдановича — зародышъ Свѣтланы Жуковскаго, Людмилы и Татьяны Пушкина». Въ бытовой языкъ вошло выраженіе: «Во всѣхъ ты, душенька, нарядахъ хороша».

Княжнинъ, Яковъ Борисовичъ (1742-1791).

Я. Б. Княжнинъ разсматривался современниками, какъ преемникъ Сумарокова, на дочери котораго былъ женатъ. Онъ, дѣйствительно, подражалъ ему, будучи, однако, по характеру полной ему противуположностію: несмотря на огромный успѣхъ своихъ трагедій, онъ сохранялъ скромность, отвѣчавшую вполнѣ и достоинству его дарованій, чисто подражательныхъ («переимчивымъ» на-

звалъ его Пушкинъ). Домъ его былъ мѣстомъ встрѣчи писателей, особенно молодыхъ, находившихъ теплый пріемъ. Положеніе Княжнинъ занималъ видное, какъ сотрудникъ Бецкаго въ его педагогической дѣятельности. Писалъ онъ и комедіи, въ литературномъ отношеніи превосходящія гремѣвшія трагедіи его, но успѣхомъ не пользовавшіяся. Трагична судьба его трагедіи «Вадимъ», въ которой можно было найти идеи республиканскія. Екатерина считала себя выше того, чтобы обращать вниманіе на такія вольности: по поводу одной пьесы Николева по однородному поводу она сказала — «авторъ возстаетъ противъ самовластія тирановъ, а Екатерину вы называете матерью». Но «Вадимъ» появился въ печати въ разгаръ французской революціи — пьесу конфисковали и сожгли. Возникло преданіе будто пострадалъ, чуть ли не замученный, и авторъ (преданію вѣрилъ Пушкинъ), тогда какъ онъ уже два года лежалъ въ могилѣ.

Дмитріевъ, Иванъ Ивановичъ (1760-1837).

И. И. Дмитріевъ — видный сановникъ, свое литературное мѣсто нашедшій въ станѣ Державина и Шишкова. Смолоду онъ былъ близокъ Карамзину и даже ставимъ былъ рядомъ съ нимъ, какъ давшій поэзіи ту живость, которую прозѣ далъ Карамзинъ. По свойству своего нрава, благороднаго и благонамѣреннаго, онъ былъ для всѣхъ пріемлемъ и неизмѣнно оставался видной фигурой литературнаго міра. Извѣстна его автобіографія «Взглядъ на мою жизнь», гдѣ онъ очень трезво и скромно оцѣниваетъ свои литературныя достиженія. Знаменитость пріобрѣла его сатира «Чужой толкъ» (1794), направленная противъ модныхъ высокопарно-хвалебныхъ одъ. Ея начальныя слова вошли въ общее употребленіе:

Что за диковина? Лѣтъ двадцать ужъ прошло,
Какъ мы, напрягши умъ, наморщивши чело,
Со всеусердіемъ все оды пишемъ, пишемъ,
А ни себѣ ни имъ похвалъ нигдѣ не слышимъ!

Успѣхъ имѣли особый его басни, занявшія свое мѣсто въ этомъ жанрѣ литературы. Широко вошли въ жизнь нѣкоторыя пѣсенки, составленныя имъ въ народномъ стилѣ («Стонетъ сизый голубочекъ»).

Вяземскій остроумно замѣтилъ, противупоставляя Записки Державина и Дмитріева, что первый писалъ ихъ въ халатѣ, а второй во фракѣ: этотъ образъ рисуетъ намъ благонамѣренно-подтянутый стиль Дмитріева вообще.

Имена двухъ одописцевъ могутъ быть поставлены рядомъ: **Е. И. Кострова** (ум. 1796 г.) и **В. П. Петрова** (ум. 1800 г). Первый, изъ вятскихъ крестьянъ, получилъ образованіе въ семинаріи, ду-

ховной академіи и московскомъ университетѣ. Второй — воспитанникъ и учитель московской духовной академіи. Петрова юный Пушкинъ называлъ рядомъ съ Державинымъ. Теперь онъ забытъ совершенно. Костровъ былъ, повидимому, фигурой яркой. Замѣчательно мѣтко его обращеніе къ Державину, послѣ появленія «Фелицы»: «Путь не протоптанный и новый ты обрѣлъ... Ты на гудкѣ гудѣлъ и вмѣстѣ важно пѣлъ». Близокъ онъ былъ Суворову, котораго привѣтствовалъ такъ:

Герой нашъ мало спитъ.
Исполненъ къ отчеству любви и къ Богу вѣры,
Онъ скоръ, неутомимъ, предчувствуетъ, предзритъ,
Спокойно зиждетъ все, сообразуетъ мѣры,
Любимъ подвластными, какъ попечитель нуждъ,
Труды являетъ имъ какъ нѣкія забавы,
Корысти подлой чуждъ,
Ревнитель россамъ славы.

Суворовъ съ своей стороны очень почиталъ переводъ Костровымъ Иліады, а съ переводомъ его Оссіана — не разставался. Поэмы Оссіана, повидимому, вообще много говорили русскому сердцу въ тѣ времена — особенно военному. Герой 12 года Кутайсовъ, въ ночь передъ сраженіемъ, когда онъ погибъ (подъ Вязьмой), при одной свѣчкѣ читалъ своему другу пѣснь погибшаго въ молодости на войнѣ британскаго героя Картона — въ переводѣ Кострова. О душевномъ мірѣ Кострова представленіе можетъ дать его собственный разсказъ о томъ, какъ онъ, въ бѣлой горячкѣ, видѣлъ бѣсовъ и, отрекаясь отъ безумнаго Вольтера, защищаемъ былъ отъ нихъ ангелами.

Львовъ, Николай Александровичъ (1751-1803).

Н. А. Львовъ долженъ быть отмѣченъ какъ энтузіастъ народности. Близкій Державину (женаты на родныхъ сестрахъ), Львовъ былъ душой интимнаго кружка около него, въ который входили еще Капнистъ и Хемницеръ (посмертное изданіе басенъ послѣдняго носитъ слѣды поправки его друзей). Широко образованный и очень одаренный, Львовъ одинъ изъ первыхъ оцѣнилъ по достоинству русское народное пѣніе. Имъ, совмѣстно съ Прачемъ, составлено было «Собраніе народныхъ пѣсенъ». Издавая ихъ, Львовъ подчеркивалъ подлинность всего предлагаемаго — безъ всякихъ поправокъ, какъ бы странной иногда ни казалась мелодія. Изъ знакомства съ народнымъ пѣснотворчествомъ вынесъ онъ увѣренность, что стихосложеніе россійское должно слѣдовать образцамъ пѣсни, не будучи связываемо никакими формами, свойственными тоническому стихосложенію европейскому. Львовъ шелъ дальше того, что ввели у насъ Ломоносовъ и Тредьяковскій

(у послѣдняго только мелькала мысль о пріятіи народнаго стихосложенія). Львовъ такъ обращался къ нашимъ поэтамъ:

Знать низка для васъ богатырска рѣчь,
И невмѣстно вамъ слово русское?
На хореяхъ вы подмостилися,
Безъ екзаметра, какъ босой ногой,
Вамъ своей стопой больно выступить.

Самъ онъ написалъ народническую поэму «Добрыня, богатырская пѣснь». Свое мѣсто въ окружающей его средѣ, занятой чужеродными развлеченіями, онъ рисовалъ такъ:

Я прижалъ къ сердцу землю русскую,
И пашу ее припѣваючи.
Позовутъ меня — я откликнуся,
Оглянусь, но ... незнакомъ никто
Ни одеждею, ни поступками...

*
**

Если для Н. А. Львова характерна была сентиментальная влюбленность въ народность и желаніе къ ней приблизиться, то возникла одновременно и другая тенденція: найти доступъ къ широкому читателю, давъ ему занимательное и легкое чтеніе, доходчивое по признаку использованія мотивовъ ходячихъ, но завѣдомо фальсифицирующее и опошляющее свой предметъ. Тутъ на первое мѣсто надо поставить Михаила Дмитріевича ЧУЛКОВА, перемѣнившаго рядъ профессій, бывшаго и на государственной службѣ, но призваніемъ своимъ считавшаго литераторство дурного тона. Смѣшливую занимательность стремился онъ придать и той популяризаціи народнаго творчества, которая дала ему прочное имя. Издалъ онъ рядъ сборниковъ народныхъ сказокъ, словарь суевѣрій, а также и собраніе народныхъ пѣсенъ. Рядомъ съ нимъ надо назвать М. Попова, въ томъ же направленіи работавшаго. Отношеніе ихъ къ фольклору характеризуетъ слѣдующее заявленіе Попова: не только онъ исправлялъ «разногласіе и мѣру», но «переставлялъ оные съ одного мѣста на другое» для понятливости и естественности. Все же извѣстную цѣнность имѣютъ и эти первыя попытки записи фольклора.

Въ области популярнаго чтенія совершенно особое мѣсто занимаетъ обширный сборникъ Николая Гавриловича Курганова (1726-1796), образованнаго педагога-математика, опубликовавшаго въ 1777 г. цѣлую энциклопедію подъ наименованіемъ: «Письмовникъ, содержащій въ себѣ науку россійскаго языка, со многимъ присовокупленіемъ разнаго учебнаго и полезно-забавнаго вещесловія». Это сочиненіе пріобрѣло широчайшій кругъ читателей и, выдержавъ множество изданій, было ходячимъ еще первыя десятилѣтія XIX в.

Попытку «склонять на русскіе нравы» и приблизить къ зрителю драматическія произведенія сдѣлалъ В. И. Лукинъ (1737-

1794), по характеру похожій на Сумарокова, а по дарованіямъ на Тредьяковскаго. Счастливѣе его въ области оперы оказался А. О. Аблесимовъ (1742-1783), чья комическая опера — едва ли не первое русское оригинальное произведеніе въ этомъ родѣ — «Мельникъ колдунъ, обманщикъ и сватъ» имѣла шумный и прочный успѣхъ.

На границѣ XIX в. быстротечный шумный успѣхъ посѣтилъ драмы В. А. Озерова (1769-1816), внесшаго привлекательную чувствительность въ риторику моднаго ложно-классицизма.

Два имени должны быть названы, съ которыми связанъ начальный періодъ изученія Русской исторіи: кн. Михаила Михайловича Щербатова и Ивана Никитича Болтина.

Кн. Мих. Мих. Щербатовъ (1733-1790) заслужилъ благодарную память потомства прежде всего, какъ историкъ, авторъ «Исторіи Россійской», доведенной до царя Михаила Θеодоровича, а равно какъ издатель драгоцѣнныхъ историческихъ памятниковъ. Извѣстность же наибольшую получилъ онъ, какъ публицистъ, авторъ яркаго обличительнаго памфлета «О поврежденіи нравовъ въ Россіи». Является онъ авторомъ и первой на русскомъ языкѣ «утопіи», то есть описанія несуществующей земли. Въ такой прикрытой формѣ, въ подражаніе Томасу Мору, стали въ европейской литературѣ привычно выражать свои пожеланія объ усовершенствованіи жизни. Вотъ и кн. Щербатовъ свои мысли объ устроеніи общества изложилъ въ «Путешествіи въ землю Офирскую». Въ своихъ публицистическихъ писаніяхъ Щербатовъ являетъ себя строгимъ моралистомъ — безпощаденъ онъ къ вѣку Екатерины, ему современному. Горюетъ онъ объ излишнемъ ригоризмѣ петровскихъ реформъ, въ своей крутости поколебавшихъ вѣковые устои русской жизни — безъ замѣны ихъ другими. Въ этомъ послѣднемъ заданіи весь паθосъ идеологіи кн. Щербатова: онъ отнюдь не поклонникъ нашей старины. Онъ аристократъ западническаго толка — явленіе новое въ нашей общественности — пекущійся лишь о томъ, чтобы соотвѣтствующій «прогрессъ» совершался въ должной постепенности. Человѣкъ высокой культуры, онъ всецѣло порожденіе XVIII в., во всей его духовной ограниченности.

Иванъ Никитичъ Болтинъ (1735-1792), оказалъ неоцѣнимыя заслуги отечествознанію обнародованіемъ, въ сотрудничествѣ съ близкимъ ему гр. А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ, древнихъ памятниковъ. Широкую же извѣстность пріобрѣлъ онъ опубликованіемъ двухъ огромныхъ томовъ «Примѣчаній» къ исторіи Россіи на французскомъ языкѣ Леклерка — произведенію невѣжественнаго иностранца, на протяженіи шести томовъ злословившаго древнюю и новую Россію. Съ глубокимъ знаніемъ дѣла изобличалъ Болтинъ невѣжество и пристрастность Леклерка. Принадле-

жатъ перу Болтина «Примѣчанія» и на исторію Россіи щербатовскую, гдѣ онъ опять обнаружилъ всю глубину своего историческаго знанія. Соловьевъ считаетъ Болтина первымъ русскимъ историкомъ, у кого можно прослѣдить одинъ общій взглядъ на ходъ исторіи. Онъ проникнутъ сознаніемъ самобытности Россіи и уваженіемъ къ ея вѣрѣ и къ сложившимся въ ней порядкамъ. По своему міровоззрѣнію Болтинъ является продолжателемъ Татищева и Посошкова.

XVIII вѣкъ много далъ образцовъ мемуарной литературы. На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены примѣчательныя записки А. Т. Болотова (1738-1833), обнимающія большой періодъ времени и отражающія средній укладъ русскаго быта и русскаго общества. Дворцовую по преимуществу жизнь отражаютъ многочисленныя воспоминанія лицъ, къ ней близкихъ: кн. Дашковой, статсъ-секретаря Екатерины Храповицкаго, секретаря ея Грибовскаго, и, конечно, самой Екатерины. Извѣстны уже намъ записки Державина, яркія и сильныя, порою пристрастныя въ смыслѣ оцѣнокъ, но фактически замѣчательно правдивыя. Особое мѣсто занимаютъ записки С. А. Порошина (1741-1769), воспитателя Вел. кн. Павла Петровича. Здѣсь сосредоточенъ обстоятельный матеріалъ, центромъ имѣющій юнаго царевича и его окруженіе, на протяженіи четырехъ лѣтъ. Воспитаннику шелъ десятый годъ, воспитателю 23-ій, когда Порошинъ былъ приглашенъ къ Павлу «кавалеромъ». Онъ преподавалъ ему военную исторію, всякія науки, Русскую исторію и географію. Фактически шире былъ кругъ знятій, и молодой воспитатель, дѣйствительно, всю душу вкладывалъ въ дѣло истиннаго просвѣщенія юнаго Павла. Нужно поражаться и высотѣ культурнаго уровня молодого педагога и изумительно-ранней зрѣлости воспитанника. Приходится постоянно вспоминать о годахъ обоихъ, чтобы оцѣнить по достоинству личность ихъ. Порошинъ отнюдь не былъ сыномъ своего вѣка: разносторонняя образованность не упразднила его крѣпкой укорененности въ многовѣковомъ массивѣ русской жизни, и онъ именно въ этомъ направленіи благодѣтельное воздѣйствіе оказывалъ на Павла. Совсѣмъ особое мѣсто занимаютъ «Памятныя записки кн. Натальи Борисовны Долгоруковой» (1714-1771), (вдохновившія поэта Козлова на написаніе замѣчательной поэмы «Наталья Долгорукая»), — лѣтопись исполненной скорбей жизни юной представительницы рода Шереметевыхъ, сочетавшейся бракомъ съ юнымъ представителемъ другого знатнѣйшаго рода, уже стоявшимъ у самаго престола — и тутъ же низвергнутой въ самыя низины лишеній, притѣсненій, оскорбленій, принесенныхъ опалой и ссылкой. Разлученная съ мужемъ, молодая женщина осталась ему вѣрна, переживъ на много десятилѣтій его казнь и кончивъ свои дни монахиней, въ Кіевѣ, будучи пострижена подъ

именемъ Нектаріи. Упомянуть надо и одно этнографическое и географическое описаніе нашего сѣвера, содержащееся въ «Дневникѣ» за 1791 г. П. И. Челищева, получившее гласность лишь черезъ сто лѣтъ по написаніи. Авторъ, современникъ Радищева и его товарищу по Лейпцигскому университету, написалъ свой трудъ подъ наименованіемъ «Путешествіе по Сѣверу Россіи въ 1791», близкимъ къ наименованію знаменитаго радищевскаго сочиненія и въ одинъ годъ съ нимъ. Челищевскій трудъ содержитъ нѣкоторыя тирады нравоучительныя въ стилѣ своего вѣка, но по духу является не только благонамѣреннымъ, но и проникнутымъ уваженіемъ къ Церкви, что сказалось въ томъ благоговѣйномъ вниманіи къ церквамъ и монастырямъ края, которое дѣлаетъ «Дневникъ» Челищева особенно цѣннымъ.

XV.

Александръ Николаевичъ Радищевъ, Начальный періодъ его жизни. Ученіе заграницей. «Житіе» Ушакова. Служба въ Россіи. «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву». Въ чемъ «динамитный» характеръ этой книги. Ссылка. Возвращеніе изъ нея. Литературные труды. Конецъ жизни. Судьба «Путешествія». Общая оцѣнка.

Дитя и жертва своего времени, Радищевъ, при всѣхъ своихъ дарованіяхъ и добрыхъ задаткахъ, вошелъ, и въ русскую жизнь, и въ русскую литературу, какъ явленіе зловѣщее и губительное. Пагубное вліяніе его связано съ произведеніемъ его «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», десятки лѣтъ остававшимся подъ строжайшимъ запретомъ и только послѣ первой революціи (1905-6 гг.) ставшимъ достояніемъ широкой публики. Врагами Россіи оно нынѣ особенно демонстративно прославлено, и это съ достаточнымъ основаніемъ, ибо тюрьма, въ которую заключена въ настоящее время Россія, числитъ это сочиненіе въ составѣ краеугольныхъ своихъ камней.

Отпрыскъ состоятельной помѣщичьей семьи, Радищевъ, по окончаніи пажескаго корпуса, отправленъ былъ заграницу учиться въ составѣ цѣлой группы благородныхъ русскихъ юношей. Въ составѣ группы былъ одинъ, старшій по возрасту и выдающійся по силѣ духа, мятущагося и пламеннаго — нѣкое раннее подобіе Бѣлинскаго. Онъ кончилъ свои младые дни на чужбинѣ, глубокое впечатлѣніе произведя своимъ обликомъ на товарищей. Преклоненіе предъ этимъ «учителемъ юности», Ф. В. Ушаковымъ, было таково, что жизнеописаніе его, составленное Радищевымъ, названо имъ «Житіемъ». Духъ эпохи жилъ въ Ушаковѣ, какъ онъ жилъ и въ авторѣ «Житія» — поднятый, однако, на высоты якобы

осуществляемаго подвига. Мечтательное правдолюбіе, пламенно-непримиримое, воспаленное, готовое на жертвы и возбуждаемое къ нимъ повышенной впечатлительностью, это основное свойство натуры Радищева обнаружило себя и въ начатой имъ въ Россіи служебной карьерѣ, не препятствуя ей, однако. Она оказалась пресѣченной лишь обнародованіемъ «Путешествія изъ Петербурга въ Москву», которое Радищевъ напечаталъ въ собственной типографіи и выпустилъ, получивъ на то формальное разрѣшеніе «управы благочинія», рукописи, надо думать, и не прочитавшей.

Обычно называютъ два сочиненія, какъ образцы, подражаніемъ коимъ явилась эта книга: «Сантиментальное путешествіе» англичанина Стерна, и «Исторія обѣихъ Индій» француза Рэйналя. Пусть форма была заимствована — содержаніе книги вполнѣ самостоятельно.

Книга попала на глаза Императрицы. То было время, когда она испытала испугъ передъ только-что раскрывшимися ужасами Французской Революціи (1790 г.). Книга была конфискована, немедленно опознанный авторъ арестованъ (книга выпущена была безъ имени автора) и преданъ суду. Въ оборотъ успѣло попасть всего лишь нѣсколько десятковъ экземпляровъ — книга была воспринята Государыней, какъ нѣчто въ высокой степени опасное. Объ общей настроенности книги можемъ судить по первымъ ея строкамъ — посвященія.

«Я взглянулъ окрестъ меня — душа моя страданіями человѣчества уязвлена стала. Обратилъ взоры мои во внутренность мою — и узрѣлъ, что бѣдствія человѣка происходитъ отъ человѣка, и часто отъ того только, что онъ взираетъ не прямо на окружающіе его предметы. Ужели, вѣщалъ я самъ себѣ, природа толико скупа была къ своимъ чадамъ, что отъ блудящаго невинно сокрыла истину на вѣки. Ужели сія грозная мачеха произвела насъ для того, чтобы чувствовали мы бѣдствія, а блаженство николи? Разумъ мой вострепеталъ отъ сей мысли и сердце далеко ее отъ себя оттолкнуло. Я человѣку нашелъ утѣшителя въ немъ самомъ. «Отъими завѣсу съ очей природнаго чувствованія — и блаженъ буди». Сей гласъ природы раздавался громко въ сложеніи моемъ. Воспрянулъ я отъ унынія моего, въ которое повергла меня чувствительность и состраданіе; я ощутилъ въ себѣ довольно силъ, чтобы противиться заблужденію; и — веселіе неизреченное! Я почувствовалъ, что возможно всякому соучастникомъ быть въ благодѣйствіи себѣ подобнымъ. Се мысль, побудившая меня начертать, что читать будешь».

Динамитный характеръ книги раскрывается уже въ этихъ словахъ — ораторски приподнятыхъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, исполненныхъ нарочитой чувствительности сердечной. «О чувствительность, о сладкое и колющее души свойство! тобою я блаженъ, то-

бою стражду!» Эти слова, сказанныя Радищевымъ въ другомъ мѣстѣ, опредѣляютъ его всего. Онъ не открытый «революціонеръ», зовущій къ ниспроверженію существующаго строя. Онъ не холодный матеріалистъ. Онъ идеалистъ чистой воды, исполненный убѣжденія въ высотѣ призванія человѣка и наслажденіе находящій въ томъ, чтобы плакать и исторгать у другихъ слезы при видѣ приниженнаго состоянія человѣка. Что мѣшаетъ установленію общаго счастія, утвержденнаго на общей вольности? Ничто! Отъ самаго человѣка зависитъ сбросить оковы, стѣсняющія его. Языкомъ яркимъ и сильнымъ рисуетъ Радищевъ наблюдаемую имъ жизнь, въ ея кричащемъ контрастѣ между вожделѣннымъ блаженствомъ, такъ легко могущимъ быть достигнутымъ, и страданіями, человѣчествомъ фактически претерпѣваемыми. Выводъ для читателя, не имѣющаго стойкаго міровоззрѣнія, раждается самъ собою. Динамитъ! Учтемъ, что исходныя мысли автора, изъ самаго воздуха эпохи имъ воспринятыя, только что были одобряемы съ высоты самого престола — и мы легко поймемъ реакцію Екатерины на появленіе этой книги. Въ очахъ же ума трезваго существо и значеніе этой книги рисуются такъ:

«Въ Радищевѣ отразилась вся французская философія его вѣка: скептицизмъ Вольтера, филантропія Руссо, политическій цинизмъ Дидрота и Рейналя, но все въ нескладномъ видѣ, какъ всѣ предметы криво отражаются въ кривомъ зеркалѣ. Онъ есть истинный представитель полупросвѣщенія. Невѣжественное презрѣніе ко всему прошедшему, слабоумное изумленіе передъ своимъ вѣкомъ, слѣпое пристрастіе къ новизнѣ, частныя поверхностныя свѣдѣнія, на обумъ принаровленныя ко всему, вотъ что мы видимъ въ Радищевѣ... Какую цѣль имѣлъ Радищевъ? Чего именно желалъ онъ? На сіи вопросы врядъ ли могъ онъ самъ отвѣчать удовлетворительно. Вліяніе его было ничтожно. Всѣ прочли его книгу и забыли ее, несмотря на то, что въ ней есть нѣсколько благонамѣренныхъ предположеній, которыя не имѣли никакой нужды быть облечены въ бранчивыя и напыщенныя выраженія и незаконно тиснуты въ станкахъ тайной типографіи, съ примѣсью пошлаго и преступнаго пустословія. Онѣ принесли бы истинную пользу, будучи представлены съ большей искренностію и благоволеніемъ; ибо нѣтъ убѣдительности въ поношеніяхъ и нѣтъ истины, гдѣ нѣтъ любви».

Такъ писалъ Пушкинъ.

Ничтожнымъ признавалъ Пушкинъ вліяніе книги Радищева. Оно, дѣйствительно, было тогда таковымъ, но по той лишь простой причинѣ, что книга стала извѣстна очень малому кругу людей. Вредоносная заряженность ея тѣмъ же Пушкинымъ была формулирована такъ: «сатирическое воззваніе къ возмущенію». Екатерина выразилась еще рѣзче о Радищевѣ: «бунтовщикъ хуже Пу-

гачева». Если мы вспомнимъ предсказаніе французскаго католическаго писателя, знавшаго Россію, ибо въ ней жившаго на положеніи дипломата не одинъ годъ, знаменитаго Жозефа де Местра, что Россію погубитъ Пугачевъ изъ университета, то мы, можетъ быть, лучше всего оцѣнимъ объективную разрушительность радищевскаго «Путешествія» — независимо отъ того, какъ смягчаема была дѣйственность этой силы внѣшними обстоятельствами. Чтобы уяснить себѣ масштабъ этой разрушительной силы, приведемъ нѣсколько цитатъ.

Право возстанія: «Если человѣкъ не въ силахъ заступить человѣка, или того не хочетъ, или власть его не можетъ мгновенное въ предстоящей бѣдѣ дать вспомоществованіе, тогда пользуется гражданинъ природнымъ правомъ защищенія сохранности благосостоянія».

Оправданіе и возвеличеніе ереси, какъ свѣта, противуполагаемаго «тьмѣ» Церкви: «Кто можетъ за то поручиться, что Несторій, Арій, Евтихій и другіе еретики быть бы могли предшественники Лутера, и если бы вселенскіе соборы не были созваны, чтобы Декартъ родиться могъ десять столѣтій раньше? Какой шагъ вспять сдѣланъ ко тьмѣ и невѣжеству?»

Оправданіе самоубійства и самоутвержденіе въ злѣ: «Если ненавистное щастіе истощитъ надъ тобою стрѣлы свои, если добродѣтели твоей убѣжища на земли не останется, если доведенну до крайности, не будетъ покрова отъ угнетенія, тогда вспомни, что ты человѣкъ, воспомяни величество твое, восхити вѣнецъ блаженства, его же отъяти у тебя тщатся. — Умри! — Въ наслѣдіе вамъ оставляю слова умирающаго Катона. Но если въ добродѣтели умрети возможешь, умѣй и въ порокѣ умереть, и будь, такъ сказать, добродѣтеленъ въ самомъ злѣ».

И тутъ же «благонамѣренныя» мысли, тутъ же искренное сочувствіе человѣческому горю, тутъ же цѣлое море «чувствительности», изливаемое на читателя, тутъ же подкупающій своей пламенностью паѳосъ свободы... О силѣ воздѣйствія пера Радищева даже на самые трезвые умы, можетъ дать понятіе то обстоятельство, что самъ Пушкинъ, въ черновикѣ своего «Памятника», на чемъ утверждаетъ свою славу? — «Что вслѣдъ Радищеву возславилъ я свободу...»

Надо ли удивляться, что авторъ «Путешествія» оказался въ Сибири, въ отдаленнѣйшемъ Илимскомъ острогѣ, въ кандалахъ. Не надо только въ слишкомъ мрачныхъ краскахъ рисовать въ дальнѣйшемъ эту ссылку. Радищевъ получилъ возможность вести дѣятельную жизнь, и притомъ не только кабинетную, но и общественную. Онъ, чѣмъ могъ, помогалъ окружающему населенію, для чего пріобрѣлъ и нѣкоторыя медицинскія знанія. Вліяніе его распространилось на широкую округу. Когда къ нему

привезли его дѣтей, онъ привлекъ мѣстныхъ ребятъ къ совмѣстному обученію. Присущая ему пытливость питается не только мѣстнымъ матеріаломъ — въ курсѣ жизни его держитъ покровитель его, вельможа А. Ф. Воронцовъ, посылавшій ему книги. Получаетъ онъ чрезъ него и нужные ему инструменты для работъ и наблюденій. Естественно интересъ возбуждаетъ въ немъ новый край, онъ изучаетъ его, какъ и все, что съ нимъ связано. «Письмо о китайскомъ торгѣ» выходитъ изъ подъ его пера. Готовитъ онъ исторію покоренія Сибири, работаетъ надъ повѣстью «Ермакъ». Пишетъ Радищевъ и философскій трактатъ — въ духѣ прежнемъ: ни въ чемъ не измѣнился онъ! «Душа моя во мнѣ, я тотъ же, что и былъ... голосъ мой не перемѣнился, шея моя не стерта и высится гордо», пишетъ онъ изъ Илимска.

Съ вступленіемъ на престолъ Павла, ему открывается путь въ Россію — пока еще только въ родовое калужское имѣніе. И тутъ слѣдъ остается: «Описаніе моего владѣнія», вошедшее въ литературу, какъ памятникъ мыслей объ облегченіи судьбы крестьянъ. Воцареніе Александра даритъ ему полную свободу. Онъ пользуется ею широко. Одно литературное произведеніе должно быть особо отмѣчено. Мы до сихъ поръ не говорили о стихотворныхъ опытахъ Радищева. Они имѣютъ свою цѣну, какъ и критическія его разсужденія. Замѣчателенъ его разборъ Тредьяковскаго, вскрывающій въ его безвкусицѣ не только отдѣльные перлы, но и большое знаніе стихосложенія. Извѣстность получила широкую ода «Вольность», дѣйствительно примѣчательная. Пушкинъ цѣнилъ поэтическій талантъ Радищева. Рѣзко выдѣляется одно стихотворное произведеніе, написанное по возвращеніи изъ ссылки — ода «Осьмнадцатое столѣтіе». Въ немъ находимъ сочувственную обращенность къ престолу и нѣсколько проницательныхъ и сильныхъ обличительныхъ сужденій о духѣ вѣка: Радищевъ какъ бы возвышается надъ самимъ собою! Это, однако, только эпизодъ. Тѣмъ же остается Радищевъ. А наличіе въ немъ содержанія переливчато-многообразнаго только облегчаетъ доходчивость и усиляетъ дѣйственность яда, сбѣгающаго неизмѣнно съ его пера.

Радищевъ попалъ на свободу въ то время, когда Александръ и его окруженіе пылали рвеніемъ либеральнаго реформаторства — то ли не удача для Радищева! Его привлекли къ работѣ въ законодательной комиссіи. Въ глазахъ Радищева его сочлены оказались, однако, людьми «согбенными разумами и душами». А вотъ какъ одинъ изъ сочленовъ отзывается о Радищевѣ: «Когда мы разсматривали сенатскія дѣла и писали заключенія, соглашаясь съ законами, онъ при каждомъ заключеніи, не соглашаясь съ нами, прилагалъ свое мнѣніе, основанное единственно на свободомысліи... Всѣ обряды, обычаи, нравы, постановленія

(ему казались) глупыми и отягчающими народъ». Однажды президентъ комиссіи гр. Завадовскій, удивлявшійся «молодости его сѣдинъ», замѣтилъ Радищеву: «Эхъ, Александръ Николаевичъ, охота тебѣ пустословить по прежнему! Или мало тебѣ было Сибири?» Этого оказалось достаточнымъ для того, чтобы равновѣсіе было безнадежно утрачено Радищевымъ. Онъ отравился. Когда то онъ помѣшалъ самоубійству Ушакова, мучившагося нестерпимо отъ смертельной болѣзни — плода его невоздержанной жизни. Теперь онъ самъ слѣдовалъ его примѣру, безъ всякаго, въ сущности, къ тому повода и основанія. Опустошенная душа — до дна опустошенная! — подводила итогъ своему разрушительному дѣлу — саморазрушительный.

Когда Пушкинъ говорилъ: «книгу прочли всѣ», онъ имѣлъ въ виду свой тѣсный кругъ. Болѣе широкій кругъ читателей для «Путешествія» открылся лишь въ 1858 г., когда его переиздалъ заграницею Герценъ. Не надо переоцѣнивать т. ск. агитаціонной роли этой книги, при всей значительности этой роли. Не даромъ нѣсколько разъ эта книга, уже будучи издана, въ послѣднюю минуту уничтожалась и такъ и не попадала въ продажу. Непреходящее значеніе ея — въ ея показательности: во что обращается «Просвѣщеніе» въ русскомъ образованномъ человѣкѣ! Въ отзывѣ Пушкина оттѣненъ обликъ «полупросвѣщенія», въ его отталкивающихъ для истинно просвѣщеннаго человѣка чертахъ. Но еще существеннѣе то, что въ Радищевѣ воплотилось «просвѣщеніе» и въ его подлинной сути, въ обнаруженіи которой Радищевъ былъ послѣдовательнѣе Пушкина. Но самое существенное то, что, къ тому же, Радищевъ обладалъ дѣйствительно привлекательными чертами и личности и пера, почему въ какой то мѣрѣ, являлъ собою образъ «ангела свѣта», скрывающаго въ себѣ духа зла.

Не лишено показательности, что самая рѣчь Радищева носитъ стиль размѣренно-старомодный, «библейски-ломоносовскій», по выраженію одного литературовѣда. По свидѣтельству сына, Радищевъ «прилежалъ къ изученію русскаго языка, руководствуясь священными книгами, почему во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ придерживался славянскихъ оборотовъ и даже употреблялъ много славянскихъ словъ». Этимъ, какъ и многимъ другимъ, затушевывалось то, въ какой мѣрѣ были у Радищева самые мозги, по выраженію Тургенева, «на бекрень». Прекрасный у него познавательный аппаратъ — но во что обращается онъ и къ чему приводитъ, поскольку воспаленная впечатлительность критеріумомъ истины ставитъ съ лету воспринятую новизну и безпощадной критикѣ подвергаетъ все почвенное! А рядится это разрушеніе въ почвенность, даже и святую — почему бы нѣтъ? Въ крѣпости Радищевъ пишетъ изложеніе житія Филарета праведнаго — съ

явнымъ оборотомъ на себя: не забывалъ развѣ и онъ о своемъ благосостояніи, не думалъ развѣ объ облегченіи участи ближнихъ? «Онъ охотнѣе излагаетъ, нежели опровергаетъ доводы чистаго аѳеизма», говоритъ Пушкинъ объ его философскомъ трактатѣ, написанномъ въ Сибири. Не способна ли именно такая «пропаганда» дѣйствовать сильнѣе, чѣмъ грубое, открытое безбожіе? Особенно, если проповѣдникъ не только становится въ позу Іоанна Гуса, съ которымъ сравниваетъ себя въ Илимѣ, но и дѣйствительно готовъ доводить, по его же собственному выраженію, жажду самопожертвованія «до изступленія».

XVI

Духовная Литература. Ѳеофанъ Прокоповичъ. Св. Димитрій Ростовскій. Послѣпетровское время. Арсеній Мацѣевичъ. Митр. Платонъ (Левшинъ). Георгій Конисскій. Св. Тихонъ Задонскій. О. Паисій Величковскій. Библія.

Ѳеофанъ Прокоповичъ (1681-1736).

Протестантскія вліянія были могущественны въ эпоху Петра. Это не значитъ, что православныхъ намѣренно совращали въ иную вѣру, но вѣяніе Реформаціи силою вещей проникало въ общественную и даже въ церковную мысль въ связи съ реформами Петра. Носителемъ этихъ идей, коимъ не чуждъ былъ и Императоръ, являлся основной сотрудникъ его въ области Церкви и популяризаторъ его реформъ — Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Сынъ мелкаго кіевскаго торговца, Прокоповичъ получилъ первоначальное образованіе въ мѣстныхъ церковныхъ школахъ, а потомъ, стремясь къ дальнѣйшему образованію, прошелъ школы польскія, а оттуда попалъ въ Римъ. Ставъ уніатомъ, онъ взялъ отъ латинства все, что могъ, а затѣмъ, отказавшись отъ выгодныхъ предложеній и претерпѣвъ не мало лишеній и бѣдъ, возвратился въ Кіевъ, вынеся изъ своего опыта непримиримую ненависть къ Риму. Отрекшись отъ уніатства, онъ принялъ монашество и сталъ на стезю преподавательства, сразу же выдвинувшись въ составѣ Кіевской академіи. Вниманіе Петра онъ привлекъ обширнымъ похвальнымъ словомъ, сказаннымъ послѣ Полтавы («Панегирикосъ или слово похвальное о преславной надъ войсками свейскими побѣдѣ»). Сблизившись съ Царемъ во время неудачнаго турецкаго похода, онъ вызванъ былъ имъ чрезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ. Въ 1718 году, оправдавшись въ предъявленныхъ къ нему, было, обвиненіяхъ въ неправовѣріи, онъ былъ, съ полнаго согласія митрополита Стефана Яворскаго, поставленъ во епископы. Проповѣди его стали изъясненіемъ очередныхъ мѣропріятій Петра. Но главнымъ его твореніемъ, къ

которому приложилъ руку и Царь, былъ «Духовный Регламентъ». Являясь законодательнымъ актомъ, опредѣлявшимъ дѣятельность коллегіальнаго учрежденія, подъ именемъ Синода замѣстившаго упраздненный патріархатъ, Регламентъ былъ одновременно пламенной апологетикой петровскихъ новизнъ и еще болѣе пламеннымъ обличеніемъ тѣхъ старинныхъ сторонъ церковности, которыя стояли на пути этихъ новизнъ. Но съ особенной силой сказался западническій духъ Прокоповича въ другомъ его сочиненіи, уже чисто литературномъ. «Правда воли монаршей». Это — трактатъ государственнаго «естественнаго» права, обосновывавшій притязаніе Петра своей волею опредѣлять судьбу престола (въ его борьбѣ съ царицей Евдокіей и царевичемъ Алексіемъ). Переживъ Петра, Прокоповичъ, какъ политическій дѣятель, занималъ и потомъ очень видное мѣсто, но значеніе его, какъ литературнаго дѣятеля почти исчерпывается временемъ Петра. Плодотворенъ былъ періодъ кіевскій — время педагогически-богословской работы. Къ этому же времени относится главное чисто литературное произведеніе Прокоповича — трагикомедія Владиміръ», представленная академистами: первая то въ нашей литературѣ пьеса изъ русской исторіи. Какъ церковный ораторъ, Ѳеофанъ обрѣлъ новый стиль въ Петербургѣ — живой рѣчи, истолковывавшей дѣло Петра церковному народу. Обращикомъ взглядовъ его можетъ служить слѣдующее извлеченіе изъ его проповѣди о пользѣ путешествій:

«Яко бо рѣка, далѣе проводя теченіе свое, болѣе и болѣе растетъ, получая себѣ прибавленіе изъ принадлежащихъ потоковъ, и тако шествіемъ своимъ умножается и великую пріемлетъ силу: тако и странствованіе человѣку благоразумному прибавляетъ много; чего же много прибавляетъ? Тѣлесныя ли силы? но тая подорожными неугодіями слабѣетъ. Богатство ли? кромѣ купцовъ единыхъ прочимъ убытство есть. Чего же инаго? того, еже есть собственному и общему добру основаніе, искусства. Не всуе бо славный Омиръ, славный оный стихотворецъ еллинскій, въ началѣ книгъ своихъ, Одіссеа нарицаемыхъ, хотя кратко похвалити Улисса, вождя греческаго, о которомъ повѣсть долгую поетъ, нарицаетъ его мужа многихъ людей и обычаи и грады видѣвшаго. Сокращенная похвала, но великая, многія бо и великія пользы сокращенно содержитъ. Отсюда умножается главная мудрость, еже отъ твари познавати Творца. Истинное бо слово Павлово, или иначе Божіе: невидимая бо Его отъ созданія міра, творенми помышляема, видима суть и присносущная сила Его и Божество. И сію то философію свою сказалъ быти Антоній Великій, егда вопрошающимъ его языческимъ философамъ, гдѣ суть книги его, показалъ на весь міръ и реклъ: сія есть книга моя. Мню же: той ли книгу сію чтетъ лучше, которому, гдѣ въ очахъ горизонтъ

кончится, тамъ всего міра конецъ мнится быти? Или той, который странствуя видѣлъ рѣки и моря, и земель различіе и времянъ разнствіе и дивныхъ естествъ множество?...» Осталось памятнымъ и для потомковъ слово на смерть Петра. («Что се есть? до чего мы дожили, о россіяне? что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ...») Былъ Прокоповичъ незауряднымъ поэтомъ. Обладая вкусомъ къ исторіи, онъ оставилъ и на этомъ поприщѣ нѣсколько трудовъ. «Слова и рѣчи» его, изданныя при Екатеринѣ II, являются, надо думать, высшимъ его достиженіемъ. Приведемъ отрывокъ характерный изъ одного слова, посвященный Петру: «Ты являеши намъ въ Царѣ и простого воина, и многодѣльнаго мастера, и многоименитаго дѣятеля и гдѣ бы довлѣло повелѣвати подданнымъ должное, ты повелѣніе свое собственными трудами твоими предваряешь и утверждаешь. Аще бы всѣхъ князей и царей нашихъ цѣлая къ намъ пришла исторія, то была бы то малая книжица противъ повѣсти о тебѣ единомъ». Образованность его была универсальна и онъ неустанно пополнялъ ее. «Прямо просвѣщенный человѣкъ, говорилъ онъ, никогда сытости не имѣетъ въ познаніи своемъ, хотя бы онъ Маѳусаиловъ вѣкъ прожилъ». Нельзя не изумляться богатству его дарованій, которымъ онъ не разъ озадачивалъ иностранцевъ, общавшихся съ нимъ въ его домѣ, заключавшемъ въ себѣ громадную библіотеку и гостепріимно принимавшемъ все умственно-свѣжее. При всѣхъ темныхъ моментахъ его жизни, его нельзя считать морально-ничтожной личностію. Онъ имѣлъ свое міровоззрѣніе. Отрицательно его установку сознанія можно опредѣлить, какъ ненависть къ «латинству» и ко всему тому, что препятствовало въ Россіи культурному обновленію ея. Положительнымъ его содержаніемъ было увлеченіе культурой, во всей ея, открывающейся въ общеніи съ внѣшнимъ міромъ, широтѣ. Оставилъ онъ нѣсколько учебниковъ. Богословскіе его труды, по общему правилу, написаны по какимъ либо опредѣленнымъ поводамъ, преслѣдуя какія либо практическія задачи —и не всегда онѣ къ чести автора, независимо даже отъ уклоненій отъ твердаго православія. Циникомъ его нельзя назвать, но былъ онъ далекъ отъ твердой принципіальности. Поговоркой его было сравненіе человѣка съ виномъ: какъ неважно, откуда доброе вино, такъ неважно знать и о человѣкѣ — какой онъ вѣры и откуда родомъ. Съ такими взглядами, онъ, въ широкомъ размахѣ своей личной жизни, являлъ типъ несравненнаго застольнаго собесѣдника, но не былъ стойкимъ государственнымъ мужемъ. Преданность его Петру была искренней, и не льстецъ говорилъ въ немъ, когда обращался онъ къ Петру и его дѣлу съ такой оцѣнкой: «деревянную онъ обрѣте Россію, а сотвори златую». Такъ вполнѣ искренно думали многіе: «Вашего Величества трудами мы отъ небытія

въ бытіе приведены», — говорилъ канцлеръ Головинъ Петру, поднося ему титулъ Императора послѣ Ништадтскаго мира. Но если Посошковъ, бывъ энтузіастомъ петровскихъ реформъ, оставался почвенно-русскимъ человѣкомъ, то этого нельзя сказать о Прокоповичѣ. Онъ былъ чуждымъ приносомъ на Русскую землю, и существо его личности исчерпывалось тѣмъ «новымъ», что раждалось съ Петромъ на Руси. Отсюда и уклонъ въ протестантизмъ: то не былъ сознательный уклонъ въ еретичество, а наносное вольнодумное западничество. Его дарованія служили Петру, впитывая въ себѣ и раскрывая въ проявленіяхъ своихъ все то и доброе и злое, что заключалось въ дѣлѣ Петра. Для Церкви онъ оставался скорѣе внѣшнимъ человѣкомъ. Но глубоко несправедливо однѣми темными красками расцвѣчивать его личность. Кончилъ онъ жизнь словами примѣчательными: «Эхъ, главо, главо! Разумомъ упившись, камо ее приклониши!»

Св. Димитрій Ростовскій (1651-1709).

Обычно рядомъ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ ставится и ему противупоставляется Стефанъ Яворскій. Имъ обоимъ посвящена знаменитая диссертація юнаго Ю. Ѳ. Самарина, какъ двумъ центральнымъ фигурамъ нашего отечественнаго богословствованія, выражающимъ два уклона русской православной мысли: въ сторону протестантизма и въ сторону латинства. Дѣйствительно, Стефанъ Яворскій самымъ рѣшительнымъ образомъ отвергалъ протестантскіе уклоны и настроенія Петра и Прокоповича. Написано имъ цѣлое изслѣдованіе, изобличающее заблужденія протестантизма — «Камень Вѣры». Но едва ли основательно ставить этихъ двухъ крупныхъ представителей церковной іерархіи эпохи Петра т. ск. на одну доску. Спору нѣтъ, на Стефанѣ Яворскомъ сказались вліянія западнаго края, испытавшаго культурное воздѣйствіе латинскаго запада: то знаменіе эпохи. Но православной остается богословская мысль Стефана Яворскаго въ своемъ существѣ, и, въ извѣстномъ смыслѣ, столпомъ православія можно его назвать, съ которымъ могъ солидаризоваться такой колоссъ русскаго православія, какъ св. Димитрій Ростовскій. Не только столпомъ православія не назовемъ мы Ѳеофана Прокоповича, но должны даже признать его, при всѣхъ его исключительныхъ дарованіяхъ, въ отношеніи Православной Церкви, въ какой то мѣрѣ, инороднымъ уже тѣломъ.

Подробнѣе остановимся на св. Димитріи Ростовскомъ, единственномъ человѣкѣ эпохи, который не утратилъ своей силы по сей день — ни какъ церковный писатель, ни какъ проповѣдникъ, ни какъ учитель благочестія и молитвы: «святоотеческое» то явленіе, во всей силѣ таковаго.

Даніилъ Туптало, сынъ казака-сотника, пройдя кіевскую братскую школу, въ младыхъ лѣтахъ принялъ иноческій санъ съ именемъ Димитрія и затѣмъ въ разнообразныхъ трудахъ провелъ большую часть своей жизни, заслуживъ признаніе, и какъ ученый, и какъ проповѣдникъ, и какъ наставникъ иночества. Явился онъ въ полной мѣрѣ человѣкомъ русскаго Запада, испытавъ на себѣ, во всей подавляющей мощи, воздѣйствіе окружавшей его среды. Въ его «Діаріи» (дневникѣ) есть запись о томъ, какъ укорила его явившаяся ему св. Великомученица Варвара въ томъ, что онъ молится по-римски. Тогда истолковалъ это явленіе св. Димитрій, какъ указаніе на малое вниманіе его къ молитвѣ. Можно, однако, думать, что упрекъ направленъ противъ дѣйствительныхъ отклоненій отъ вѣры, которыя были свойственны западной средѣ. Достаточно указать на принятое всѣми латинское истолкованіе момента пресуществленія Св. Даровъ. Не малыми усиліями Москвы была искоренена эта ересь, отъ которой отказался, конечно, и св. Димитрій, — но и онъ былъ ей причастенъ. Къ концу дней его, привелъ его Господь въ древній Ростовъ, въ глубь Россіи, и не случайно связалось это именно имя съ именемъ святого: здѣсь то и сталъ, можно думать, св. Димитрій достояніемъ всецѣлымъ общерусскаго православія, свободнымъ отъ особенностей породившей его почвы. Пробывъ семь лѣтъ на каѳедрѣ Ростовской, во всей полнотѣ дѣятельности и архипастырской и келейной, призванъ онъ былъ Господомъ. 28 окт. 1709 г. скончался онъ, въ 1752 г. послѣдовало открытіе мощей, а въ 1757 г. причисленъ онъ былъ къ лику святыхъ.

Основной чертой св. Димитрія была его несравненная одаренность «словесная» — въ высшемъ смыслѣ этого слова. Художникъ слова; ученый изслѣдователь, трезвый и глубокій; обладатель ума яснаго и пронзительнаго, — св. Димитрій овладѣвалъ интересующимъ его предметомъ во всей его полнотѣ. Разсмотрѣвъ и оцѣнивъ его со всей возможной внимательностью, въ перспективѣ присущей ему универсальной образованности — онъ подавалъ самую суть предмета, въ устной или письменной формѣ, на образномъ и точномъ языкѣ, раскрывая вразумительно и убѣдительно предъ слушателемъ или читателемъ свою тему, въ обрамленіи цѣлаго аппарата сопоставленій, примѣровъ, поученій и иллюстрацій. Можно безъ всякаго преувеличенія сказать, что произведенія его пера, относящіяся къ расцвѣту его дарованій, доходятъ до современнаго читателя такъ, какъ если бы онѣ были написаны спеціально для него — поскольку, конечно, произведенія эти разсчитаны именно для широкаго круга. Своего рода «шедевромъ» въ этомъ смыслѣ является трактатъ, написанный имъ противъ раскольниковъ.

Именно Ростовская область была особенно въ отношеніи рас-

кола неблагополучна, давая, въ т. наз. брынскихъ лѣсахъ, убѣжище ядру этого мощнаго движенія, находившаго, именно въ условіяхъ петровскихъ реформъ, сочувственный, можно сказать стихійный, откликъ въ православной массѣ. Вотъ и увидѣлъ себя вынужденнымъ св. Димитрій на письмѣ раскрыть природу явленія старообрядчества, въ его обращенности противъ истинной вѣры. «Розыскъ о раскольнической брынской вѣрѣ, о ученіи ихъ, о дѣлахъ ихъ и изъявленіе, яко вѣра ихъ не права, ученіе ихъ душевредно и дѣла ихъ не богоугодны» — такъ именовалось это обширное сочиненіе. Знакомясь съ нимъ, не знаешь, чему больше удивляться: мѣткости ли языка, безпощадной ли послѣдовательности въ раскрытіи и разборѣ заблужденій раскольничьихъ, обилію ли церковно-историческаго матеріала, по пути привлекаемаго и наглядно свидѣтельствующаго о безнадежной узости раскольничьяго кругозора, — или прозрачной ясности исходнаго міровоззрѣнія церковно-православнаго, неизмѣнно просвѣчивающаго сквозь всѣ полемическія разсужденія и вводящаго читателя, незамѣтно и для него непроизвольно, въ кругъ правильныхъ мыслей о всемъ толкуемомъ. Ужъ какъ далека отъ насъ тема этого труда, въ ея злободневности, а между тѣмъ трудно оторваться отъ чтенія его. И какъ обогащаетъ это чтеніе даже и современнаго читателя, который оказывается вводимымъ въ самую гущу умѣло-кстати развертываемаго авторомъ богословскаго и церковно-историческаго знанія. Практическая задача — показать всѣ невѣжественныя чрезмѣрности, угловатости и нелѣпости раскола старобрядчества — достигнута блестяще. Но тутъ же обогащается читатель знаніями положительными, для обрѣтенія которыхъ пришлось бы ему прочесть цѣлую литературу.

Но главнымъ вкладомъ св. Димитрія въ нашу церковную литературу являются, конечно, его Четьи Минеи, плодъ двадцатилѣтняго неустаннаго труда, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и несомнѣнно даръ Божіей благодати. Являясь оригинальной переработкой монументальныхъ Четій Миней митр. Макарія, Житія Святыхъ св. Димитрія получили значеніе нѣкоего окончательнаго, церковнобезспорнаго текста, разъ и навсегда устанавливающаго, что надо знать о томъ или иномъ святомъ и какъ надо его понимать. Это твореніе неповторимо. Можно наново ставить себѣ ту же задачу, можно восполнять ея выполненіе — здѣсь можно назвать почтенный трудъ архіеп. Филарета Гумилевскаго, цѣнность котораго безспорна и высока; можно исправлять даже частичныя погрѣшности текста: но его передѣлать и переработать, безъ ущерба для этого по-истинѣ «богодухновеннаго» творенія, нельзя. Русское изданіе Житій, пусть и обновленное тѣмъ, что принесла за два вѣка наука, не дышетъ уже той полнотой благодати,

которая разлита въ оригинальномъ текстѣ. Поскольку же подходить къ труду св. Димитрія, какъ къ явленію чисто-литературному, нельзя не оттѣнить совершенство его языка. Архіеп. Филаретъ такъ говоритъ о языкѣ св. Димитрія вообще: «По слогу и языку (сочиненія св. Димитрія) образецъ изящества церковно-славянскаго. Мысли, располагаемыя правильно и отчетливо, облечены языкомъ образованныхъ и вмѣстѣ языкомъ сердца. Это не древній церковно-славянскій языкъ, но тотъ чистый и правильный церковный, который съ теченіемъ времени долженъ былъ образоваться изъ нормальнаго сліянія народнаго русскаго языка съ древнимъ славянскимъ, тотъ языкъ, гдѣ древній славянскій языкъ, пожертвовавъ нѣкоторыми особенностями для вразумительнаго народу языка и удаливъ отъ себя всѣ грубыя и часто невѣрныя себѣ формы народной рѣчи, получилъ столько же правильный и опредѣленный, сколько и изящный строй». Изъ этихъ словъ можно заключить, въ какой мѣрѣ церковно-славянскій языкъ является у насъ живой рѣчью, отражающей личность автора. Языкъ св. Димитрія мѣняетъ свой строй въ зависимости отъ темы и отъ того, къ кому обращается авторъ. Въ «Житіяхъ» языкъ св. Димитрія ровенъ, въ своей строгой торжественности и благодатной приподнятости, лишенной, однако, всякой выспренности и экзальтаціи. Неизмѣримо богаче оттѣнками языкъ въ «Розыскѣ», давая выраженіе, и паѳосу обличенія, и отеческой скорби, и умиленію предъ полнотой Истины. Разнообразенъ языкъ св. Димитрія въ проповѣдяхъ, о которыхъ нельзя не сказать нѣсколько словъ. Находясь первоначально во власти трафаретовъ исходной своей среды, схоластически упорядоченныхъ и литературно-выхоленныхъ, умствующихъ и по преимуществу къ уму обращающихся въ ущербъ сердцу, св. Димитрій получилъ толчокъ въ направленіи иномъ отъ одного польскаго проповѣдника, рвавшаго цѣпи условныхъ формъ во имя чувства. Конечно, въ устахъ св. Димитрія иначе говорило чувство, чѣмъ то было у склоннаго къ экзальтаціи проповѣдника латинскаго, но урокъ былъ воспринятъ. Новый языкъ обрѣлъ св. Димитрій только въ Ростовѣ, предъ лицомъ новаго церковнаго народа. Не теряя своей богословской и церковно-исторической насыщенности, проповѣди его обрѣли свободу, гибкость, легкость — поразительныя. Возьмемъ на-удачу одну проповѣдь — въ недѣлю предъ Рождествомъ, совпадавшую въ тотъ годъ съ памятію митр. Петра Московскаго, и прослѣдимъ нить ея.

Два учителя предъ нами. Оба пришли учить. Одинъ, вселенскій, евангелистъ Матѳей, раскрываетъ книгу рожденій: «Авраамъ роди, Исаакъ роди...» (проповѣдникъ имѣетъ ввиду Евангеліе недѣли). Другой, учитель всероссійскій, митр. Петръ, открываетъ намъ книгу смерти (проповѣдникъ имѣетъ ввиду па-

мять преставленія святаго) — но и эта смерть есть рожденіе въ жизнь вѣчную. Двѣ книги предъ нами. Разсмотримъ обѣ книги. Книга родства! Иной скажетъ: какая польза отъ перечня? Всмотримся въ имена. Вотъ рядомъ два имени: Іосія и Іехонія. Одинъ нашелъ случайно книгу Закона и «умилися и сокрушися сердцемъ», явивъ тѣмъ образъ покаянія. Другой, когда предъ нимъ была прочитана кн. прор. Іереміи, приказалъ раздрать ее и сжечь. Кому хотимъ мы уподобиться? Разсматриваетъ проповѣдникъ разнообразіе жизненныхъ явленій, обнимаемыхъ книгой родства Спасителя, и, въ итогѣ, спрашиваетъ себя: кто же не согрѣшилъ? Только трое такихъ — Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ. Кто, согрѣшивъ, покаялся? И такихъ три: Давидъ, Іезекія и Іосія. Значитъ, изъ сорока двухъ нѣтъ сомнѣнія въ спасеніи только относительно шести. Убоимся! Поучительно еще одно: о всѣхъ сказано «роди», «бѣ». Значитъ — родились, были и исчезли... Суетна земная жизнь! Взоръ естественно обрашается къ жизни иной, раждаемой доброй смертію. Тутъ предъ нами встаетъ образъ Петра... Откуда же возникаетъ добрая смерть? Учитъ насъ о томъ книга родства иного — не физическаго, а духовнаго. Давидъ говоритъ о родѣ ищущихъ Господа, о неповинныхъ руками, о чистыхъ сердцемъ. Іоаннъ Лѣствичникъ поучаетъ о «духовныхъ» отцахъ, матеряхъ, братіяхъ и пр. То, о чемъ здѣсь рѣчь, — въ трудѣ, подъ бременемъ своихъ грѣховъ, въ умиленіи, въ сподвижничествѣ въ дѣлѣ спасенія раждается . То — «родъ ищущихъ Господа». Этого рода былъ митр. Петръ. Примѣрами изъ его жизни показываетъ то проповѣдникъ. Что же даетъ намъ сопоставленіе двухъ книгъ: «книги Христова родства» въ жизни смертной, и книги честнаго преставленія святителя Христова? Ясно это безъ дальнѣйшихъ словъ. Закроемъ же обѣ книги со словами: «Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь».

И другія проповѣди св. Димитрія, во всемъ ихъ разнообразіи, построены оригинально и насыщены содержаніемъ углубленнымъ: онѣ являются источникомъ вдохновенія для каждаго. Здѣсь только отмѣчены могутъ быть творенія молитвенныя св. Димитрія — онѣ вошли въ желѣзный инвентарь духовнаго хозяйства русскаго народа. Въ планѣ же литературномъ умѣстно указать особо на школьныя мистеріи. Ихъ значеніе лишь историческое, но чувствуется въ нихъ теплота творчества, и радуютъ онѣ сердце и сейчасъ.

Послѣ-петровское время.

Послѣ-петровское время было исключительно тягостной эпохой для Церкви. Особенно темна память, связанная со временемъ т. н. «Бироновщины», и едва ли не самымъ мрачнымъ пятномъ на личности Ѳеофана Прокоповича лежитъ то, что онъ ведущимъ княземъ Церкви оставался и въ царствованіе Анны Іоанновны. Вотъ какъ Амвросій (Юшкевичъ) могъ говорить въ день рожденія Имп. Елизаветы (18 дек. 1741 г.) объ инославныхъ, подвергавшихъ гоненію Православную Церковь при ея предшественникахъ и, въ частности, въ регентство Бирона: «На благочестіе и вѣру Православную наступили, но такимъ образомъ и претекстомъ, будто они не вѣру, а непотребное и весьма вредное христіанству суевѣріе искореняютъ. О, коль многое множество подъ такимъ притворствомъ людей духовныхъ, а наипаче ученыхъ истребили, монаховъ поразстригли и перемучили! Спроси за что? Больше отвѣта не услышишь, кромѣ сего: суевѣръ, ханжа, лицемѣръ, ни къ чему годный. Сіе же все дѣлали такою хитростію и умысломъ, чтобы вовсе въ Россіи истребить священство православное и завести свою нововымышленную безпоповщину». Гоненіямъ подвергалось духовенство и по признаку его якобы политической неблагонадежности. Безпощадно разоряли его ряды «разборами» въ военную службу, когда забирали не только дѣтей духовенства, но и служащихъ дьячковъ, пономарей, учащихся. Монастыри взяты были подъ подозрѣніе всяческое и подвергались вмѣшательству разорительному и опустошительному. Къ концу царствованія Анны Іоанновны насчитывалось 700 опустѣвшихъ церквей, нѣсколько сотъ полуопустѣвшихъ, и болѣе 9.000 праздныхъ мѣстъ въ церковныхъ причтахъ.

Вздохнула Церковь съ воцареніемъ Елизаветы. Но если прекратились преслѣдованія, то не произошло и здѣсь радикальнаго измѣненія общей установки сознанія правящаго общества, свысока привыкавшаго смотрѣть на церковную жизнь — съ высоты «просвѣщенія», обрѣтаемаго изъ общенія съ Западомъ. Личное благочестіе Елизаветы не измѣнило общаго направленія событій, которое вовлекало въ свой потокъ и высшее духовенство. Въ этомъ отношеніи екатерининскій вѣкъ былъ наиболѣе характернымъ. Тутъ стали посылать учиться за-границу уже и будущихъ іерарховъ и учителей вѣры, въ предположеніи, что эти выученики Запада составятъ основные кадры того «богословскаго» факультета при Московскомъ Университетѣ, который долженъ былъ сдѣлаться питомникомъ истинно «просвѣщеннаго» пастырства въ Россіи...

Изъ этой затѣи, конечно, ничего не вышло. Не оказались, повидимому, ферментомъ особо вреднымъ даже и вернувшіеся

изъ заграничной командировки представители русскаго духовенства (одинъ изъ нихъ, Дамаскинъ, кончившій жизнь епископомъ нижегородскимъ, заслужилъ почетное имя, какъ педагогъ, проповѣдникъ, духовный писатель и издатель). Но, вообще, налетъ свѣтскости, даже и независимо отъ такихъ чрезвычайныхъ мѣръ, достаточно густо осѣдалъ на «князьяхъ Церкви». Въ такомъ нахожденіи общаго языка съ духомъ времени была и извѣстная доза т. н. «икономіи», т. е. тактики, опредѣляемой интересами Церкви. Каково было положеніе іерарховъ, когда было предложено имъ, съ помощью Платона, тогда еще іеромонаха, дать отзывъ на «Наказъ» Екатерины? Въ очень осторожной формѣ отмѣчены были крайности этого сочиненія, но въ общемъ оно получило одобреніе, будучи стилизовано въ христіанскомъ смыслѣ. И это было тѣмъ легче, что, въ той или иной степени, но и высшее духовенство втянуто было въ общую струю благодушнаго оптимизма, склоннаго низводить зло до уровня разстройства, обусловленнаго неразуміемъ, невоспитанностью, плохими порядками и т. д. Въ частности, привлеченный въ Комиссію по составленію новаго уложенія еп. Гавріилъ — виднѣйшій проповѣдникъ эпохи — былъ несомнѣнно подъ вліяніемъ идей «просвѣщенія».

Поскольку объ «икономіи» говоримъ мы примѣнительно къ церковно-общественной дѣятельности высшихъ іерарховъ эпохи, одно еще обстоятельство надо отмѣтить. Приходилось бороться имъ съ яркими и крайними проявленіями невѣрія, вплоть до чистаго атеизма и матеріализма. И тутъ привыкали они щедро распоряжаться и тѣмъ богатствомъ аргументаціи, которое давалъ имъ Западъ. Входитъ въ обиходъ пользованіе не только какъ матеріаломъ личнымъ, но и для общаго потребленія назначеннымъ, католическими и протестантскими произведеніями выдающимися. Переводы ихъ входятъ въ такія изданія, какъ, напр. собранія поученій, издаваемыя Сѵнодомъ для рядового духовенства. Это былъ общій тонъ эпохи, выпадать изъ котораго можно было только на путяхъ исповѣдничества, грозившаго стать и мученичествомъ — независимо отъ того отчужденія, которое этимъ опредѣлялось, отъ всего окружающаго «общества». Подъ этимъ угломъ зрѣнія только и можно уразумѣть мягкое, если даже иногда не покровительственное, отношеніе къ масонству со стороны высшаго духовенства. Это не было внѣшнее и осторожное продвиганіе и поощреніе того, что внутренне и потаенно было уже усвоено, во всей своей отрицательной сущности — нѣтъ, ни въ какой мѣрѣ! Это было недопониманіе, если даже не незнаніе, этой отрицательной потаенной сущности или, во всякомъ случаѣ, пренебреженіе ею — во имя той полезной работы въ дѣлѣ борьбы съ атеизмомъ, которую практически осуществляли въ нашемъ обществѣ западныя, къ намъ проникшія, теченія, формально не

рвавшія съ Богомъ. Тутъ мы касаемся главной язвы того времени: низведенія Православія, въ іерархіи цѣнностей, до положенія чего-то вторичнаго, относительнаго, условнаго, не могущаго уже притязать на абсолютное господство, какъ столпъ и утвержденіе Истины.

Для «просвѣщенныхъ» людей XVIII в., его расцвѣта, Православіе могло притязать только на положеніе бытового фона ихъ существованія, не лишеннаго привлекательности, но чего то уже какъ бы «преодолѣннаго», предъ лицомъ того высшаго, что открывается на Западѣ. Отсюда вытекало, что, поскольку человѣка отталкивался отъ грубыхъ формъ атеизма и матеріализма, равно какъ и отъ холоднаго деизма (это все воплощалось въ т. н. «энциклопедіи», а у насъ больше всего — въ Вольтерѣ, достигшемъ громадной популярности), онъ не видѣлъ основанія возвращаться къ Церкви. Напротивъ того, тутъ то онъ иногда и уво дился отъ нея окончательно, ибо укоренялся въ чемъ-то такомъ новомъ, которое могло удовлетворять его потребности и религіозныя. Такъ люди уходили, всѣмъ своимъ сердцемъ, въ нѣкоторыя проявленія благочестія западнаго, протестантскаго, въ частности и въ особенности, мистическаго. Такъ сближались люди и съ масонствомъ, которое могло привлекать своими потаенными обрядами тѣхъ, кто готовы были придавать преимущественное значеніе внѣшности, но которое одновременно могло удовлетворялъ и запросы внутренніе — добродѣланіемъ, чисто гуманитарнымъ, а равно и культомъ разсудочнаго отношенія къ жизни, безъ завѣдомаго отрицанія Бога и добродѣтели. Объ истинномъ отношеніи масонства къ Церкви — мало кто и зналъ, поскольку не задумывалась серьезно надъ этимъ даже и церковная іерархія.

Такъ возникало своеобразное нарочито злокачественное «двоевѣріе». Не порывая демонстративно съ Церковью, а иногда даже почитая себя ея вѣрными чадами, русскіе образованные люди фактически все больше погружались въ стихію, ей враждебную, не отдавая себѣ въ этомъ должнаго отчета. Отсюда не могло не возникать грубаго непониманія церковной правды и столь же грубаго ея нарушенія. Судьба Арсенія Мацѣевича тому ярчайшій примѣръ.

Арсеній Мацѣевичъ (1697-1772).

Арсеній Мацѣевичъ былъ сыномъ православнаго священника во Владимірѣ Волынскомъ, родомъ изъ польской шляхты. 19 лѣтъ сталъ онъ монахомъ. Въ 1723 г. получаетъ онъ санъ іеромонаха, будучи въ Кіев. Акад. По окончаніи ея начинается его многообразная проповѣдническая, миссіонерская, духовническая, законоучительная дѣятельность. Видимъ его въ Сибири, въ Черниговѣ, въ Солов-

кахъ. Видимъ іеромонахомъ, сопровождающимъ экспедицію по рѣкѣ Оби для открытія морскаго пути на Камчатку. Видимъ въ Петербургѣ законоучителемъ академическимъ. Отсюда — огромный подъемъ. Изъ іеромонаха становится онъ митрополитомъ Тобольскимъ. Ему покровительствуетъ достойнѣйшій архіепископъ Амвросій (Юшкевичъ), первенствующій членъ Сѵнода. Сыгралъ, повидимому, свой роль и смѣлый поступокъ Арсенія: онъ не принесъ присяги, вопреки высочайшему указу, регенту Бирону, теперь опальному. «Нѣкоторую приписку учинилъ» онъ и при принесеніи присяги архіерейской (1741 г.). Едва успѣваетъ онъ прибыть въ Тобольскъ, какъ смѣняется власть: на престолъ всходитъ Елизавета. Арсенія возвращаютъ. Онъ становится митрополитомъ Ростовскимъ и членомъ Сѵнода. Императрица находится съ нимъ въ личномъ общеніи и оказываетъ ему явное покровительство. Это выражается въ томъ, что она покрываетъ отказъ Арсенія принести присягу, хотя, ему въ угоду, устраняются слова, его смущавшія (признаніе императрицы «Крайнимъ судіей въ коллегіи»). Сѵноду Арсеній отказывается давать объясненіе. Въ конфликтѣ съ Сѵнодомъ (какъ и вообще со всѣми властями!) протекаетъ двадцатилѣтнее служеніе Арсенія на Ростовской каѳедрѣ. Онъ не стѣсняется писать «поносительныя слова» Сенату; «съ надменною злобою» отвѣчать Сѵноду; прещеніями церковными караетъ противящихся ему мірянъ, хотя бы по суду они были признаны правыми. Конфликты съ Сѵнодомъ приводятъ его, наконецъ, къ рѣшенію уйти на покой, —рѣшенію, немедленно принятому Сѵнодомъ, но не утвержденному Императрицей, неизмѣнно поддеривавшей ревностнаго архипастыря. Онъ, дѣйствительно, высоко поднимаетъ въ своей епархіи уровень церковной жизни. Великое событіе совершается при немъ: открытіе мощей св. Димитрія Ростовскаго. Возникаетъ при немъ семинарія Ярославская. Суровость его требованій по отношенію къ духовенству сглаживается справедливостью этихъ требованій, личной нестяжательностью Владыки и высокимъ строемъ его жизни. Много вниманія удѣляетъ онъ хозяйственной жизни своей епархіи, обладательницы огромныхъ вотчинъ. Ставитъ онъ на особую высоту конскіе заводы, уже всякую мѣру превосходя здѣсь въ своемъ хозяйственномъ рвеніи. На вопросѣ церковныхъ имуществъ и возникаетъ катастрофа.

Вопросъ церковныхъ имуществъ заботилъ власть и на Москвѣ. Но тогда вмѣшательство правительства не могло носить воинствующаго характера, способнаго граничить съ кощунствомъ, какъ это вытекало изъ идеологіи «Просвѣщенія», владѣвшей въ XVIII вѣкѣ носителями верховной власти въ Россіи. Теперь же «секуляризація» остріемъ оказывается направленной противъ монашества, противъ Церкви — какъ таковыхъ. Провозглашенная

въ короткое царствованіе Петра III, эта мѣра, послѣ недолгихъ колебаній, была рѣшительно воспринята Екатериной. Арсенію удалось, въ свое время, отклонить отъ нея Елизавету. Поскольку секуляризація становится теперь дѣйствительностью, противъ нея устремляется его неуемный нравъ. Въ Недѣлю Православія, Арсеній, самовольно измѣнивъ чинъ Торжества Православія, провозглашаетъ анаѳему всѣмъ покушающимся отнимать имущества у церквей и монастырей. Независимо отъ этого шлетъ онъ донесеніе въ Сvнодъ (копію Императрицѣ) съ рѣзкимъ и обстоятельно обоснованнымъ протестомъ противъ принимаемыхъ мѣръ. Необычность этого обращенія такова, что никто изъ канцеляріи архіерея не рѣшился скрѣпить его, и послано оно было безъ номера съ одной подписью митрополита. Сvнодъ, усмотрѣвъ въ этомъ оскорбленіе Величества, обратился за указаніями къ Императрицѣ, которая отдала Арсенія на судъ Сvнода. Митрополитъ Арсеній, какъ преступникъ, былъ привезенъ въ Петербургъ. Приговоръ былъ суровъ: лишеніе не только сана, но и клобука. Императрица смягчила приговоръ, утвердивъ только снятіе сана. Когда Арсенію объявили приговоръ, онъ сказалъ: «Благо мнѣ, яко смирилъ мя еси! Государыня же Екатерина за сіе не удостоится христіанской кончины». Когда съ осужденнаго снимали знаки сана, Арсеній предрекъ и всѣмъ судьямъ злой конецъ. Все сказанное стало дѣйствительностію. Сосланъ онъ былъ въ Вологодскій Ѳерапонтовъ монастырь, но и это показалось слишкомъ близко — назначеніе было перемѣнено на отдаленный корельскій Николаевскій монастырь въ Архангельской губ. Но и тамъ оставался онъ страшенъ. По доносамъ началось дѣло, по поводу его рѣчей. Арсеній былъ разстриженъ и подъ именемъ Андрея Враля помѣщенъ въ Ревелѣ, гдѣ, въ казематѣ, и скончался. Отъ четырехлѣтняго пребыванія тамъ мученика осталось одна лишь надпись многозначительная. Какимъ то острымъ орудіемъ вырѣзано было его рукою: «Благо, яко смирилъ мя еси, Господи!» Народная молва прославила Арсенія, какъ святого. Легенда сложилась, будто кончилъ онъ свои дни не въ Ревелѣ, а въ Забайкальѣ ,на Нерчинскомъ трактѣ, гдѣ, на горѣ у Троицы, извѣстна «могила Арсенія Мацѣевича», почитаемая народомъ. Въ дѣйствительно, онъ погребенъ въ Ревелѣ, въ придѣлѣ Успенскомъ Николаевской церкви.

Человѣкъ дѣятельности по преимуществу, Арсеній не оставилъ большого литературнаго наслѣдства. Лежали 12 томовъ проповѣдей его, за Ростовскій періодъ, въ Ярославской семинаріи. Извѣстно «Увѣщаніе», имъ обращенное къ игумену-раскольнику, котораго онъ встрѣтилъ въ Соловкахъ. Полемизировалъ онъ съ раскольниками въ Ростовѣ. Большое «Дополненіе» написалъ онъ къ «Обличенію» еп. Ѳеофилакта Лопатинскаго, согласно пору-

ченію, данному Сунодомъ. Глубоко подходитъ Арсеній къ спору съ расколомъ старообрядцевъ: независимо отъ опровержeній отдѣльныхъ ихъ лжеученій, удареніе дѣлается на томъ, что раскольники отрицаютъ самое Церковь, съ ея таинствами и священствомъ. Трудъ этотъ остался неизданнымъ — возможно, въ силу полемической рѣзкости. Не издано и другое большое сочиненіе въ защиту «Камня вѣры» Стефана Яворскаго отъ нападковъ противъ этого труда со стороны протестантовъ. И здѣсь серьезность и убѣдительность изложенія, повидимому, ослабляется полемической заострённостью, переходящей въ бранчивость. Но если мы останавливаемся на личности Арсенія, то не въ силу особой литературной значимости его твореній, а въ силу необыкновенной показательности столкновенія, возникшаго между нимъ и ведущими кругами тогдашней церковности, оказавшимися во власти идейныхъ теченій вѣка. Борьба эта заострилась въ личный конфликтъ Арсенія съ Екатериной, въ которомъ, какъ въ фокусѣ ,сосредоточилась трагедія, переживавшаяся тогда вѣрующей Россіей. Мы видѣли несдержанность Арсенія и чрезмѣрности его нрава, ослаблявшія его позицію, но не упразднявшія глубокой правды, составлявшей сущность ведомой имъ борьбы. Остановимся на другой сторонѣ — на Императрицѣ, въ ея борьбѣ съ Арсеніемъ, ибо это была именно личная борьба, а не государственное дѣло. О побѣдѣ своей надъ Арсеніемъ она считаетъ нужнымъ освѣдомить Вольтера, освѣщая сопротивленіе Арсенія, какъ актъ фанатизма, противнаго православной вѣрѣ и направленнаго противъ власти. Подчеркиваетъ она свое великодушіе: «я простила его и удовольствовалась тѣмъ, что перевела его въ монашеское званіе». Еще болѣе знаменательно то исповѣданіе вѣры, которое сочла возможнымъ Императрица произнести въ Сунодѣ по общему вопросу секуляризаціи церковныхъ имуществъ: на фонѣ этой рѣчи только и можно уразумѣть всю духовную силу и моральную вынужденность реакціи Арсенія, не будь которой Церковь не выполнила бы своего долга. Государыня говоритъ, какъ власть имущая, не въ планѣ лишь государственномъ: она поучаетъ сунодъ, указывая его членамъ ихъ мѣсто въ дѣлѣ защиты исповѣдуемой ими вѣры! «Ваши занятія должны заключаться приблизительно въ томъ, чтобы научать и просвѣщать человѣческое сердце прекраснымъ огнемъ добродѣтели и чрезъ это сдѣлать волю благородной и нѣжной, чтобы, наконецъ, увѣщевать, угрожать грядущими наказаніями, возбуждать вѣру и любовь христіанскую обѣщаніями вѣчнаго блаженства, воспламенять сердце горячими молитвами и своевременными спасительными совѣтами утѣшать печальныхъ и всѣхъ находящихся въ несчастіяхъ». Подчеркивая далѣе «просвѣщенность» тѣхъ «го-

сподъ», къ которымъ обращается слово, Государыня выражаетъ изумленіе: «Какимъ образомъ можетъ происходить то, что вы не поражены огромностію тѣхъ богатствъ, которыми вы владѣете и которыя дѣлаютъ васъ настолько могущественными, что должны бы почувствовать, что ваше такое положеніе совершенно противно духу вашего призванія». Развивая далѣе эту мысль, Государыня кончаетъ свое слово такъ: «Не умедлите же возвратить моей коронѣ то, что вы похитили у ней незамѣтно-постепенно». Эта рѣчь тоже разсчитана была на аудиторію болѣе широкую, чѣмъ нѣсколько духовныхъ лицъ, къ которымъ она была обращена: мы видимъ рѣчь Императрицы напечатанной заграницей въ составѣ «похвальнаго слова», оттѣняющаго успѣхи западнаго просвѣщенія въ Россіи и устанавливающаго зависимость слова отъ иностранныхъ источниковъ. Надо ли удивляться тому, что въ тѣхъ высказываніяхъ, которыя ставились въ вину Арсенію чуть не первое мѣсто, въ ощущеніи самой Императрицы, занимало сужденіе Арсенія о ней самой, что «она не тверда въ законѣ нашемъ и не надлежало бы ей россійскаго престола принимать», или «ея де величество наша не природная и она не тверда де въ законѣ нашемъ, и не надлежало бы ей россійскаго престола принимать». И надо ли удивляться, что чувство Императрицы къ Арсенію, и пока онъ былъ митрополитомъ ,а особенно когда онъ пересталъ имъ быть, было нѣкимъ смѣшеніемъ робости съ ненавистію, обусловившимъ единственную въ своемъ родѣ жестокость поведенія Императрицы въ отношеніи Арсенія. Въ этомъ столкновеніи до предѣла заострилась вся отчужденность исповѣдуемаго Екатериной вольнодумства почвенному Русскому Православію, которое въ лицѣ Арсенія побѣдителемъ вышло, отвѣтивъ мученичествомъ, духовно просвѣтленнымъ, на матеріальный захватъ вещественныхъ благъ. Ни въ чемъ такой тьмой не оборачивалось «Просвѣщеніе» въ вѣкъ Екатерины, какъ въ дѣлѣ Арсенія Мацѣевича.

Пусть былъ несдержанъ, рѣзокъ, даже жестокъ Арсеній (и это въ немъ было). Но великодушная была то натура. Отказываетъ онъ въ присягѣ Бирону-регенту, а когда тотъ попадаетъ въ опалу и оказывается въ унизительной ссылкѣ, участливость проявляетъ къ нему Арсеній, и тотъ потомъ при всякомъ случаѣ выражалъ свою благодарность своему бывшему противнику. Великодушіе чувствуется и въ отношеніи Арсенія къ Екатеринѣ: нѣтъ злого чувства личнаго — напротивъ, склоненъ, какъ будто, думать Арсеній, что не знаетъ Государыня существа дѣла, отъ нея скрываемаго — а то бы иначе повернулось дѣло. Въ испытаніяхъ тяжкихъ перегораетъ въ его характерѣ все отрицательное — какъ много говоритъ заключительная надпись, выше приведенная,

повторяющая сказанное въ началѣ его страднаго пути. И ложится уже отсвѣтъ святости на его обликъ, оттѣняя тѣмъ всю духовную порчу вѣка, его въ казематъ заточившаго.

Митрополитъ Платонъ (1737-1812).

Самымъ виднымъ духовнымъ писателемъ эпохи надо признать митрополита Платона (Левшина). «Въ духовной литературѣ онъ былъ такимъ же свѣтиломъ, какимъ въ свѣтской былъ Державинъ, пишетъ о немъ Порфирьевъ; ученые и литераторы превозносили его блестящія дарованія, поэты писали въ честь его стихи. Слава его не ограничивалась предѣлами Россіи, но переходила за границу». Въ 1762 г. онъ привѣтственнымъ словомъ встрѣтилъ Екатерину въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, какъ намѣстникъ ея. Оцѣнивъ его, Императрица привлекла его ко двору, въ качествѣ проповѣдника, а равно и воспитателя-законоучителя цесаревича Павла. Она говорила о немъ: «О. Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ, чтобы мы плакали, мы плачемъ, хочетъ, чтобы мы смѣялись, мы смѣемся». Обладая высокими нравственными достоинствами, Платонъ, возвысившись постепенно до сана митрополита, сумѣлъ заставить уважать себя, не потакая моднымъ теченіямъ. «Просвѣщеніе», нашло въ немъ обличителя убѣжденнаго. «Кажется, говорилъ онъ однажды въ недѣлю Православія, никоторый вѣкъ столько не былъ нещастливъ самомнительною и дерзостною ученостію, сколько нынѣшній. Никогда столь смѣло не былъ разсуждаемо и говорено о вещахъ вѣры святѣйшихъ. Таинственныя истины кладутся на вѣсы слабѣйшіе разсудка человѣческаго». Языкъ его былъ относительно простъ: онъ не заботился о «витійственномъ и испещренномъ слогѣ». Онъ говорилъ: «Слово Божіе подобно есть сановитой женѣ, которая сама собою заставляетъ себя почитать, не требуя прикрасъ». Въ ораторскихъ пріемахъ бывалъ смѣлъ. Въ словѣ о побѣдѣ надъ турецкимъ флотомъ (1770 г.) онъ приблизился къ гробницѣ Петра и обратился къ нему съ рѣчью: «Возстани и насладися плодами трудовъ твоихъ...» Находчивость онъ проявилъ еще іеромонахомъ, когда произошла у него встрѣча со знаменитымъ Дидро: его атеистическое высказываніе, явно разсчитанное на то, чтобы огорошить духовное лицо, онъ отпарировалъ цитатой псалма: «Рече безумецъ...» О немъ, какъ о проповѣдникѣ, уже къ старости, имѣется такая запись: «Представьте себѣ старца, еще бодраго подъ сѣдинами, у котораго старость не изгладила еще слѣдовъ рѣдкаго благообразія въ лицѣ оживленномъ и т. ск. одухотворенномъ, сіяющемъ. Со слезами умиленія сердечнаго въ моленіи онъ воздвигаетъ руки къ небу... Вѣра и убѣжденіе говорили его устами. Слова его были такъ

осмыслены умомъ, такъ оживлены вѣрою, что проникали сердца слушателей». Всю жизнь связанъ былъ тѣсно Платонъ съ Троице-Сергіевой лаврой, постоянно въ нее возвращаясь. Въ ней онъ и кончилъ свои дни, въ созданной имъ въ окрестностяхъ лавры Виѳаніи, гдѣ была учреждена семинарія, имъ любовно опекаемая. Митр. Платонъ былъ не только церковнымъ витіей, но и плодовитымъ церковнымъ писателемъ. Его православное ученіе вѣры было переведено на европейскіе языки.

Георгій Конисскій (1717-1795).

Прославился Георгій Конисскій на Могилевской каѳедрѣ, когда епархія входила еще въ составъ Польши. Мужественно защищалъ Георгій интересы православныхъ. «Семнадцать лѣтъ боролся я съ волками», писалъ онъ самъ объ этомъ времени въ своей эпитафіи. Положеніе его облегчилось, когда на престолъ вступилъ Станиславъ Понятовскій. Поддерживаемый Екатериною, онъ смогъ предъ лицомъ короля произнести знаменитую рѣчь въ защиту православныхъ, которая вызвала восхищенное удивленіе короля и была переведена на многіе иностранные языки (1765). Вотъ отрывокъ изъ нея: «Мы, христіане, угнетены христіанами; вѣрные, болѣе, чѣмъ невѣрные, терпимъ страданія отъ вѣрныхъ. У насъ запираютъ храмы, гдѣ постоянно проповѣдуется Христосъ. За то, что мнѣніе человѣческое не принимаемъ за Законъ Божій и землю не смѣемъ смѣшивать съ небомъ, называютъ насъ схизматиками, еретиками, отступниками. За то, что страшимся оскорбить свою совѣсть, насъ присуждаютъ къ темницамъ, къ побоямъ, на мечъ и огонь». Знаменита стала и его рѣчь, которую онъ произнесъ, уже въ новыхъ условіяхъ — привѣтствуя Екатерину въ освобожденной Бѣлоруссіи. Наступило «отдохновеніе» пастыря со своими овцами, исполненное великихъ успѣшныхъ трудовъ. Знаменитость Конисскаго, какъ проповѣдника, была велика. Сумароковъ ставилъ его выше величайшихъ французкихъ церковныхъ ораторовъ. Въ отличіе отъ св. Димитрія Ростовскаго и св. Тихона Задонскаго, проповѣди Георгія Конисскаго не сохранили полной силы для послѣдующихъ поколѣній. Если онъ послужилъ чѣмъ преимущественно потомству, даже и далекому, такъ это составленной имъ въ сотрудничествѣ съ еп. Смоленскимъ Парѳеніемъ (Сопковскимъ) «Книгою о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ», вышедшей (безъ обозначенія авторовъ) въ 1776 г., повторявшейся во множествѣ изданій и неизмѣнно служившей смѣняющимся поколѣніямъ пастырскимъ руководствомъ, не находящимъ себѣ равнаго. Служила эта «Книга» и учащимъ и учащимся, служила и спутникомъ пастырской дѣятельности. Въ 1845 г. митр. Филаретъ Московскій отводилъ дру-

гія пособія, указывая на то, что, несмотря на нѣкоторую устарѣлость, «сочиненіе о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ... приспособлено къ православной Церкви, проникнуто духомъ слова Божія и св. отцевъ и образуетъ приходскаго священника не только правилами благоразумія и благочестія, но истинно духовными и душеспасительными наставленіями». Не устарѣло это сочиненіе и сейчасъ. Оно было переведено на англійскій языкъ Пальмеромъ, когда тотъ увлекался Православіемъ.

Св. Тихонъ Задонскій (1724-1783).

Въ мірѣ Тимоѳей, Соколовъ родился въ семьѣ бѣднаго дьячка Валдайскаго уѣзда Новгородской губ. Мать-вдова (отца онъ не помнилъ) въ такой нуждѣ жила, что рѣшилась, было, отдать сына въ дѣти сосѣду-ямщику. Вымолилъ Тимоѳея братъ старшій. Предъ смертію удалось матери отдать Тимоѳея въ новгородскую семинарію на «казенный коштъ». Великую терпѣлъ онъ нужду. Однако, половину «казеннаго хлѣба» продавалъ, чтобы купить книгъ. Соученики смѣялись надъ нимъ, махали на него ошметками лаптей: «величаемъ тя...» Впослѣдствіи, вернувшись въ Новгородъ епископомъ, добродушно напомнилъ о томъ встрѣчавшему его духовенству Владыка. Онъ не искалъ епископства: душа его прилежала монашескому подвигу. Богъ судилъ иначе. Въ бытности его архимандритомъ и ректоромъ Тверской семинаріи шелъ вопросъ о новомъ епископѣ въ Сѵнодѣ, и метали жребій. Семь написано было именъ — и три раза вышло имя Тихона. Такъ и сталъ онъ архіереемъ. Проявивъ большую заботу о просвѣщеніи паствы и добромъ воспитаніи духовенства, на каѳедрахъ сначала Ладожской, а потомъ Воронежской, св. Тихонъ вернулся къ исходному своему намѣренію и удалился на покой; въ Задонскомъ монастырѣ провелъ онъ послѣдніе 16 лѣтъ жизни. Его образъ стоялъ передъ глазами Достоевскаго, когда онъ обдумывалъ старца Зосиму.

Тихонъ далеко выходитъ за предѣлы своего вѣка, принадлежа къ узкому кругу тѣхъ, кого можно именовать нашими отечественными «святыми отцами». Въ отличіе отъ св. Димитрія Ростовскаго, онъ не былъ не только изслѣдователемъ, но даже и просто «книжнымъ». Библіотека его исчерпывалась семинарскими учебными пособіями, въ значительной мѣрѣ принадлежавшими школамъ или схоластической или протестантской, и немногими святыми отцами. Схоластика дала св. Тихону формальную выправку, никакого внутренняго слѣда не оставивъ; протестантская обращенность къ сердцу утонула въ «умномъ дѣланіи». Живымъ оставалось общеніе съ св. Іоанномъ Златоустомъ (преимущественно), съ Макаріемъ Египетскимъ, съ блаж. Ав-

густиномъ. Но основной источникъ вдохновенія былъ иной. О томъ, какъ писалъ свои творенія св. Тихонъ, повѣдали намъ просто и ясно келейники его, по счастію оставившіе записки: Иванъ Еѳимовъ и Чеботаревъ.

«Какъ я изъ устъ его слыхалъ, сообщаетъ первый, да и по моему замѣчанію, когда я что писывалъ у него, слово его столь иногда скоротечно изъ устъ его проистекало, что я не успѣвалъ писать. А когда не столь Духъ Святый въ немъ дѣйствовалъ, то, отъ непространныхъ его мыслей или малой задумчивости, отсылалъ онъ меня въ свою келью, а самъ, вставъ на колѣна, а иногда крестообразно распростертъ, маливался со слезами Богу о ниспосланіи Вседѣйствующаго. Призвавъ же паки меня, начнетъ говорить такъ пространно, что я не успѣвалъ иногда рукою водить пера». Однажды «во время сочиненія» своей шеститомной книги объ Истинномъ Христіанствѣ, «лежа на кровати и какъ бы въ нѣкоемъ восторгѣ бывши, слышитъ онъ надъ собою ангельское пѣніе, котораго пріятность онъ не въ состояніи былъ изъяснить языкомъ, и, что было пѣто, кромѣ множества голосовъ согласныхъ, не понималъ. Это продолжалось болѣе 10 минутъ; потомъ какъ бы по удару въ небольшой колокольчикъ, пѣніе тое тотчасъ окончилось, и онъ очувствовавшись всталъ въ великомъ прискорбіи, что малое время продолжалось тое пѣніе». Были и другіе видѣнія, которыя «были ему немалымъ побужденіемъ къ лучшему выраженію сочиненій своихъ». Было видѣніе ему съ самого креста идущаго Христа, когда св. Тихонъ размышлялъ о страстяхъ Господнихъ — для «сочиненія». Бросился онъ къ ногамъ Христовымъ, лобызая ихъ, и воскликнулъ: «И Ты ли Спасителю мой, ко мнѣ идеши?» «Отъ того часа онъ еще болѣе сталъ углубляться въ размышленіе о страданіяхъ Его и объ искупленіи рода человѣческаго».

Чтеніе св. Писанія занимало всѣ досуги св. Тихона, вызывая слезы умиленія. Особенно, сообщаетъ Чеботаревъ, умиляло его чтеніе прор. Исаіи. За трапезой, бывало, прикажетъ: «паки читай сію главу; самъ же, положа ложку, начнетъ плакать». Даръ слезный былъ ему данъ. Отдавался онъ молитвѣ нерѣдко и на свѣжемъ воздухѣ, причемъ приказывалъ: «когда тебѣ необходимая надобность ко мнѣ, не доходя покашляй, чтобы я оглянулся». Однажды Чеботаревъ «много кашлялъ, но онъ въ такомъ глубокомысліи былъ, что ничего не чувствовалъ, самъ же на колѣняхъ стоялъ лицомъ на востокъ, руки поднявши къ небесамъ». Такъ былъ напуганъ Владыка, когда подошелъ все же къ нему келейникъ, что «даже потъ пошелъ отъ него», и онъ сказалъ: «вотъ сердце у меня какъ голубь дрожитъ». «Когда на него находило искушеніе, то онъ говаривалъ: «не знаю, куда себя дѣвать, братецъ; или ты не чувствуешь, что въ келліи смрадъ?»

Скажешь: я не чувствую. Онъ скажетъ: «возьми догтю и налей на полъ», ибо дегтяной запахъ любилъ».

Творенія св. Тихона сплошное духовное поученіе, отъ сердца идущее. Слово Божіе изъясняется житейскими образами и подобіями и становится доступнымъ самому простому сознанію. Это достигается не «упростительствомъ», низводящимъ великое до уровня обыденности, а той небесной простотой, которой овѣяно Евангеліе. Свою способность эту, или, какъ говорилъ архіеп. Филаретъ, «свой небесный даръ объяснять невидимое видимымъ», самъ св. Тихонъ, въ своемъ главномъ сочиненіи «О истинномъ христіанствѣ» изъяснялъ такъ, примѣнительно къ 146 «пунктамъ» на тему: «Случай и духовное отъ того разсужденіе»:

«Примѣчай здѣ, христіанине: 1) Сіи пункты служатъ къ изъясненію слѣдующихъ моихъ предложеній и разсужденій. 2) Сіи пункты, взятыя отъ различныхъ вещей, чувствамъ подлежащихъ, и приложенныя къ невидимымъ, наипаче полагаются ради простаго народа, который не можетъ понять ученія о духовныхъ вещахъ. Ничѣмъ бо такъ не изъясняется и понятнымъ дѣлается и въ память углубляется чтеніе, какъ подобіями тѣхъ вещей, которыя чувствамъ нашимъ подлежатъ и передъ глазами нашими обращаются. Откуду видимъ, что и въ священныхъ книгахъ премного таковыхъ подобій имѣется, которыми спасительное ученіе изъясняется и небесныя и духовныя вещи земными и видимыми доказываются, какъ-то: слово Божіе — сѣмени, грѣшники — болящимъ, непросвѣщенные благодатію Божіею — слѣпымъ, незвѣстный втораго Христова пришествія день татю, въ нощи приходящему, уподобляются и проч. 3) Вещь едина другой подобна бываетъ не во всемъ, но въ нѣкоторыхъ только свойствахъ: того ради и о подобіяхъ, какъ здѣ, въ семъ параграфѣ, такъ и въ прочихъ мѣстахъ приведенныхъ, разумѣть должно тоежде, что они въ нѣкіихъ только свойствахъ сходны съ тѣми вещами, которыя изъясняютъ. 4) Чтобы отъ видимыхъ къ невидимымъ разсужденіе обращать и тако духовно пользоваться, требуется размышленіе вѣрою, которое за основаніе свое имѣетъ Божіе слово, управляемое и утверждаемое, безъ которой удобно погрѣшить можно».

Желаніе приблизить Слово Божіе елико возможно народу побудило св. Тихона думать о переводѣ Новаго Завѣта на русскій языкъ — «на нынѣшній штиль, дабы простолюдинамъ было внятно и чтобы для полезнаго чтенія многихъ было напечатано на одной сторонѣ, какъ нынѣ есть, славянскъ, а на другой внятнымъ переводомъ». Самъ святитель задумывалъ исполнить этотъ переводъ, но за слабостію здоровья долженъ былъ отказаться отъ этого намѣренія.

Самой большой извѣстностію пользуется изъ твореній св. Тихона сочиненіе его, написанное на склонѣ лѣтъ, подготовленное имъ къ печати, но вышедшее уже послѣ его смерти (1784 г.), а потомъ многократно переиздаваемое: «Сокровище духовное, отъ міра собираемое. Какъ купецъ отъ различныхъ странъ собираетъ различные товары, и въ домъ свой привозитъ, и скрываетъ ихъ; такъ христіанину можно отъ міра сего собирать душеполезныя мысли и слагать ихъ въ клѣти сердца своего, и тѣмъ душу свою созидать». Чего только не найдемъ мы въ заглавіяхъ! Міръ; солнце; отецъ и дѣти; лоза и розги; брань; путникъ; завѣса, или покрывало; воротись, не туда пошелъ! плачъ; свѣща горящая; тина или грязь на днѣ ключа; зеркало; вода мимотекущая и т. д. Больше всего къ этому исполненному Христовой благодати сочиненію подходятъ выразительныя слова, сказанныя вообще по поводу св. Тихона авторомъ монографіи, ему посвященной, священникомъ Тихономъ Поповымъ: «Христосъ Спаситель у св. Тихона ходитъ по русской территоріи, мыслитъ русскими понятіями, говоритъ русскимъ языкомъ».

Остались отъ св. Тихона наставленія его по отдѣльнымъ случаямъ. Остались нѣкоторыя письма: то, что не успѣлъ при свиданіи сказать поучительнаго святитель — въ догонку пишетъ порою онъ. Въ каждой строчкѣ, вышедшей изъ подъ его пера, сіяетъ духъ его свѣтлый, неся утѣшеніе, радость, назиданіе, возбуждая къ духовной жизни, вводя въ духовную жизнь. «Востани спяй» — не случайно такъ наименовалъ Ѳеофанъ Затворникъ выпущененный имъ сборникъ поученій св. Тихона. И если учительство было особено дѣйственно въ устахъ св. Тихона, то потому, что неизреченно было его смиреніе. Оно слышится въ тонѣ его голоса неизмѣнно. Оно проявлялось и въ его жизни въ формахъ изумительныхъ.

Сидѣлъ однажды святитель на крылечкѣ своей кельи. Подбѣгаетъ юродивый, тутъ же игравшій съ дѣтьми — и ударяетъ святителя по щекѣ. И говоритъ при этомъ: «не высокоумь»! А дѣйствительно — налетѣлъ на святаго соблазнъ высокоумія въ это время, и боролся онъ съ нимъ. Всталъ владыка, поблагодарилъ юродиваго за урокъ, и до конца дней помогалъ ему... Но малымъ, слишкомъ малымъ считалъ себя св. Тихонъ въ своемъ смиреніи. Началъ онъ молить Бога, чтобы посѣтила его болѣзнь, и тогда удобнѣе стало бы ему бороться съ горячностью своей и обучиться дѣйствительному смиренномудрію и кротости. Сонное видѣніе было отвѣтомъ. Священникъ выходитъ изъ царскихъ вратъ съ младенцемъ на рукахъ. Спрашиваетъ очень любившій дѣтей святитель младенца, прекраснаго собою, какъ имя его. Отвѣтъ — Василій (Царь). Цѣлуетъ младенца святой въ правую щеку, а тотъ ударяетъ его въ лѣвую. Отъ боли

просыпается св. Тихонъ — «вставъ чувствуетъ и видитъ у себя лѣвую руку трясущеюся и ослабленіе лѣвой ноги». И такъ онъ съ той поры преуспѣлъ въ кростости и смиреніи, что «и за правильный выговоръ послѣднему келейнику изъ простыхъ и грубыхъ мужиковъ, повару, если увидитъ его оскорбившагося на него, кланялся объ-руку, испрашивая прощенія». Передъ уходомъ изъ этой жизни были вновь свѣтлыя видѣнія...

Митр. Филаретъ сказалъ о твореніяхъ св. Тихона: «живая проточная рѣка съ золотымъ пескомъ». Самъ святитель тайну доходчивости своихъ твореній до сердецъ простыхъ раскрылъ въ слѣдующихъ простыхъ словахъ, сказанныхъ имъ о собственныхъ своихъ сочиненіяхъ: «Здѣ ищется польза, а не услажденіе; спасеніе, а не человѣкоугодіе... разсужденіе полагается просто и кратко, просто ради лучшаго понятія простѣйшему народу, кратко, чтобы не скучно было чаще прочитывать читателю». Еп. Өеофанъ и мірянамъ и священникамъ совѣтовалъ чаще и больше читать творенія св. Тихона.

О. Паисій Величковскій (1722-1794).

Лучшій по настоящее время курсъ исторіи русской словесности И. Порфирьева, перепечатывавшійся съ 1891 г. безъ измѣненій, содержитъ въ себѣ, при перечисленіи духовной литературы XVIII в., и слѣдующія скупыя строки: «архимандритъ нямецкаго Молдавскаго монастыря Паисій Величковскій (1794 г.), переводчикъ разныхъ духовныхъ сочиненій, перевелъ Добротолюбіе (М. 1793, составлено изъ сочиненій отцовъ и иноковъ греческой церкви, мистическаго содержанія)». Едва ли мы найдемъ въ другихъ руководствахъ хотя бы такое указанія на одно изъ самыхъ значительныхъ достиженій русско-православной культуры, составившее эпоху въ духовной жизни русскаго народа. Имя Паисія Величковскаго знакомо теперь каждому, какъ возродителя умно-сердечной молитвы и какъ духовнаго отца мощнаго религіознаго движенія, имѣвшаго своимъ центромъ Оптину пустынь, въ томъ ея обликѣ, съ какимъ она вошла въ исторію русскаго общества въ XIX вѣкѣ. Но не можетъ быть обойденъ великій старецъ и въ исторіи русской письменности, т. к. съ его именемъ связано огромное дѣло, частностію лишь котораго явилось опубликованіе митр. Гавріиломъ «Добротолюбія». Предметомъ общаго пользованія стало относительно лишь немногое изъ того сокровища святоотеческой литературы, овладѣніе которымъ въ греческомъ оригиналѣ и превращеніе, затѣмъ, въ отвѣчающій всецѣло оригиналу славянскій текстъ, было всежизненнымъ заданіемъ о. Паисія. Онъ былъ піонеромъ огромнаго ду-

ховно-возстановительнаго процесса, плодами котораго пользуются «спасающіеся» по сей день.

О. Паисій родился въ Полтавѣ въ 1722 г. въ семьѣ соборнаго настоятеля о. Іоанна, скончавшагося, когда Петру (такъ звали въ міру Паисія) было 4 года. Мальчикъ прошелъ обычную церковную учебу. Овладѣвъ грамотой, онъ съ любовью отдался чтенію духовныхъ книгъ. Было ему 13 лѣтъ, когда умеръ братъ, занявшій мѣсто отца. Мать повела мальчика къ кіевскому митрополиту Рафаилу, съ просьбой закрѣпить мѣсто за Петромъ, на что тотъ согласился, опредѣливъ Петра въ училище. Тутъ съ еще большей силой загорѣлась въ немъ любовь къ духовному чтенію, а одновременно и стремленіе уйти отъ міра. Рѣшившись осуществить этотъ зовъ сердца — онъ покинулъ школу, Кіевъ, семью, отъ всего отказываясь ради иночества. Въ отчаяніе пришла мать, узнавъ объ исчезновеніи сына. Она перестала ѣсть и пить, обрекая себя на смерть. Бывъ вразумлена ангельскимъ видѣніемъ, она сама ушла въ монастырь. Петръ же терпѣлъ испытанія въ разстроенныхъ по тому времени русскихъ монастыряхъ, куда попадалъ онъ. 19 лѣтъ постриженъ онъ былъ въ рясофоръ, съ именемъ Платона. Гоненіе отъ уніатовъ коснулось монастыря на Украинѣ, гдѣ онъ подвизался. Онъ вернулся въ Кіевъ, въ Лавру, гдѣ узналъ о постриженіи матери. Еще болѣе душа его возгорѣлась желаніемъ найти истинное руководство къ монашескому подвигу, чего не обрѣталъ онъ въ Россіи. Слѣдуя двумъ почтеннымъ монахамъ, ушелъ онъ въ Молдо-Валахію. Три года пробылъ Платонъ въ молдавскихъ скитахъ, пользуясь любовнымъ попеченіемъ опытныхъ старцевъ. Онъ дошелъ до такого устроенія, что называли его, 24-лѣтняго юношу, «юнымъ старцемъ». Устремился онъ на Аѳонъ. Здѣсь не находя желаемаго, онъ вынужденъ былъ подвизаться въ уединеніи. Когда посѣтилъ св. Гору схимонахъ Василій, который въ Молдавіи окормлялъ Платона, онъ постригъ его въ мантію съ именемъ Паисія. Такъ былъ утвержденъ 28-лѣтній Паисій въ своихъ подвижническихъ трудахъ, въ уединеніи протекавшихъ. Начали вокругъ Паисія собираться подобные ему старатели, не находившіе должнаго руководства. Паисій уклонялся отъ руководства ими, но не могъ отказать имъ въ томъ, чтобы они, живя рядомъ съ нимъ, братски спасались въ подвигѣ, общемъ съ нимъ, погружаясь въ безмолвіе. Такъ выросъ постепенно новый скитъ — Ильинскій. Обитель умножалась. Но тутъ начались притѣсненія со стороны турокъ. Счелъ себя вынужденнымъ Паисій покинуть Аѳонъ. Куда же было ему держать путь? То было время тяжкихъ испытаній для монашества въ нашемъ отечествѣ, потому не искалъ онъ мѣста своего дальнѣйшаго подвига въ Россіи; не звали его туда и находившіеся съ нимъ въ перепискѣ митрополиты Платонъ и Гавріилъ.

Двинулась группа въ 64 человѣка — цѣлое братство — на двухъ корабляхъ въ Галацъ. Прибывъ въ Валахію и принявъ здѣсь посвященіе въ схиму, съ тѣмъ же именемъ, отъ товарища по Кіевской школѣ, ученика того же старца Василія, Паисій устроилъ свою братію въ радушно предоставленномъ ему мѣстѣ. Когда, по измѣнившимся обстоятельствамъ, часть Молдавіи, гдѣ находился Паисій съ братіей, попала къ австрійцамъ, и возникли преслѣдованія со стороны папистовъ, Паисій переселился въ Сѣкульскій монастырь. Было вокругъ него тогда уже 350 человѣкъ братіи. Тѣсенъ былъ Сѣкулъ. Окончательно утвердился Паисій въ Нямецкой обители — уже немощнымъ старцемъ, перевезенный туда въ одноколесной телѣжкѣ, окруженный братіей. Часть братіи осталась въ Сѣкулѣ, и обѣими обителями управлялъ Паисій. Къ концу его дней, общее число окормляемыхъ имъ достигало тысячи. Въ 1790 г. Молдавія была занята Русскими войсками. При Потемкинѣ состоялъ архіепископъ Амвросій. Онъ посѣтилъ Нямецкій монастырь и возвелъ старца въ санъ архимандрита. Житіе его такъ рисуетъ, къ тому времени, его обликъ:

«Лице его бѣло и свѣтло бяше Ангела Божія. Взоръ тихъ, слово смиренно и дерзости чуждо. Всѣхъ любовію привлекаше къ себѣ, яко магнитъ желѣзо. Весь бо былъ благости исполненъ, весь къ милости разліянъ. Умъ же его всегда соединенъ бѣ любовію съ Богомъ: свидѣтель сему слезы». Тихо скончался онъ 15 ноября 1794 г. 72-хъ лѣтъ.

Прилежа къ чтенію отъ раннихъ лѣтъ, Паисій всю свою жизнь посвятилъ углубленію наученія книжнаго, извлекая изъ него руководство въ своемъ духовномъ опытѣ. Пришлось убѣдиться ему въ томъ, въ какой мѣрѣ, и относительно рѣдки, и неудовлетворительны были славянскіе переводы святоотеческихъ книгъ, научающихъ духовному подвигу. Убѣдился онъ въ томъ, что не такъ легко найти и греческіе подлинники: въ упадкѣ находился истинный духовный подвигъ повсемѣстно. Большихъ трудовъ стоило Паисію, и обнаруживать книжныя сокровища, и находить тѣхъ, кто по нимъ содѣвали свое спасеніе, утверждаясь во внутренней молитвѣ. О. Паисій сталъ нѣкимъ центромъ, отовсюду собирающимъ, какъ книги, такъ и личное наученіе. Свою жизнь рѣшилъ онъ посвятить переводу еллино-греческихъ подлинниковъ этой святой литературы на славянскій языкъ. Для этого нужно было предпринять ему огромный трудъ столь глубокаго изученія книжнаго греческаго языка, чтобы въ силахъ онъ былъ проникать во всѣ его тонкости, а затѣмъ во всей точности передавать подлинникъ на языкѣ славянскомъ. Сохранилось обстоятельное посланіе старца Паисія къ старцу Ѳеодосію, который, будучи, какъ и о. Паисій, ученикомъ старца Василія, вызванъ былъ Потемкинымъ въ Россію и управлялъ Софроніевой пустынью въ Кур-

ской губ. Подробно описываетъ отецъ Паисій, какъ онъ изнемогалъ по началу, стремясь проникнуть въ истинный смыслъ богодухновенныхъ книгъ въ славянскомъ ихъ текстѣ, сопоставляя разные экземпляры ихъ. «Егда же тако многократно пострадахъ, тогда познахъ, яко всуе труждаюся во мнимомъ исправленіи словенска со словенскихъ книгъ, и начахъ прилежно испытывати, откуду таковая есть въ книгахъ неясность и оскудѣніе грамматическаго разума, и по немощному ума моего постиженію обрѣтахъ, яко двѣ вины суть сія вещи: первая, неискусство древнихъ съ эллиногреческаго на словенскій языкъ книгъ преводителей, вторая, неискусство и нерадѣніе неискусныхъ преписателей: и тогда совершенно отчаяхся увидѣти въ словенскихъ отеческихъ книгахъ правый и истинный разумъ, яковый обрѣтается въ эллиногреческихъ таковыхъ же книгахъ». Неустанными трудами искалъ о. Паисій греческіе оригиналы. Тутъ же, пользуясь обрѣтеннымъ уже нѣкоторымъ знаніемъ разговорнаго греческаго языка, современнаго, сталъ онъ проникать въ смыслъ древняго языка, книжнаго. Трепеталъ онъ предъ своимъ неискусствомъ, и грамматическимъ, и орѳографическимъ. «Яко преводителю книгъ должно есть быть совершенно учену, и не точію во всемъ грамматическомъ ученіи и правописаніи и всесовершенномъ вѣдѣніи свойствъ обоихъ языковъ быти совершенну, но еще и самыхъ высокихъ ученій, піитикѣ, глаголю, и риторики, и философіи, еще же и самыя Богословіи не перстомъ коснувшуся. Азъ же, аще въ юности моей лѣта четыре и пребывахъ въ Кіевскихъ училищахъ, но точію грамматическому ученію латинскаго языка отчасти научился бѣхъ, желанію иночества не попустившу высшихъ коснутися ученій. Но и того малаго ученія чрезъ толико многая лѣта едва не во всесовершенное пришедъ забвеніе: бояхся убо и трепетахъ, дѣло сіе толико великое начати». Указавъ рядъ другихъ трудностей, останавливаетъ свое вниманіе о. Паисій и на томъ обстоятельствѣ, что «языкъ сей эллиногреческій вся языки всея вселенныя премудростію, красотою, глубиною и преизобиліемъ и богатствомъ неисповѣдимыхъ реченій несравненно превосходящій, его же глубины и сами природные грецы, совершенно ученіи, едва отчасти могутъ достизати, въ немалый страхъ мя влагаше, какъ дерзну азъ съ таковаго премудрѣйшаго языка дѣло мое во исправленіи или въ переводѣ книгъ начинати». Но, съ другой стороны, «яко и самаго нашего преславнаго славянскаго языка, иже, якоже мнѣ мнится, многія языки красотою своею и глубиною и преизобиліемъ реченій, паче же всего преближайшимъ къ эллиногреческому уподобленіемъ несравненно превосходитъ, едва часть какую реченій зная, но несравненно большей части не вѣдая, бояхся дѣло сіе начинати». Все же рѣшается

на этотъ подвигъ о. Паисій. «Видя же гладъ слова Божія въ соборѣ нашемъ, имъ же души братнія съ моей бѣдной душею въ конецъ истаяваху, на Господа, слѣпцы умудряющаго, всю мою возложихъ надежду, и молитвами святыхъ братій дерзнухъ сіе дѣло отнюдь мѣру мою превосходящее, сицевымъ намѣреніемъ и разумомъ и сицевымъ образомъ начати». Полагая, что онъ только первый опытъ совершаетъ, имѣющій быть исправленъ послѣдующими работниками, а съ другой стороны не обладая нужными лексиконами, о. Паисій усваиваетъ слѣдующій порядокъ. Онъ беретъ переводы греческихъ подлинниковъ на молдавскій языкъ и на нихъ провѣряетъ тѣ мѣста, въ которыхъ у него возникаютъ сомнѣнія, и такъ постепенно вникаетъ въ подлинный смыслъ переводимаго. Такъ онъ трудится на Аѳонѣ, такъ продолжаетъ трудиться въ Молдавіи, до конца дней своихъ. Сознаетъ о. Паисій все несовершенство достигнутаго. Посольку возникаетъ рѣчь о напечатаніи переводовъ — двоится чувство о. Паисія. Онъ одновременно одержимъ и радостію и страхомъ. «Радостію, яко всеконечному забвенію не будутъ уже преданы, и яко ревнителіе удобѣе возмогутъ стяжевати оныя: страхомъ же, бояся и трепеща, да не како обще не точію инокомъ, но и всѣмъ православнымъ христіаномъ, якоже и прочія продаваемыя книги, аки вещь, предложены бывше, отъ нихъ самочиннѣ безъ наставленія искусныхъ дѣланію умныя молитвы научившимся, возпослѣдуетъ прелесть, виною же прелести да не возпослѣдуетъ хула отъ суетоумовъ на святое и непорочное, отъ премногихъ и великихъ святыхъ отецъ свидѣтельствованное дѣло». Обстоятельно останавливается о. Паисій на этой сторонѣ дѣла: какъ внѣ послушанія монашескаго начнутъ совершать умное дѣланіе міряне? Не мыслитъ онъ, какъ внѣ послушанія можно было бы избѣжать прелести. «Молитва сія мечъ есть духовный на закланіе врага душъ нашихъ, отъ Бога дарованный: но неискуснѣ дѣйствующу инъ страхъ есть, да не будетъ самаго себе на закланіе».

Митрополитъ С. Петербургскій Гавріилъ, находясь въ перепискѣ съ о. Паисіемъ, очень стремился получить рукопись его перевода Добротолюбія, гдѣ собраны писанія 24 Богомудрыхъ Отцевъ и Подвижниковъ, руководствующія къ высшему Христіанскому любомудрію. Старецъ, однако, долго — по мотивамъ вышеизложеннымъ — уклонялся отъ этого. Рукопись, вмѣстѣ съ греческимъ подлинникомъ, была, наконецъ, доставлена въ Петербургъ ученикомъ о. Паисія схимонахомъ Аѳанасіемъ, бывшимъ ротмистромъ гусарскаго полка Захаровымъ, который болѣе семи лѣтъ жилъ при о. Паисій, а затѣмъ отпущенъ былъ имъ въ Россію. По назначенію митрополита, рукопись была провѣрена, въ сопоставленіи съ подлинникомъ, знатоками греческаго языка, преподавателями академіи и, по исправленіи, напечата-

на въ Московской Сvнодальной Типографіи въ 1793 г. Впослѣдствіи была она перепечатана усердіемъ архіепископа, ставшаго потомъ митрополитомъ, Филарета въ 1822 и 1832 г.г. Въ Молдавіи былъ напечатанъ переводъ о. Паисіемъ св. Исаака Сирина. Множество рукописей съ переводами св. Отцевъ остается ненапечатанными по сей день, и ими, въ рукописномъ видѣ, пользуются, какъ отмѣчаетъ предисловіе къ Житію о. Паисія изданія Козельской Введенской Оптиной Пустыни, «и Болгарскіе и Сербскіе и Россійскіе Христіане, жаждущіе душевнаго назиданія и спасенія».

Библія.

Въ церковной литературѣ XVIII в. есть одно достиженіе, которое заслуживаетъ быть отмѣченнымъ особо: изданіе на славянскомъ языкѣ полной исправленной Библіи.

Впервые увидѣла Русь полную Библію на славянскомъ языкѣ въ 1499 г. — плодъ трудовъ архіеп. Новгородскаго Геннадія. Большихъ заботъ стоило ему собирать на Руси отдѣльные списки частей Библіи, ибо обычно Свящ. Писаніе переписывалось частями. Но оставались пробѣлы. Принужденъ былъ Владыка составлять переводы и на-ново, пользуясь для этого, по нуждѣ, оригиналами и латинскими. Исправленію подвергся текстъ, въ смыслѣ соотвѣтствія оригиналу греческому — семидесяти толковниковъ — при первомъ печатномъ изданіи Библіи, кн. К. Острожскимъ, въ 1580-1 гг. Перепечатка этого текста, съ самыми незначительными, внѣшне-редакціонными, исправленіями, сдѣлана была въ Москвѣ при Царѣ Алексіи Михайловичѣ въ 1663 г. Оставался висѣть въ воздухѣ вопросъ объ исправленіи болѣе радикальномъ, къ которому не сумѣла Москва приступить при изданіи Библіи Острожской. Виднѣйшій «справщикъ» того времени на Руси, Епифаній Славинецкій, по поводу московскаго изданія писалъ: «Грѣхъ великій есть намъ славеномъ... и укоризна и безчестіе крайнѣйшее отъ иностранныхъ народовъ, яко не имамы Библіи добрѣ переведенныя...» Такъ оставалось и при Петрѣ, несмотря на то, что онъ, очень сочувствуя новому изданію Библіи, предписалъ указомъ 1712 г. предварительно свѣрить текстъ «съ греческой 70-ти переводчиковъ Библіею». Во главѣ этого дѣла стоялъ Ѳеофилактъ Лопатинскій. Въ 1721 г., согласно желанію Государя, Сvнодъ предписалъ справщикамъ ускорить дѣло. Оно и было приведено къ концу. Уже шли техническія приготовленія къ осуществленію изданія — образцы «литеръ» должны были быть представлены Сvнодомъ Царю (печатать предполагалось въ Москвѣ). Внезапно тяжко заболѣлъ Государь. За смертью его дѣло остановилось. Взялся за это дѣло въ 1735 г.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, готовясь въ Петербургѣ печатать Библію подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ. Уже началъ, было, онъ печатать, какъ дѣло было пріостановлено, а напечатанное уничтожено: невразумительнымъ и неблагообразнымъ оказался текстъ, въ которомъ исправленія вносились подъ строку, съ сохраненіемъ нетронутымъ текста основного.

Энергично взялась за дѣло Императрица Елизавета, считая выполненіе его обязательствомъ по отношенію къ Петру, на ней лежащимъ.

Въ 1744 г. она предписала Сѵноду, предъ началомъ Великаго Поста, непосредственно, въ каждодневномъ трудѣ, за исключеніемъ лишь дней недѣльныхъ, просмотрѣть, привлекая и другихъ «духовнаго чина людей ученыхъ», текстъ, при Петрѣ изготовленный, чтобы къ Пасхѣ ей было доложено о выполненіи дѣла. Конечно, въ такой короткій срокъ дѣло сдѣлано быть не могло — началась только комиссіонная работа. Въ 1745 г. послѣдовало новое предложеніе Сѵноду ускорить дѣло Библіи «для употребленія народнаго». Задача была упрощена: печатать по тексту Лопатинскаго, производя новую свѣрку въ явно лишь сомнительныхъ мѣстахъ. 22 мая 1751 г. закончена была переписка вполнѣ подготовленнаго къ печатанію текста священныхъ книгъ. Однако, уже съ 10 іюля 1750 г. шло печатаніе. Оно производилось въ Петербургѣ въ Александро-Невской Лаврѣ. Первые экземпляры вышли 18 декабря 1751 г., а все изданіе было завершено 30 апрѣля 1752 г. 23 февраля объявлено было сенатскимъ указомъ по всей Имперіи, что начатая исправленіемъ при Петрѣ Великомъ Библія окончена и напечатана и что велѣно ее продавать по 5 рублей безъ переплета повсемѣстно, — чтобы больше не платить перекупщикамъ, т. к. книгъ будетъ печататься довольно. Такое объявленіе было вполнѣ умѣстно, т. к. Библія стала уже давно исключительной библіографической рѣдкостію, и спросъ на нее долженъ былъ ожидаться громадный. 28 февраля въ С. Петербургскихъ Вѣдомостяхъ можно было прочесть: «При канцеляріи св. Прав. Сѵнода каждыя недѣли въ пятокъ пополудни продаваться будетъ напечатанная вновь Св. Писанія Библія, кокоторая начата по природному благочестивѣйшему усердію при жизни вседражайшаго его императорскаго величества государя родителя и императора Петра Великаго, сведеніемъ и исправленіемъ съ вѣрными греческими книгами...» Библія продавалась каждому отдѣльному лицу «съ имянной запиской» и съ объявленітемъ, что любой человѣкъ можетъ ее пріобрѣсти по цѣнѣ въ пять рублей. Цѣна была дешевой по тому времени. Спросъ на Библію былъ такъ великъ, что переиздавать ее пришлось тотчасъ же, многократно. Новыя изданія вышли въ 1757 и 1759 гг. Второе

изданіе испытало нѣкоторое исправленія. Остальныя были безъ перемѣнъ.

XVII.

Н. М. Карамзинъ. (1766-1826). Общая характеристика. Періодъ учебно-подготовительный. «Письма Русскаго Путешественника». «Бѣдная Лиза». «Вѣстникъ Европыъ. Увлеченіе исторіей. «Исторія Государства Россійскаго». Духовный обликъ Карамзина. Просвѣщенный консерватизмъ. Конецъ жизни Карамзина. Мѣсто Карамзина въ исторіи русскаго языка.

Николай Михайловичъ Карамзинъ стоитъ монументальной фигурой у истоковъ современной Русской литературы, имѣвшей получить свой окончательный чеканъ въ твореніяхъ Пушкина и его плеяды. Много условнаго въ языкѣ Карамзина, какъ и много въ его обликѣ «старомоднаго», но все же онъ не чужой для русской литературы, окончательно сложившейся. Живымъ звеномъ сталъ Карамзинъ между эпохами Екатерининской и Александровской, принадлежа обѣимъ и являя на себѣ нормальное, т. ск. «возрастное» измѣненіе, возмужаніе того же естества. Не былъ Карамзинъ геніемъ, опережающимъ вѣкъ, — надъ нимъ возносящимся и обрѣтающимъ общій языкъ со всѣмъ человѣчествомъ. Это былъ крупный, разносторонне одаренный человѣкъ, которому высокая моральная качественность облегчала возможность становиться, въ хорошемъ смыслѣ слова, «передовымъ», т. е. лучшимъ изъ современниковъ, отъ нихъ не отрываясь. Онъ являлъ собою какъ бы высшій предѣлъ возможныхъ достиженій, въ области словесности и общественнаго сознанія, доступныхъ человѣку, остающемуся плотію отъ плоти своего времени. Являясь въ этомъ смыслѣ оправданіемъ этого времени, онъ одновременно съ наибольшей яркостію и обличаетъ его условность, его ограниченность, его тусклость духовную — и это именно потому, что даже въ немъ она наблюдается, при всей его исключительной моральной высококачественности. Молніей озарилъ и его декабрьскій бунтъ, но это совпало уже съ концомъ его дней и не могло оказать того глубокаго отрезвляющаго вліянія, какъ это обнаружилось на всемъ русскомъ обществѣ, — въ частности, и на друзьяхъ и единомышленникахъ Карамзина.

Дѣятельность Карамзина можетъ быть раздѣлена на три періода: учебно-подготовительный, литературный и изслѣдовательски-историческій. Лучшую, зрѣлую часть своей жизни отдалъ онъ отечественной исторіи, на этомъ поприщѣ лучше всего послу-

живъ отечеству. До нашихъ дней «Исторія Государства Россійскаго» высится «памятникомъ нерукотворнымъ», являясь не только предметомъ школьно-историческаго изученія, но и обязательнымъ для каждаго образованнаго русскаго предметомъ духовно-культурнаго освоенія. Что же касается «Примѣчаній», то онѣ живутъ до-днесь, какъ обозрѣніе источниковъ, обойти которое не можетъ ни одинъ изслѣдователь русской исторіи. Живетъ съ нами Карамзинъ и какъ создатель языка, которымъ мы пользуемся. И еще въ одномъ качествѣ живетъ онъ — быть можетъ, наиболѣе почетномъ: какъ ни велика печать условности, на немъ лежащая, а все же учитъ насъ всѣхъ Карамзинъ жить, являясь однимъ изъ основоположниковъ русскаго національно-осмысленнаго консерватизма. Пусть еще духовно до конца не просвѣтленъ этотъ консерватизмъ, но дано Карамзинымъ ему выраженіе уже достаточно сильное и убѣдительное, чтобы не только быть памятникомъ воздѣйствія на современниковъ и на ходъ историческихъ событій, но и продолжать звучать назиданіемъ и предостереженіемъ, нарочито вѣскимъ, въ ушахъ позднѣйшей общественности.

Біографія Карамзина сливается съ его литературной дѣятельностію: онъ всецѣло человѣкъ пера. И въ этомъ огромно его значеніе, которое съ особенной силой отмѣчено было Шевыревымъ. «Мы не вѣримъ ни въ нашу исторію, ни въ существованіе нашей литературы, ни даже въ существованіе нашего языка — писалъ Шевыревъ: скоро дойдемъ мы до такого вопроса: «Есть ли Россія? Мы сами — не призракъ ли?» Какой великій урокъ давалъ въ этихъ условіяхъ Карамзинъ самой своей личностью! «Карамзинъ совершилъ два подвига въ нашей литературѣ: во-первыхъ, онъ освободилъ и утвердилъ первый независимое состояніе литератора въ нашемъ обществѣ, доказавъ, что можно и перомъ служить отечеству; во-вторыхъ, Карамзинъ показалъ намъ единственный примѣръ цѣлой жизни, посвященной одной мысли, одному труду, жизни, превращенной въ одинъ блистательный ученый и литературный подвигъ. Первый изъ литераторовъ русскихъ безъ послужного списка, Министръ Исторіи Государства Россійскаго, самъ себѣ канцелярія, и правитель, и писецъ, и чтецъ, и работникъ, и зодчій, Карамзинъ, которому вѣрно была возможность блестящія свои дарованія облечь властію, мимо всѣхъ прельщеній, мимо всѣхъ критикъ, голосовъ черни, ушелъ въ свой кабинетъ, въ немъ задалъ себѣ дѣло, вставалъ съ нимъ, засыпалъ съ нимъ, умеръ съ нимъ...»

Родился Карамзинъ въ семьѣ симбирскаго помѣщика, предкомъ своимъ имѣвшаго татарскаго князька Карамурзу. Дѣтскіе годы провелъ онъ частію въ Симбирскѣ, частію въ Оренбургскихъ степяхъ, гдѣ были земли у его отца. Лѣтъ четырнадцати отве-

зенъ онъ былъ въ Москву и отданъ въ извѣстный пансіонъ Шадена. Общимъ съ его сверстниками былъ начальный путь его жизни. Поступилъ онъ на военную службу. Конечно, стремился всей душою попасть въ дѣйствующую армію. Это не удалось ему — и быстро остылъ онъ къ военному строю. Съ облегченіемъ снявъ съ себя преображенскій мундиръ, онъ уѣхалъ на родину. Около этого времени скончался его отецъ (1783-4 гг.). Несмотря на молодость, сумѣлъ Карамзинъ занять въ мѣстномъ обществѣ достойное положеніе — конечно, далекое отъ интересовъ литературныхъ. Извлекъ его изъ этой среды И. П. Тургеневъ, дѣятельный членъ Новиковскаго «Дружескаго общества», высоко-культурный человѣкъ, вошедшій со всей своей семьей въ исторію русскаго образованнаго общества. Извѣстность пріобрѣли два его сына, Александръ, другъ Пушкина, человѣкъ огромныхъ всеевропейскихъ связей, чья переписка остается драгоцѣнной лѣтописью эпохи, и Николай, декабристъ, спасшійся отъ наказанія, т. к. пребывалъ заграницей въ моментъ бунта. Тамъ онъ и остался, ставъ политическимъ эмигрантомъ, и прославился изданной имъ на французкомъ языкѣ книгою «Россія и Русскіе». Сближеніе Карамзина съ этой семьей ввело его въ кругъ новиковскій, тѣмъ давъ рѣшительный толчокъ искавшимъ выхода горячимъ литературнымъ его интересамъ. Не ставъ масономъ, Карамзинъ испыталъ въ сильнѣйшей степени вліяніе масонской среды, по признаку, однако, не религіозныхъ ея устремленій, а, съ одной стороны, какъ среды, культурно-квалифицированной, а съ другой — какъ товарищества, объединеннаго заданіями нравственнаго усовершенствованія. Глубоко не задумывался Карамзинъ надъ духовной природой этого мощнаго тогда въ русскомъ обществѣ теченія и всѣми силами своей души устремился на поприще литературы. Привыкалъ онъ уже и раньше играть перомъ. Теперь онъ взялся за него со всей присущей его натурѣ нравственной серьезностію. То было время чтенія по преимуществу, накопленія знаній, расширенія литературнаго опыта — и переводовъ. Другъ его, благонамѣренный И. И. Дмитріевъ, тогда именно съ нимъ встрѣтившійся, такъ характеризуетъ его: «благочестивый ученикъ мудрости, съ пламеннымъ рвеніемъ къ усовершенію въ себѣ человѣка». Такимъ былъ Карамзинъ, когда, въ 1789 г., смогъ на длительный срокъ уѣхать заграницу. Полтора года проводитъ онъ тамъ, посѣщаетъ Германію, Швейцарію, Англію, Францію. Въ итогѣ этого путешествія появляются его знаменитыя «Письма Русскаго путешественника», помѣщенныя въ «Московскомъ журналѣ», за изданіе котораго взялся Карамзинъ непосредственно по возвращеніи въ Россію.

Это — блистательное начало литературной карьеры Карамзи-

на. Громаденъ былъ успѣхъ «Писемъ». Не нужно думать, однако, что это дѣйствительныя «письма» — подобныя тѣмъ, напримѣръ, которыя писалъ изъ-заграницы Фонвизинъ. Сочиненіе Карамзина облечено лишь въ форму условную писемъ, являясь по существу тщательно обработаннымъ кабинетнымъ литературнымъ произведеніемъ, матеріаломъ къ которому лишь послужили дѣйствительныя письма, написанныя изъ-заграницы дружественной четѣ Плещеевыхъ. Содержаніе «писемъ» оригинально по самому замыслу. Отправляется за границу 23-лѣтній восторженный юноша. Чѣмъ живетъ его душа?

Мечтами обольщался,
Любилъ съ горячностью людей,
Какъ нѣжныхъ братьевъ и друзей...

Такъ опредѣлялъ впослѣдствіи Карамзинъ свои тогдашнія настроенія, а міровоззрѣніе свое самъ же формулировалъ такъ: «Конецъ нашего вѣка почитали мы концомъ главнѣйшихъ бѣдствій человѣчества и думали, что въ немъ послѣдуетъ важное, общее соединеніе теоріи съ практикой, умозрѣнія съ дѣятельностію». Открыта была душа его для впечатлѣній, и свѣтомъ залита ослѣпительнымъ перспектива жизни, въ которую не безъ робости входитъ нашъ путешественникъ, готовый возвратиться, какъ добрый вѣстникъ, тщательно берегущій полноту откровеній, обрѣтенныхъ въ посѣщенныхъ имъ странахъ. Книжно знакома ему уже была достаточно хорошо эта чужбина вожделѣнная. Владѣетъ онъ свободно ея языками. Жизнь европейская открывается; встрѣчи возникаютъ съ выдающимися людьми. Ничего, ни малаго, ни великаго не опускаетъ нашъ наблюдатель — и вотъ нанизывается цѣпь впечатлѣній, въ которыхъ ландшафтъ смѣняется жанровой сценкой, а отвѣтственная бесѣда съ важнымъ лицомъ — бѣглымъ разговоромъ со случайнымъ встрѣчнымъ. Все это множество описаній неизмѣнно прослоено, оживлено, насыщено личными переживаніями, тутъ же выкладываемыми — исповѣдь предъ нами, неумолкающая, взволнованно-чувствительнаго сердца. Эти изліянія только мѣшали позднѣйшему читателю воспринимать богатое предметное содержаніе писемъ, интересъ для любого времени сохраняющее, но въ ту эпоху, когда печатались эти письма, напротивъ того, пронизывающая ихъ «чувствительность» плѣняла сердца, и именно она дѣлала содержаніе ихъ особенно доходчивымъ. Съ жаромъ читали ихъ. То, что овѣяны онѣ были еще нерастраченнымъ духомъ вѣка, дѣлало ихъ всѣмъ доступными и сообщало нарочитую привлекательность.

Личное знакомство энтузіаста-западника Карамзина съ Европой совпало съ историческими событіями, обнажившими бездну, надъ которой висѣла европейская культура: французскую революцію, въ ея первыхъ, потрясающихъ воображеніе, этапахъ,

увидѣлъ воочію Карамзинъ. Но медленнымъ было отрезвленіе. Если, по свидѣтельству Сегюра, русскіе при извѣстіи о взятіи Бастиліи цѣловались въ С.-Петербургѣ на улицахъ и «обнимались, точно ихъ избавили отъ тяжелой цѣпи», и только острастка свыше, со стороны испуганнаго Двора, вызвала переломъ настроеній, то надо ли удивляться, что даже зрѣлище революціоннаго Парижа не образумило юнаго Карамзина. Въ московскомъ кабинетѣ впослѣдствіи не разъ проходила собственная редакторская рука по готовимому къ печати тексту писемъ, сглаживая и устраняя слѣды недавнихъ впечатлѣній и настроеній, даже на родной землѣ не сразу воспринятыхъ какъ что-то неумѣстное и неоправданное. Но и съ этими ретушами «Письма — всецѣло XVIII вѣкъ.

Литературный успѣхъ окрыляетъ Карамзина. Онъ много пишетъ на разныя темы, и стихами и прозой, вырабатывая свой «карамзинскій» стиль. Огромную популярность пріобрѣтаетъ его повѣсть «Бѣдная Лиза» — незамысловатый разсказъ о встрѣчѣ сельской чистой дѣвушки съ городскимъ повѣсой, приведшей къ самоубійству обманутой. Избытокъ «чувствительности», намъ претящій, въ тѣ времена, напротивъ, привлекалъ читателя, укрѣпляя лишь довѣріе къ повѣствованію. Обнаруженъ былъ прудъ, въ который бросилась воображаемая Лиза — ставъ любимымъ центромъ прогулокъ. Другія сочиненія слѣдуютъ, въ которыхъ Карамзинъ прививаетъ русскому читающему обществу начала западнаго сантиментализма, а отчасти и ранняго романтизма («Островъ Борнгольмъ»). Печатается Карамзинъ въ своемъ журналѣ; издаетъ альманахи; вокругъ него объединяются лучшіе писатели эпохи. Сжимается онъ на короткіе годы Павлова церствованія, воспринятые имъ какъ царство мрака, чтобы съ новой силой воспрянуть духомъ при воцареніи Александра I, котораго онъ восторженно привѣтствуетъ, какъ продолжателя либеральныхъ началъ, возвѣщенныхъ екатерининскимъ «Наказомъ».

Въ 1802 г. Карамзинъ основываетъ журналъ «Вѣстникъ Европы» по началу двухнедѣльный, съ заданіемъ «развивать новыя лучшія идеи, питать душу моральными удовольствіями и сливать ее въ сладкихъ чувствахъ съ благомъ другихъ людей». Вмѣстѣ съ тѣмъ, долженъ былъ этотъ журналъ «сообразно съ своимъ титуломъ содержать въ себѣ главныя европейскія новости въ литературѣ и въ политикѣ, все что покажется намъ любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи, Германіи и пр.» Такъ было положено основаніе типическому русскому явленію — т. наз. «толстому журналу». Мы не найдемъ въ другихъ странахъ чего-либо подобнаго. Цѣлая серія возникала впослѣдствіи въ Россіи, вплоть до паденія ея, журналовъ ежемѣсячныхъ, изъ которыхъ каждый, имѣя опредѣленную идейную установку, своимъ заданіемъ считалъ такъ обслуживать идейно-близ-

каго читателя, чтобы ему было дано в с е : въ «толстомъ журналѣ» находили мѣсто всѣ виды литературы и получали отраженіе всѣ стороны жизни. На всѣ свои запросы долженъ былъ найти отвѣты читатель — и именно подъ угломъ зрѣнія той идейной установки, которая была присуща данному журналу. «Вѣстникъ Европы», съ небольшимъ перерывомъ, просуществовалъ до конца Россіи, являясь органомъ умѣреннаго либерализма. Карамзинъ провелъ чрезъ свой журналъ много своихъ сочиненій — въ частности, тутъ напечатано было его знаменитое «Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости». Интересъ къ этому журналу былъ такой, что онъ сталъ коммерчески выгоднымъ предпріятіемъ — явленіе новое въ русской жизни. Но Карамзинъ пренебрегъ возможностью прочно связать свою жизнь съ этимъ столь успѣшнымъ своимъ начинаніемъ: въ своемъ духовномъ ростѣ онъ уже не получалъ полнаго удовлетворенія на поприщѣ изящной литературы и публицистики. Обостренный интересъ у него появился къ руской исторіи.

Карамзинъ и раньше удѣлялъ мѣсто темамъ народно-историческимъ («Наталья боярская дочь»). Теперь онъ, продолжая литературно обрабатывать подобныя темы («Марѳа посадница»), начинаетъ составлять очерки чисто-историческіе. Рѣшивъ, наконецъ, посвятить себя всецѣло изученію русской исторіи, Карамзинъ обратился чрезъ извѣстнаго покровителя образовательныхъ начинаній, товарища министра народнаго просвѣщенія М. Н. Муравьева, къ Государю. Тотъ пошелъ навстрѣчу — и сталъ Карамзинъ россійскимъ «исторіографомъ», каковое званіе не только давало Карамзину свободный доступъ въ государственные архивы, но связано оказалось и съ извѣстнымъ «пенсіономъ», обезпечившимъ Карамзину возможность всецѣло отдаться, безъ заботы о хлѣбѣ насущномъ, новому призванію. Такъ, съ конца 1803 г., началась плодотворнѣйшая эпоха жизни Карамзина — твореніе «Исторіи Государства Россійскаго».

Приступая къ своимъ историческимъ трудамъ, Карамзинъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета въ трудности этого начинанія. Надо отдать ему справедливость: онъ не увлекся легкимъ для него, литературнымъ лишь, использованіемъ овладѣваемаго имъ матеріала, а сталъ на путь черной изслѣдовательской работы. Такъ, «Исторія» его становилась дѣйствительно ученымъ трудомъ, облекаемымъ лишь въ изящную литературную форму. При чтеніи «Исторіи» неизмѣнно чувствуется крѣпкая основа трудовымъ потомъ добытаго и прочно освоеннаго знанія, не только документально свидѣтельствуемаго въ «примѣчаніяхъ», но и, нѣтъ-нѣтъ, обнаруживаемаго въ текстѣ выдержками изъ памятниковъ, достаточно красочными, чтобы слиться воедино съ художественнымъ рисункомъ связнаго повѣствованія.

Успѣхъ «Исторіи», когда она была напечатана (на средства Государя), превзошелъ всѣ ожиданія: ученый трудъ читался на расхватъ. «Всѣ, даже свѣтскія женщины, писалъ юный Пушкинъ, бросились читать исторію нашего отечества, доселѣ имъ неизвѣстную. Она была для нихъ открытіемъ. Древняя Россія казалась найдена Карамзинымъ, какъ Америка Колумбомъ». «Въ своемъ уединеніи прочелъ я девятый томъ Русской исторіи, писалъ Рылѣевъ. — Ну, Грозный! Ну, Карамзинъ! Не знаю, чему больше удивляться: тиранству ли Іоанна или дарованію нашего Тацита». Батюшковъ писалъ:

И я такъ плакалъ въ восхищеньи,
Когда скрижаль твою читалъ,
И геній твой благословлялъ
Въ глубокомъ сладкомъ умиленьи.

Поэтъ Козловъ писалъ такъ:

Такъ Русь Святая намъ святѣй,
Когда Карамзина читаемъ.

Моральную силу «Исторіи» нарочито оттѣняли и Пушкинъ и Жуковскій. Первый сказалъ объ «Исторіи», что она «есть не только созданіе великаго писателя, но и подвигъ честнаго человѣка». Второй говорилъ объ «Исторіи», что она есть «вѣчное завѣщаніе на вѣру въ Бога, на любовь къ благу и правдѣ, на благоговѣніе предъ всѣмъ высокимъ и прекраснымъ».

Такъ говорили современники. «На открытіе памятника історіографу Н. М. Карамзину» вдохновенныя строфы написалъ Н. М. Языковъ. Приведемъ начало ихъ и заключеніе:

Онъ памятникъ себѣ воздвигъ чудесный, вѣчный,
Достойный праведныхъ похвалъ,
И краше, чѣмъ кумиръ иль столбъ каменосѣчный,
И тверже, чѣмъ литой металлъ!
Тотъ славный памятникъ, отчизну украшая,
О немъ потомству говоритъ
И будетъ говорить, покуда Русь святая
Самой себѣ не измѣнитъ!
Покуда внятны ей родимыя преданья
Давно скончавшихся вѣковъ
Про свѣтлыя дѣла, про лютыя страданья,
Про жизнь и вѣру праотцовъ;
Покуда нашъ языкъ, могучій и прекрасный,
Ихъ вѣщій, ихъ завѣтный гласъ,
Пѣвучій и живой, звучитъ намъ сладкогласно,
И есть отечество у насъ.

Великій подвигъ свой онъ совершилъ со славой!
О! сколько думъ рождаетъ въ насъ,

И задушевныхъ думъ, текущій величаво
Его плѣнительный разсказъ,
И ясный и живой, какъ волны голубыя
Рѣки, царицы русскухъ водъ,
Между холмовъ и горъ, откуда онъ впервые
Увидѣлъ солнечный восходъ!
Онъ будитъ въ насъ огонь прекрасный и высокій,
Огонь чистѣйшій и святой,
Уже недвижный въ насъ, заглохшій въ насъ глубоко
Отъ жизни блудной и пустой,
Любовь къ своей землѣ. Насъ, преданныхъ чужбинѣ,
Краснорѣчиво учитъ онъ
Не рабствовать ея презрительной гордынѣ,
Хранить въ душѣ родной законъ,
Надежно уважать свои родныя силы,
Спасенья чаять только въ нихъ,
Въ себѣ, — и не плевать на честныя могилы
Могучихъ прадѣдовъ своихъ!
Безсмертенъ Карамзинъ! Его бытописанья
Не позабудетъ русскій міръ,
И памяти о немъ не нужны струнъ бряцанья,
Не нуженъ камень иль кумиръ:
Она безъ нихъ крѣпка въ отчизнѣ просвѣщенной...
Но слава времени, когда
И мирный гражданинъ, подвижникъ незабвенный
На полѣ книжнаго труда,
Вѣнчанный славою, и гордый воевода,
Герой счастливый на войнѣ,
Стоятъ торжественно передъ лицомъ народа
Уже на ровной вышинѣ!

Карамзинъ успѣлъ написать 12 томовъ своей «Исторіи», доведя ее до 1611 г. Въ предисловіи онъ такъ говоритъ о поставленномъ имъ себѣ заданіи: «Исторія есть въ нѣкоторомъ смыслѣ священная книга народовъ, главная и необходимая, зерцало ихъ бытія и дѣятельности; скрижаль откровеній и правилъ; завѣтъ предковъ къ потомству; дополненіе, изъясненіе настоящаго и примѣръ будущаго. Правители, законодатели дѣйствуютъ по указаніямъ исторіи и смотрятъ на ея листы, какъ мореплаватели на чертежи морей. Мудрость человѣческая имѣетъ нужду въ опытахъ, а жизнь кратковременна. Должно знать, какъ искони мятежныя страсти волновали гражданское общество и какими способами благотворная страсть ума обуздывала ихъ бурное стремленіе, чтобы учредить порядокъ и согласить выгоды людей и даровать имъ возможное на землѣ счастье. Но и простой гражданинъ долженъ читать исторію. Она миритъ его съ несо-

вершенствомъ видимаго порядка, какъ обыкновеннымъ явленіемъ во всѣхъ вѣкахъ; утѣшаетъ въ государственныхъ бѣдствіяхъ, свидѣтельствуя, что и прежде бывали подобныя, бывали и ужаснѣйшія, и государство не разрушалось; оно питаетъ нравственное чувство, праведнымъ судомъ своимъ располагаетъ душу къ справедливости, которая утверждаетъ наше благо и согласіе общества... Если всякая исторія бываетъ пріятна, даже и неискусно написанная, говоритъ Плиній: тѣмъ болѣе отечественная. Истинный космополитъ есть существо метафизическое, или столь необыкновенное явленіе, что нѣтъ нужды говорить о немъ, ни хвалить, ни осуждать его. Мы всѣ граждане — въ Европѣ и въ Индіи, въ Мексикѣ и въ Абиссиніи; личность каждаго тѣсно связана съ отечествомъ: любимъ его, ибо любимъ себя... Всемірная исторія великими воспоминаніями украшаетъ міръ для ума, а россійская украшаетъ отечество, гдѣ живемъ и чувствуемъ. Сколь привлекательны берега Волхова, Днѣпра, Дона, когда мы знаемъ, что въ глубокой древности на нихъ происходило! Не только Новгородъ, Кіевъ, Владиміръ, но и хижины Ельца, Козельска, Галича дѣлаются любопытными памятниками, и нѣмые предметы краснорѣчивыми. Тѣни минувшихъ столѣтій вездѣ рисуютъ картины предъ нами».

Какъ эти разсужденія далеки отъ тѣхъ, которыми проникнуты были «Письма»! «Все народное ничто предъ человѣческимъ», писалъ тогда Карамзинъ. Уже въ «Вѣстникѣ Европы» звучатъ иныя ноты: отказомъ отъ космополитизма, яркимъ и убѣжденнымъ, явилось опубликованное тамъ «Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости». Карамзинъ различаетъ здѣсь три вида любви: физическую, нравственную и политическую. Послѣдняя сливается въ его представленіи съ народной гордостію, съ осмысленнымъ патріотизмомъ, который есть любовь къ славѣ и благу отечества. Въ своей «Исторіи» Карамзинъ дѣлаетъ дальнѣйшій шагъ. Онъ не только заставляетъ звучать въ сердцахъ струны всѣхъ трехъ видовъ любви къ отечеству, не пренебрегая «чувствительностію» и тѣмъ постоянно возгрѣвая сознаніе народной гордости и словолюбіе. Особый оттѣнокъ придается всему изложенію исключительной внимательностію къ началу нравственному. Исторія обращается въ совѣстный судъ, въ новыхъ формахъ, подъ перомъ Карамзина, возраждая традицію лѣтописанія. Пусть критерій измѣнился, утративъ благодатную простоту ничѣмъ незамутненнаго церковнаго сознанія: подъ покровомъ, порою съ особой тщательностію декорированнымъ и нѣсколько поэтому искусственнымъ, подъ внѣшней красивостію, подъ морализированіемъ отвлеченнымъ, подпочва ощущается (пусть даже для самого автора это остается чѣмъ то не до кон-

ца осознаннымъ) — тысячелѣтней давности. Историческая Россія плѣнила въ добрый плѣнъ сентиментальнаго западника, пронизаннаго всѣми ядами екатерининскаго вѣка. Проходя чрезъ призму прошлаго, добросовѣстно изучаемаго, лучъ разума карамзинскаго — радикально видоизмѣнился самъ.

Это придавало особую силу «Исторіи Государства Россійскаго», какъ фактору русскаго общественнаго развитія, ибо этимъ устранялись не только явное фальсифицированіе и подмѣна, но и искажающая стилизація духовной природы изображаемаго. Отсюда возникло и нѣчто еще иное: выросталъ нѣкій новый Карамзинъ, какъ политическій идеологъ, какъ создатель новаго національно-государственнаго міровоззрѣнія, продуманно-консервативнаго. Если же мы учтемъ высоко-нравственный обликъ Карамзина, то станетъ намъ понятнымъ, что не могъ Карамзинъ оставаться только въ роли «исторіографа», погруженнаго въ прошлое. Онъ счелъ себя вынужденнымъ и на современность перенести имъ воспринятое — становясь (снова) публицистомъ и (впервые) политическимъ дѣятелемъ, раскрывающимъ предъ русскимъ обществомъ и его ведущими силами цѣлое новое исповѣданіе вѣры. Оно получило яркое выраженіе въ «Запискѣ о древней и новой Россіи», представленной Государю въ 1811 г. въ противовѣсъ дорогимъ Царю либеральнымъ взглядамъ, находившимъ свое лучшее и благороднѣйшее воплощеніе въ Сперанскомъ, который, къ слову сказать, въ иномъ планѣ, нѣсколько позже, въ еще болѣе глубокой формѣ пережилъ аналогичное Карамзину «обращеніе». Въ отличіе отъ Сперанскаго, жившаго духовной жизнію интенсивной и сумѣвшаго на своемъ внутреннемъ пути не пасть жертвой господствовашаго въ его средѣ безблагодатнаго мистицизма (что могъ распознать и что намъ повѣдалъ такой авторитетъ, какъ еп. Ѳеофанъ Затворникъ), Карамзину, по самой его натурѣ, легко было избѣгать недобрыхъ чаръ какъ масонства, такъ и протестантской мистики, но, въ существѣ своемъ, онъ оставался чуждъ воздѣйствію сколько нибудь глубокому и мистики истинной. Поэтому въ «Запискѣ» нечего искать духовнаго подхода къ нашему и прошлому и настоящему: до конца не уразумѣлъ, въ этомъ смыслѣ, Карамзинъ ни Исторической Россіи, въ цѣломъ, ни той трагедіи духа, которую переживала Императорская Россія въ ея сопоставленіи со Святой Русью. Онъ мыслилъ категоріями иного порядка — бытового, общественнаго, государственнаго, національнаго, подчиняя все идеалу «Отечества», какъ нравственной цѣнности всеопредѣляющей. «Духъ народный составляетъ нравственное могущество государствъ, подобно физическому, нужное для твердости. Сей духъ и вѣра спасли Россію во время самозванцевъ. Онъ есть не что иное, какъ привязанность къ нашему особенному, — не что иное, какъ

уваженіе къ своему народному достоинству... Любовь къ отечеству питается сими народными особенностями, безгрѣшными въ глазахъ космополита, благотворными въ глазахъ политика глубокомысленнаго... Государство можетъ заимствовать отъ другого разныя полезныя свѣдѣнія, не слѣдуя ему въ обычаяхъ. Пусть сіи обычаи естественно измѣняются, но предписывать имъ уставы есть насиліе... Съ пріобрѣтеніемъ добродѣтелей человѣческихъ, мы утратили гражданскія... Мы стали гражданами міра, но перестали быть, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гражданами Россіи». Вотъ идеологія Карамзина, высшей цѣнностью готовая воспринять «гражданина Россіи».

«Записка» была актомъ немалаго гражданскаго мужества. Еще большаго потребовало «Мнѣніе русскаго гражданина», поданное Александру въ 1819 г. въ отвѣтъ на его готовность возстановить Польшу, какъ особое королевство. «Вы думаете, писалъ Карамзинъ Государю, возстановить древнее королевство Польское, но сіе возстановленіе согласно ли съ законами государственнаго блага Россіи? согласно ли съ вашими священными обязанностями, съ вашей любовью къ Россіи и съ самой справедливостью?... Можете ли вы съ мирною совѣстію отнять у насъ Бѣлороссію, Литву, Волынію и Подолію, утвержденную собственность Россіи еще до вашего царствованія? Не клянутся ли государи блюсти цѣлость своихъ державъ? Сіи земли уже были Россіею, когда митр. Платонъ вручилъ вамъ вѣнецъ Мономаха, Петра и Екатерины, которую вы сами называли Великой... Вы, любя законную свободу гражданскую, уподобите ли Россію бездушной, безсловесной собственности?»

Трудно сказать, во что бы вылилось умоначертаніе Карамзина послѣ того, какъ онъ пережилъ 14 декабря, которое, по замѣчанію близкаго Карамзину кн. П. А. Вяземскаго, «было, т. ск., критикой вооруженной рукой на... Исторію Государства Россійскаго». «Я — мирный исторіографъ (писалъ Карамзинъ, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бунта), алкалъ пушечнаго грома, будучи увѣренъ, что не было иного способа прекратить мятежъ». Было ли здѣсь лишь проявленіе «любви къ отечеству и народной гордости»? Способны ли были проснуться въ душѣ Карамзина такія чувства, которыя сдѣлали бы невозможной въ устахъ его фразу о томъ, что онъ въ душѣ — республиканецъ? Способенъ ли былъ онъ вернуться въ Отчій домъ свой, оставивъ все имъ «на странѣ далече» обрѣтенное — за его порогомъ? На эти вопросы никто не отвѣтитъ. Для насъ остается Карамизнъ, какимъ мы его знали, западникомъ, пріявшимъ Россію Историческую, какой ее намъ далъ Господь, и ставшимъ ея вѣрнымъ и изобразителемъ и охранителемъ, но личность свою съ ней слить не смогшимъ, а потому до конца и въ ея духъ не проникшимъ...

Тяжко захворалъ Карамзинъ. Доктора предписали ему перемѣнить климатъ. Новый Государь приказалъ приготовить фрегатъ, чтобы доставить его въ Марсель, и особымъ рескриптомъ выразилъ ему свое расположенiе, одновременно щедро обезпечивъ его и его семью. Воспользоваться этимъ уже не смогъ Карамзинъ. 22 мая 1826 г. онъ скончался, оставивъ по себѣ у всѣхъ, его знавшихъ, въ частности, у Государя память, исполненную глубочайшаго благоговѣнiя.

Въ заключенiе надо оттѣнить высокое мѣсто, которое занялъ Карамзинъ въ исторiи русскаго языка. «Слогъ его изумилъ читателей, писалъ Гречъ, подѣйствовалъ на нихъ, какъ ударъ электрическiй». Это былъ языкъ — «свой» для общества, впервые обнаруживаемый въ обличiи литературномъ: «прiятный слогъ прозы, близкiй языку общества», какъ отмѣчаетъ Гнѣдичъ. Карамзинъ въ своихъ «Письмахъ Русскаго Путешественника» такъ говорилъ о русскомъ языкѣ: «въ самородномъ богатствѣ своемъ, почти безъ всякаго чуждаго примѣса, течетъ, какъ гордая рѣка величественная — шумитъ, гремитъ — и вдругъ, если то надобно, смягчается, журчитъ нѣжными ручейками и сладостно вливается въ душу, образуя всѣ мѣры, какiя заключаются только въ паденiи и возвышенiи человѣческаго голоса». Эта характеристика, особенно во второй ея части, относится именно къ тому языку, который созданъ былъ Карамзинымъ. Пушкинъ такъ могъ формулировать заслугу Карамзина: «Схоластическая величавость полуславянская, полулатинская сдѣлалась было необходимостiю: къ счастiю Карамзинъ освободилъ языкъ отъ чуждаго ига и возвратилъ ему свободу, обративъ къ источникамъ народнаго слова». Былъ, конечно, привкусъ въ прозѣ Карамзина, претящiй намъ сейчасъ. Его не могъ не ощущать Пушкинъ. На вопросъ: «Чья проза лучшая въ нашей литературѣ?» — онъ называлъ имя Карамзина. И все же говорилъ: «Я не люблю видѣть въ первобытномъ языкѣ нашемъ слѣды европейскаго жеманства и французской утонченности — грубость и простота ему больше пристали». Это былъ преходящiй оттѣнокъ, чуждый налетъ, не колебавшiй значительности достигнутаго, и съ истиннымъ энтузiазмомъ воспринимали карамзинское дѣло въ области языка лучшiе люди его поколѣнiя. Вокругъ А. С. Шишкова объединялись сторонники старины. Была доля правды, и большая, въ ихъ сѣтованiяхъ. «Языкъ есть мѣрило ума, души и свойствъ народныхъ», говорилъ Шишковъ. Увлеченiе иноземщиной, боялся онъ, привьетъ развратные нравы — «наклонность къ безвѣрiю, къ своевольству, къ повсемѣстному гражданству, къ новой и пагубной философiи». Явнымъ, однако, преувеличенiемъ было говорить, какъ то дѣлалъ Шишковъ, будто «Славянскiй и русскiй языкъ есть одно и то же». А попытки его прививать славянскiе неологизмы вызывали толь-

ко смѣхъ и вошли въ исторію языка, какъ чудачества. Исторической задачей было созданіе Русскаго языка, способнаго выражать въ свободной и непринужденной формѣ новыя, впервые освояемыя богатства, — все, чѣмъ жила и цвѣла душа образованнаго русскаго человѣка, открывавшаяся для новаго міра идей, чувствъ, настроеній. Въ періодъ острой борьбы между стариками, объединявшимися для пѣнія гимновъ «славянщинѣ», и молодыми, бодро смотрящими впередъ, начинающій Карамзинъ готовъ былъ пропасть рисовать между русскимъ прошлымъ и богатыми перспективами настоящаго. «Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ россіянъ прервалась навѣки... Хорошо писать для россіянъ, но лучше писать для всѣхъ людей...» Зрѣлый Карамзинъ примирился съ Шишковымъ, какъ побѣдитель, готовый сглаживать былыя крайности. Нѣкій переходный характеръ имѣетъ языкъ Карамзина, какъ и все его творчество, и могъ съ извѣстнымъ основаніемъ Бѣлинскій говорить о «карамзинскомъ» періодѣ русской литературы, смѣнившемъ «ломоносовскій» и предварившемъ «пушкинскій». То было обрусѣніе западной стихіи, въ которомъ подражательность уступала мѣсто моменту уже творческому — органическому освоенію обрѣтеннаго. Внѣшнее выраженіе получилъ этотъ процессъ «освоенія» въ лингвистическомъ творчествѣ Карамзинскомъ — весьма удачливомъ. Если образцами лингвистической безвкусицы и безтактности остались попытки Шишкова въ языкъ ввести славянскаго корня неологизмы, то карамзинскія новизны съ мѣста становились органической частью языка, и мы, пользуясь ими, и не подозрѣваемъ, кто былъ ихъ творцомъ. Можно составить длинный ихъ списокъ. Приведемъ нѣкоторыя изъ нихъ: будущность, обдуманность, промышленность, развитіе, общественность, человѣчность, влюбленность, усовершенствованный, общеполезный, моральный, интересный, трогательный, утонченный, занимательный, вліяніе, оттѣнокъ, начало, образъ (какъ поэтическое изображеніе).

Если пожелать въ краткой формулѣ схватить существо «карамзинскаго» дѣла, въ его конечныхъ достиженіяхъ, то можно сказать такъ: сынъ восемнадцатаго вѣка, Карамзинъ, своимъ созрѣвшимъ, но все же «западническимъ» сознаніемъ, на новомъ, имъ созданномъ языкѣ, сумѣлъ не только отобразить Историческую Россію, впервые освояемую этимъ сознаніемъ, но и исповѣдать, въ отношеніи ея, идеологію не только національно-государственнаго, но отчасти и церковно-осмысленнаго консерватизма.

XVIII.

Жуковскій, Вас. Андреевичъ (1783-1852). Путь жизни его. Литературный обликъ. «Плѣнительная сладость» его стиховъ. Меланхолія — преодолѣніе ея. Жуковскій надъ гробомъ Пушкина. Міровоззрѣніе созрѣвшаго Жуковскаго. Послѣднія крупныя его произведенія. Характеристика переводовъ Жуковскаго. Историческое мѣсто Жуковскаго. Воспріятіе Жуковскимъ Россіи. Нравственная привлекательность Жуковскаго. «Церковный» Жуковскій.

«Сказка моей жизни» — такъ назвалъ свою автобіографію датскій сказочникъ Андерсенъ. Съ еще большимъ правомъ могъ бы такъ наименовать повѣсть о своей жизни Жуковскій, если бы онъ написалъ ее. Появился онъ на свѣтъ въ 1783 г. въ богатой помѣщичьей семьѣ, въ центрѣ Россіи, отъ незаконной связи широкаго барина, Аѳанасія Ивановича Бунина, съ плѣнной турчанкой, привезенной изъ похода крѣпостнымъ рекрутомъ. Получивъ отчество и фамилію отъ бѣднаго дворянина, прижившагося къ дому Буниныхъ, Васенька вошелъ въ жизнь дома, какъ родной — свидѣтельство рѣдкой высоты духа и нѣжности сердца Маріи Григорьевны, жены Бунина, любовью своей покрывшей грѣхъ мужа. Полутурченокъ получаетъ воспитаніе тепличное, въ атмосферѣ неусыпной женской заботы и того педагогическаго разнобоя, который царилъ въ тѣ времена въ богатыхъ барскихъ усадьбахъ, переполненныхъ крѣпостными мамушками, но дававшихъ почетное мѣсто и наемнымъ иноземнымъ гувернерамъ. Къ счастью, могъ Жуковскій глотнуть подросткомъ и другого воздуха: онъ взятъ былъ въ армію, видѣлъ Екатерину въ ореолѣ величественнаго торжества, видѣлъ Суворова, встрѣчаемаго пушечнымъ салютомъ, присутствовалъ на столичной Іордани. То былъ эпизодъ. По возвращеніи (по смерти Екатерины), жизнь продолжала течь въ домашнемъ уютѣ, пока, скоро, не насталъ срокъ, когда барчуки лучшихъ семей Россіи отдавались въ учебу столичную. Въ составѣ такого отбора попалъ и Васенька — въ Благородный Пансіонъ при Московскомъ Университетѣ.

Литературными интересами въ тѣ времена былъ пропитанъ усадебный бытъ — что же говорить о московскомъ питомникѣ? Жуковскій, дома уже успѣвшій явить литературныя дарованія, становится въ пансіонѣ литературнымъ «премьеромъ». Культъ сердца, культъ дружбы, культъ отдѣльныхъ властителей думъ — вотъ чѣмъ жили тогда «избранныя» натуры. Парниковая то была культура, пусть и захватывала верхи всей громадной Россіи. Въ этомъ смыслѣ общество столицъ мало чѣмъ отличалось отъ усадебныхъ островковъ. Всѣ другъ друга знали и всѣ вскормлены были одной пищей: то была на разный ладъ перетолковываемая европейщина. Въ сопоставленіи съ отечественнымъ воздухамъ то

была — экзотика. Она налагала печать наигранности и искусственности на мысли, чувства, волевыя движенія «образованныхъ» людей: всѣхъ ихъ роднитъ духовная утонченность и выспренность. И если что даетъ жизнь этой видимости жизни, сообщая ей порою привлекательность, не стираемую временемъ, такъ это исконная жизнь — подлинная, былыми поколѣніями накопленная, «чужое» дѣлающая «своимъ».

Именно въ этомъ планѣ и выпалъ Жуковскому удѣлъ исключительный: стать для всей Россіи воплощеніемъ поэтическимъ этого «чужого», становящагося «своимъ». И смѣшанная кровь, и сложныя условія, въ которыхъ раскрывалась душа ребенка, и изнѣживающее женское воспитаніе, и личныя свойства натуры Жуковскаго — все вмѣстѣ доводило до предѣльной силы въ Жуковскомъ воспріимчивость — не ту, которая побуждаетъ человѣка настораживаться и обособляться, замыкаться, насупившись и отвернувшись, а ту, которая мягко раскрываетъ сердце предъ возникшимъ впечатлѣніемъ, довѣрчиво и привѣтливо принимаемымъ. Наличіе такой воспріимчивости само собою дѣлало Жуковскаго баловнемъ среды — будь то родная семья съ ея домочадцами, будь то пансіонъ, будь то писательская братія — будь то, наконецъ, вся читающая Россія. Свойства и среды и самого Жуковскаго вели къ тому, что идеалистическая восторженность вѣка свое лучшее выраженіе стала получать именно въ его творчествѣ.

Но чтобы это могло въ полной мѣрѣ осуществиться, долженъ былъ Жуковскій быть особо квалифицированъ — морально. Касаемся мы тутъ глубокихъ струнъ сердца нашего поэта. Былъ онъ по природѣ своей настолько ч и с т ы м ъ существомъ, что въ самомъ процессѣ жизнетворчества не только не загрязнялся, а, напротивъ того, еще очищался. Отсюда печать б л а г о р о д с т в а, ложащаяся на все, связанное съ Жуковскимъ — будь то личное письмо, литературное произведеніе или любое дѣйствіе. Это дѣлало воспріимчивость Жуковскаго исключительно д о б р о й, способной лишь доброе принимать на экранъ своей души, возвращая воспринятыя впечатлѣнія въ образѣ твореній поэтическихъ. Воспріимчивость Жуковскаго не превращалась въ податливость: отборъ возникалъ, повелительно диктуемый чистой природой поэта. Моральное благоуханіе исходило отъ твореній Жуковскаго. И читатель, получая изъ рукъ Жуковскаго т а к ъ опосредствованное богатство чужеземныхъ литературъ, естественно становился почитателемъ и самаго Жуковскаго.

Одно обстоятельство усугубляло внутреннюю высококачественность твореній Жуковскаго: онъ, не познавъ личнаго счастья, с в ѣ т л о принялъ этотъ удѣлъ. Оказавшись долголѣт-

нимъ воспитателемъ-преподавателемъ въ семьѣ, родственно-близкой Бунинымъ, Жуковскій со всей силою «однолюба» увлекся одной изъ своихъ воспитанницъ, которая платила ему тѣмъ же. Родственная связь мѣшала браку, а мать дѣвушки и думать не хотѣла о способахъ обхода этого препятствія. Оба глубоко вѣрующіе, Жуковскій и Маша Протасова покорились Промыслительной судьбѣ. Впослѣдствіи Маша стала женою другого — себѣ подъстать. Дружба съ Жуковскимъ обоихъ Мойеровъ — такова была фамилія дерптскаго врача, за котораго вышла замужъ, согласно волѣ матери, Маша — была безоблачна. Жуковскій остался безбрачнымъ. Помогла ему нести этотъ подвигъ поэзія. «Моя жизнь, могъ сказать онъ въ 1847 г., пролетѣла на крыльяхъ легкой беззаботности, рука объ руку съ призракомъ поэзіи». Но была тутъ и подлинная жертвенность. И что принесъ въ жертву Жуковскій? Самое жизнь! Авторство онъ смолоду почиталъ «должностью гражданской». Теперь же она должна была исчерпать его жизнь. «Жизнь есть школа смиренія, говорилъ онъ, у каждаго свой профессоръ этой науки». Этотъ «профессоръ» научилъ Жуковскаго преобразить свою поэтическую воспріимчивость въ возвышенное самоотреченіе. Только такъ смогъ Жуковскій проявить невоспріимчивость къ соблазну, едва ли не труднѣйшему въ жизни — успѣха. А онъ выпадалъ для него исключительный — и не только литературный.

Одно изъ лучшихъ произведеній Жуковскаго, навѣянное на него пребываніемъ въ воинскомъ лагерѣ 1812 г., «Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ», плѣнивъ всю читающую Россію, задѣло глубоко сердце и вдовствующей Императрицы. Возникла личная связь со Дворомъ. Эта связь сдѣлала постепенно Жуковскаго го своимъ человѣкомъ въ Царской семьѣ, а потомъ и воспитателемъ Наслѣдника, будущаго Царя Александра II. Тѣмъ самымъ ощутилъ Жуковскій «должность» литераторскую отходящей на далекій планъ. «Прощай поэзія навсегда съ рифмами! Поэзія другого рода со мною. Ей должна быть посвящена остальная жизнь.» Для себя ничѣмъ не воспользовался Жуковскій. Огромныя возможности, предъ нимъ открывавшіяся, онъ употреблялъ лишь на пользу тѣхъ, кого почиталъ себя вправѣ поддерживать въ ихъ нуждахъ и бѣдахъ. Добрякомъ-поэтомъ, досуги лишь теперь способнымъ отдавать творческому труду, оставался Жуковскій и въ Зимнемъ Дворцѣ. Раньше онъ доступенъ былъ беззаботному веселію: по дѣтски хохоталъ онъ при шуточныхъ церемоніяхъ арзамасскихъ. Теперь онъ остепенился. Смерть Маши (1823 г.) проводитъ новую глубокую борозду. Тишина его души не замутнена: «Ты удалилась, какъ тихій ангелъ, твоя могила, какъ рай, спокойна»... прощается онъ съ ней. Вообще ровность въ его характерѣ. Онъ аккуратенъ, методиченъ.

Эти свойства вноситъ онъ и въ воспитаніе своего царственнаго питомца.

Къ концу своихъ дней познаетъ Жуковскій личную жизнь, когка закончено было воспитаніе Наслѣдника: подругой его закатныхъ дней становится на сорокъ лѣтъ его младшая дѣвушка, дочь друга-художника, Елизавета Рейтернъ. Нашелъ ли счастье въ бракѣ Жуковскій? Протестантка, впослѣдствіи лишь присоединившаяся къ православію, далекая отъ русской культуры и даже не знавшая русскаго языка — могла ли она дать полное удовлетвореніе переселившемуся къ ней въ Дюссельдорфъ Жуковскому? Онъ получалъ, конечно, по свойствамъ своего нрава утѣшеніе въ семьѣ. Дана была ему радость имѣть дѣтей, что опредѣлило въ извѣстной мѣрѣ и направленность его творчества: кое что могъ онъ писать уже для старшей дочери. Но если Жуковскій въ своей жизни могъ ощутить вѣяніе истинной трагедіи — то, надо думать, именно теперь, въ связи, особенно, съ длительной болѣзнью жены — не только тѣлесной. Благостность его натуры во спасеніе и тутъ воспринимаетъ испытанія. Вдали отъ Родины и въ условіяхъ, когда не способна даже и собственная семья явить себя въ образѣ «домашней церкви», носящей въ себѣ душу Родины, становится Жуковскій все болѣе церковнымъ, истинно-православнымъ. Чудомъ было то, что и раньше не отрывался онъ отъ Церкви, привычно воспринимая впечатлѣнія чужихъ культуръ, чужого поэтическаго наслѣдія, проникнутаго мечтательствомъ искаженно-христіанскимъ, а иногда и антихристіанскимъ. Созрѣваніе шло постепенно. Силу его явила смерть Пушкина, какъ мы ее видимъ сквозь писанія Жуковскаго. Отнынѣ созрѣваніе достигаетъ все большей полноты. Являетъ эту полноту самая смерть Жуковскаго. Къ ней готовится Жуковскій въ тѣсномъ общеніи съ священникомъ, пріѣхавшимъ изъ Баденъ-Бадена. Бесѣды приводятъ къ исповѣди и причастію — съ дѣтьми. Церковно-православной была кончина пропитаннаго въ прошломъ чужеземной «экзотикой» свѣтскаго поэта. Тѣло Жуковскаго было перевезено въ Петербургъ и погребено на Александро-Невскомъ кладбищѣ рядомъ съ Карамзинымъ.

⁂

Литературный обликъ Жуковскаго удачно передается словосочетаніемъ «сантиментальный романтизмъ», примѣненнымъ къ нему лучшимъ его изслѣдователемъ, А. А. Веселовскимъ. Не просто то «чувствительность» въ стилѣ ранняго Карамзина, а чувствительность нарочито мечтательная, искусственно вспѣненная, и это не только сказочными мотивами и фантастически разукрашенной исторіей, но порою и мистической экзальтаціей, въ которой зло и добро, свѣтъ и тьма, Богъ и Сатана оказываются стилизованными подъ знакомъ эстетики. Романтизмъ, въ основѣ сво-

ей, есть абсолютизацiя душевности, эмоцiональности, и это безъ всякихъ преградъ, безъ всякихъ ограниченiй, съ готовностiю своимъ воспаленнымъ воображенiемъ проникнуть и въ адъ и въ рай — на самое Третье Небо, все обращая въ символы, въ знаки, въ поэтическiе образы — и святое и грѣшное. Черпаетъ свои мотивы поэтъ-романтикъ изъ нѣдръ прошлаго, изъ народнаго эпоса, изъ своего нутра, порою еще христiански-живого, а порою не просвѣтляемаго уже никакой твердой вѣрой — и творитъ, ощущая себя вполнѣ свободнымъ: въ мечтахъ своихъ онъ преображаетъ объективную дѣйствительность въ субъективную фантазму. Какъ легко было Жуковскому стать игралищемъ этого всевозможнаго мечтательства, возводимаго генiемъ лучшихъ сыновъ Европы въ перлы литературы всякихъ жанровъ. Жуковскiй говорилъ: «переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ — соперникъ». Эту свободу онъ распространилъ и на трактовку темъ, съ большимъ тактомъ — пусть иногда и въ ущербъ поэтической силѣ — удерживаясь надъ влекущими въ пропасть стремнинами и не становясь жертвой злыхъ уклоновъ. Церковно-чистаго, цѣлостнаго христiанскаго духа найдемъ мы мало: мѣшанина то поэтическая. Но будь то рыцарское средневѣковье, будь то античная древность, будь то азiатскiй востокъ или надземная фантастика — не найдемъ мы нигдѣ соблазнительно-порочной двусмысленности. Едва ли есть другой писатель-поэтъ, чьи сочиненiя, въ полномъ объемѣ, не исключая ничего, самого интимнаго, можно было бы дать въ любыя руки безъ опасенiя осквернить душу — въ какихъ бы то ни было смыслахъ.

Это не «учительство», не морализированiе нарочитое, не назиданiе намѣренное. Жуковскiй — въ центрѣ жизни свѣтской, на все откликаясь. «Жизнь и поэзiя — одно», говоритъ онъ въ расцвѣтѣ своего творчества. Ненасытна его любознательность и въ отношенiи «чужого», Но творитъ ли онъ нѣчто оригинальное, часто подъ впечатлѣнiемъ «чужого», переводитъ ли, независимо отъ темы и жанра, нравственная высококачественность остается въ силѣ — ровная, умиленная, растроганная, спокойная. Нѣтъ аристократическаго пессимизма. Нѣтъ эротики. Нѣтъ патетики заостренно политической или соцiальной. Нѣтъ напыщеннаго славословiя. На всемъ печать интимной мягкости.

Мнѣ рокъ судилъ брести невѣдомой стопой,
Быть другомъ мирныхъ селъ, любить красы природы,
Дышать подъ сумракомъ дубравной тишины
И, взоръ склонивъ на пѣнны воды,
Творца, друзей, любовь и счастье воспѣвать...

А воспѣвать сталъ Жуковскiй такъ, что самый звукъ его голоса, самая музыка его языка являла нѣчто новое въ своей не-

отразимой привлекательности. Эпоху сдѣлала его элегія «Сельское кладбище», навѣяннная англійскимъ поэтомъ Т. Греемъ (1716-1771).

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся за рѣкой;
Усталый селянинъ медлительной стопою
Идетъ, задумавшись, въ шалашъ спокойный свой.
Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ...
Повсюду тишина; повсюду мертвый сонъ;
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ... *)

Съ этихъ своихъ первыхъ строкъ элегія 19-лѣтняго Жуковскаго, тогда же въ 1802 г. напечатанная Карамзинымъ въ его «Вѣстникѣ Европы», уже являла «плѣнительную сладость» (по позднѣйшему выраженію Пушкина), присущую стихамъ Жуковскаго. Обозначилась тутъ и особая изобразительность пейзажная, свойственная Жуковскому. Онъ считалъ, что красоты природы должны плѣнять насъ тѣмъ «невидимымъ, что возбуждаютъ въ душѣ и что ей темно напоминаютъ о жизни и о томъ, что далѣе жизни». Весь Жуковскій въ этомъ первомъ его напечатанномъ стихотвореніи, которое, будучи написано размѣромъ подлинника, составило эру въ исторіи русской поэзіи. Поучительно сопоставить его съ переводомъ, сдѣланнымъ Жуковскимъ почти сорокъ лѣтъ спустя въ Англіи подъ впечатлѣніемъ того именно кладбища, которое вдохновило Грея. Переводъ этотъ, новый, точно передавая содержаніе подлинника, написанъ уже гекзаметромъ. Онъ выдержанъ и красивъ — сдѣланъ мастеромъ. Но онъ не имѣетъ того поэтическаго очарованія, которымъ благоухаетъ переводъ юношескій. Этотъ поздній переводъ не сталъ бы пограничной вѣхой на грани двухъ эпохъ и не заставилъ бы созвучно дрожать сердца современниковъ...

Приведемъ нѣсколько еще образцовъ «плѣнительной сладости» разновременныхъ стиховъ Жуковскаго.

Въ тѣни деревъ, надъ чистыми водами
Державный холмъ вы видите-ль, друзья?
Чуть слышно тамъ плескаетъ въ брегъ струя;
Чуть вѣтерокъ тамъ дышетъ межъ листами;
На вѣтвяхъ лира и вѣнецъ...
Увы! друзья, сей холмъ — могила...
Здѣсь прахъ пѣвца земля сокрыла;
Бѣдный пѣвецъ!

(«Пѣвецъ», 1811 г.).

---

*) Примѣчаніе Жуковскаго: «Въ Англіи привязываютъ колокольчики къ рогамъ барановъ и козъ».

Отчизнѣ кубокъ сей, друзья!
  Страна, гдѣ мы впервые
Вкусили сладость бытія,
  Поля, холмы родные,
Родного неба милый свѣтъ,
  Знакомые потоки,
Златыя игры первыхъ лѣтъ,
  И первыхъ лѣтъ уроки,
Что вашу прелесть замѣнитъ?
  О, родина святая,
Какое сердце не дрожитъ,
  Тебя благословляя?

(«Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ» 1812 г.).

Но гаснетъ день... въ тѣни склонился листъ къ водамъ;
Древа облечены вечерней темнотою;
Лишь пробирается по тихимъ ихъ верхамъ
Заря багряной полосою...
Я на брегу одинъ... окрестность вся молчитъ...
Какъ привидѣніе въ туманѣ предо мною
Семья младыхъ березъ недвижимо стоитъ
Надъ усыпленною водою...
Смотрю... и, мнится, все, что было жертвой лѣтъ,
Опять въ видѣніи прекрасномъ воскресаетъ;
И все, что жизнь сулитъ, и все, чего въ ней нѣтъ,
Съ надеждой къ сердцу прилетаетъ...
И ангелъ отъ земли въ сіяньѣ предо мной
Взлетаетъ; на лицѣ величіе смиренья;
Взоръ къ небу устремленъ: надъ юною главой
Горитъ звѣзда преображенья...
Одна лишь смутная мечта въ душѣ моей;
Какъ будто міръ земной въ ничто преобратился;
Какъ будте та страна знакома стала ей,
Куда сей чистый ангелъ скрылся.

(«Славянка» 1815 г.)

Минувшихъ дней очарованье,
Зачѣмъ опять воскресло ты?
Кто разбудитъ воспоминанье
И замолчавшія мечты?

(«Пѣсня», 1819 г.)

Скажи, кто ты, плѣнитель безымянной?
Съ какихъ небесъ примчался ты ко мнѣ?

Зачѣмъ опять влечешь къ обѣтованной,
Давно, давно покинутой странѣ?
О, Геній мой, побудь еще со мною;
Бывалый другъ, отлетомъ не спѣши;
Останься, будь мнѣ жизнію земною;
Будь ангеломъ-хранителемъ души.

(«Къ мимолетному знакомому Генію», 1819 г.)

Безмолвное море, лазурное море,
Стою очарованъ надъ бездной твоей.
Ты живо; ты дышешь; смятенной любовью,
Тревожною думой наполнено ты. . .
Ты въ безднѣ покойной скрываешь смятенье,
Ты, небомъ любуясь, дрожишь за него.

(«Море», 1822 г.)

Опять ты здѣсь, мой благодатный Геній,
Воздушная подруга юныхъ дней;
Опять съ толпой знакомыхъ привидѣній,
Тѣснишься ты, Мечта, къ душѣ моей...

(«Двѣнадцать спящихъ дѣвъ», 1810-1817 г.)

Простите вы, холмы, поля родные;
Пріютно-мирный, ясный долъ, прости;
Съ Іоанной вамъ ужъ болѣ не видаться,
Навѣкъ она вамъ говоритъ: прости.
Друзья — луга, древа, мои питомцы,
Вамъ безъ меня и цвѣсть, и доцвѣтать;
Ты, сладостный долины голосъ, эхо,
Такъ часто здѣсь игравшее со мной,
Прохладный гротъ, потокъ мой быстротечный,
Иду отъ васъ и не приду къ вамъ вѣчно.

(«Орлеанская Дѣва», 1817-1818 г.)

Достаточно цитатъ. Онѣ являютъ привлекательность поэзіи Жуковскаго. Онѣ даютъ достаточное представленіе о характерѣ мечтательности Жуковскаго — т. наз. «меланхоліи». Ее такъ опредѣлялъ Жуковскій въ 1808 г.: «Меланхолія не есть ни горесть ни радость: я назвалъ бы ее оттѣнкомъ веселія на сердцѣ печальнаго, оттѣнкомъ унынія на душѣ счастливца». Однако, для меланхоліи Жуковскаго существенно, что она, т. ск., не исчерпывается этимъ эмоціональнымъ содержаніемъ, являясь лишь оболочкой чего то большаго и высшаго. «На землѣ все для души: царства и родъ человѣческій суть только явленія, существуетъ одна душа». Такое сужденіе опрокидываетъ меланхолію, какъ стойкое міроощущеніе. Пусть мечтательностію обезсмыслена дума о

будущей жизни — сознаніе этой будущей жизни живетъ въ душѣ. Относительно рано налетаютъ на Жуковскаго ощущенія, свидѣтельствующія о томъ, что душа его далеко не чужда вѣяніямъ духа. Онъ говоритъ о высокихъ чувствахъ, когда «смятенная душа полна пророчествомъ великаго видѣнія и въ безпредѣльное унесена», прозрѣвая «святыя таинства» — «ненареченное»: «горѣ душа летитъ, все необъятное въ единый вздохъ тѣснится, и лишь молчаніе понятно говоритъ». Понятно отсюда, что могло настать время, когда бы была Жуковскимъ изжита «меланхолія» вполнѣ. Такъ и стало. Онъ самъ могъ уже говорить о ней въ 1845 г.: «Какое же мѣсто можетъ въ этомъ христіанскомъ мірѣ найти меланхолія, которая не иное что, какъ тоска посреди разрушенія и утраты, ничѣмъ не замѣняемыхъ, тогда какъ въ христіанскомъ мірѣ по-настоящему нѣтъ утратъ. Гибнетъ только то, что не наше; все же что составляетъ вѣрное достояніе и сокровище нашей души, упрочено ей на всю вѣчность».

Изжитъ былъ Жуковскимъ его «сантиментальный романтизмъ». Онъ не былъ позой — онъ былъ дѣтствомъ души. Къ раннему Жуковскому относятся проницательныя слова Пушкина:

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль
И рѣзвая задумается радость. . .

Это не меланхолія; нѣчто болѣе высокое узрѣлъ и въ молодомъ Жуковскомъ Пушкинъ. И, быть можетъ, именно надъ гробомъ Пушкина, въ размышленіяхъ надъ своимъ ученикомъ, ставшимъ его признаннымъ учителемъ, слагался созрѣвшій Жуковскій. Много намъ говоритъ знаменитое описаніе Жуковскимъ смерти Пушкина, какъ и слѣдующее стихотвореніе, посвященное Жуковскимъ умершему Пушкину:

Онъ лежалъ безъ движенья, какъ будто по тяжкой работѣ
Руки свои опустилъ. Голову тихо склоня,
Долго стоялъ я надъ нимъ, одинъ, смотря со вниманьемъ
Мертвому прямо въ глаза; были закрыты глаза,
Было лицо его мнѣ такъ знакомо, и было замѣтно,
Что выражалось на немъ, — и въ жизни такого
Мы не видали на этомъ лицѣ. Не горѣлъ вдохновенья
Пламень на немъ; не сіялъ острый умъ;
Нѣтъ! Но какою-то мыслью, глубокой, высокою мыслью
Было объято оно: мнилося мнѣ, что ему
Въ этотъ мигъ предстояло какъ будто видѣнье,
Что то сбывалось надъ нимъ, и спросить мнѣ хотѣлось:
что видишь?

Это ужъ не мечта; это не «Геній», воображеніемъ созданный хотя бы и съ чертами Ангела: то — встрѣча съ духовнымъ міромъ.

По новому складывается внутренній міръ сложившагося Жуковскаго. Изъ-подъ пера его выходятъ не только поэтическія произведенія, но и размышленія высокаго строя, обычно замалчиваемыя нашимъ литературовѣдѣніемъ. Чтобы дать представленіе о созрѣвшемъ Жуковскомъ приведемъ цитату изъ письма отъ 1850 г. «Все, что церковь намъ дала **одинъ разъ навсегда,** то мы должны принять безусловно вѣрно также **одинъ разъ навсегда.** Въ это дѣло нашему уму не слѣдуетъ мѣшаться; ему принадлежитъ только актъ этого принятія или, вѣрнѣе, протоколъ этого принятія и потомъ примѣненіе къ практической жизни. Иной философіи быть не можетъ, какъ философія христіанства, которой смыслъ **отъ Бога къ Богу**...» А о себѣ Жуковскій въ томъ же году такъ могъ писать: «Чистый свѣтъ христіанства, который всегда мнѣ былъ по сердцу, былъ завѣшенъ предъ мною прозрачной завѣсой жизни; онъ проникалъ сквозь эту завѣсу, и глаза его видѣли, но все же былъ з а в ѣ ш е н ъ , и вниманіе болѣе останавливалось на тѣхъ поэтическихъ образахъ, которые украшали завѣсу, нежели на томъ свѣтѣ, который одинъ давалъ имъ видимость, но ими же былъ заслоненъ отъ души, разсѣянной ихъ поэтической прелестью...» Можно-ли точнѣе и выразительнѣе опредѣлить творчество и самое жизнь Жуковскаго — той поры, когда имъ было создаваемо основное, что создало его славу?

Умѣстно отмѣтить здѣсь и то завершительное пониманіе Запада, которое сложилось у Жуковскаго лишь послѣ страшныхъ впечатлѣній 1848 г. Реформація пошатнула авторитетъ церкви, и значеніе религіи. Возникъ мятежъ противъ власти, какъ божественной, такъ и человѣческой. Явился раціонализмъ, отсюда пантеизмъ, въ заключеніе атеизмъ. Родилась идея общественнаго договора. «Изъ него самодержавіе народа, котораго первая степень представительная монархія, вторая степень демократія, третья степень соціализмъ съ коммунизмомъ; можетъ быть и четвертая, послѣдняя степень: уничтоженіе семейства и вслѣдствіе того возвышеніе человѣчества, освобожденнаго отъ всякой обязанности, ограничивающей чѣмъ-либо его личную независимость, въ достоинство совершенно свободнаго скотства». Спасеніе Жуковскій видитъ въ религіи и въ самодержавіи. Оцѣнилъ онъ по достоинству въ это время и всю цѣну восторженности, которой выраженіемъ служилъ и самъ въ молодости: энтузіазмъ хорошъ только, «когда онъ утвержденъ на вѣчномъ фундаментѣ христіанства».

Не будемъ не только излагать, но даже и перечислять тѣ сокровища западной, античной и восточной литературы, которыя Жуковскій сдѣлалъ достояніемъ русскаго общества. То было огромное достиженіе, ибо и самый языкъ въ значительной мѣрѣ

надо было еще создавать, и Пушкинъ, именуя Жуковская «Геніемъ перевода», справедливо одновременно подчеркивалъ, что Жуковскій былъ «въ бореніяхъ съ трудностью борецъ необычайный». Если въ ранніе годы онъ много вниманія удѣлялъ фантастикѣ, ставъ, какъ онъ самъ говорилъ, «поэтическимъ дядькой на Руси чертей и вѣдьмъ, нѣмецкихъ и англійскихъ», то зрѣлые годы посвятилъ монументальнымъ произведеніямъ народнаго эпоса. На первомъ мѣстѣ надо поставить плодъ семилѣтняго труда — Одиссею.

Иліада переведена была у насъ Н. И. Гнѣдичемъ, который по совѣту Уварова, впервые примѣнилъ размѣръ подлинника, уничтоживъ предварительные труды шести лѣтъ. Когда, еще черезъ 15 лѣтъ, переводъ гекзаметромъ былъ завершенъ, Пушкинъ могъ привѣтствовать Гнѣдича двустишіемъ:

Слышу умолкнувшій звукъ божественной эллинской рѣчи,
Старца великаго тѣнь чую смущенной душой.

За Одиссею взялся Жуковскій. Онъ не зналъ греческаго языка и пользовался дословнымъ построчнымъ переводомъ, спеціально для него сдѣланнымъ однимъ нѣмецкимъ ученымъ. Въ художественномъ отношеніи трудъ Жуковскаго оставляетъ далеко за собою Гнѣдича. Не ошибался Жуковскій, говоря, что этимъ оставляетъ себѣ «твердый памятникъ». Изъ другихъ крупныхъ трудовъ назовемъ: «Ундину» (1831-36), передающую въ стихахъ прозаическую повѣсть нѣмецкаго писателя Ламотъ-Фуке; «Наль и Дамаянти», составляющую стихотворное изложеніе одного эпизода огромной индійской повѣсти Магабараты, согласно поэтическаго же перевода ея на нѣмецкій языкъ Рюккерта (1837-1841); «Рустемъ и Зорабъ» — поэтическое переложеніе эпизода изъ поэмы древнеперсидскаго поэта Фирдуси, тоже согласно нѣмецкаго перевода Рюккерта (1846-7).

Остановиться надо нѣсколько на достоинствахъ переводовъ Жуковскаго. Мы знаемъ, что онъ не считалъ себя слишкомъ связаннымъ подлинникомъ. «У меня почти все чужое, говорилъ онъ о себѣ, или по поводу чужого, — и все, однако, мое»... Могъ онъ поэтому не смущаться незнаніемъ языка подлинника, поэтическимъ геніемъ угадывая духъ подлинника. Но ошибкой было бы разсматривать переводы Жуковскаго даже съ языковъ, ему хорошо извѣстныхъ, какъ шедевры именно перевода. А. Филоновъ въ своей знаменитой Христоматіи приводитъ, въ видѣ исключенія, балладу Гете «Лѣсной царь» въ оригиналѣ рядомъ съ текстомъ Гете.

Кто скачетъ, кто мчится подъ хладною мглою?
Ѣздокъ запоздалый, съ нимъ сынъ молодой.
Къ отцу, весь издрогнувъ, малютка приникъ,
Обнявъ, его держитъ и грѣетъ старикъ.
— Дитя, что ко мнѣ ты такъ робко прильнулъ? —

«Родимый, Лѣсной Царь въ глаза мнѣ сверкнулъ...»

Переводъ сохраняетъ самый ритмъ оригинала, и первое впечатлѣніе что и текстъ сохраненъ. Филоновъ своими замѣчаніями заставляетъ насъ признать, что не такъ-то: предъ нами, въ сущности, новое произведеніе, свободно пользующееся и текстомъ и образами.

Предъ нами не Гете, а Жуковскій: расплылось, смягчилось многое...

⁂

Какое-же историческое мѣсто надо дать Жуковскому? Тутъ надо различать намъ планъ близкій и далекій. Въ рамкахъ своей эпохи, какъ ея любимецъ и прославленный пѣвецъ, Жуковскій все же сынъ XVIII вѣка, корнями въ него уходящій: не случайно Екатерина и Суворовъ были живыми его впечатлѣніями. Поучительна картина, которую онъ нарисовалъ своей дочери — «Царскосельскій лебедь». Онъ разсказываетъ, какъ предъ молодыми лебедями

...вновь помолодѣлый
Лебедь благородный дней Екатерины
Пѣлъ, прощаясь съ жизнью, гимнъ свой лебединый.
А когда допѣлъ онъ — на небо взглянувши
И крылами сильно дряхлыми взмахнувши —
Къ небу, какъ во время оное бывало,
Онъ съ земли рванулся... и его не стало
Въ высотѣ... и навзничь съ высоты упалъ онъ,
И прекрасенъ мертвый на хребтѣ лежалъ онъ,
Широко раскинувъ крылья, какъ летящій,
Въ небеса вперяя взоръ ужъ не горящій.

Есть оттѣнокъ автобіографическій въ этомъ стихотвореніи, написанномъ въ стилѣ необычайномъ для Жуковскаго. Самъ авторъ не безъ умысла, конечно, послалъ его старому другу Плетневу съ поясненіемъ, что вышелъ «не простой лебедь», а выразилась въ немъ и старческая хилость автора.

Величіе Россіи, которое явило себя въ сознаніи Жуковскаго, впервые въ образѣ вѣка Екатеринискаго, было частью неотрывной души Жуковскаго. Тутъ мы сталкиваемся съ явленіемъ сложности человѣческаго сердца — неизъяснимой. Мягкій, податливый, впечатлительный, какъ бы даже пассивный человѣкъ, созданный для того, чтобы отражать въ себѣ все многообразіе человѣческой культуры — и тутъ же органическая принадлежность къ самому костяку Россійскаго Великодержавія. И это было не просто, какъ онъ однажды выразился въ частномъ письмѣ, «удивительное очарованіе, заключенное въ чувствѣ отечественной славы, способное вызвать вдохновеніе поэтическое» (вспомнимъ «Пѣснь во станѣ русскихъ воиновъ»). Это было стойкое умоначертаніе, неуклонно

созрѣвавшее и обусловившее въ Жуковскомъ такую цѣлостность національно-государственнаго міровоззрѣнія, которое далеко оставляетъ за собою Карамзина и ставитъ Жуковскаго на особое мѣсто среди всѣхъ современниковъ. Не случайно могъ оказаться онъ однимъ изъ немногихъ сочувственниковъ знаменитыхъ откровеній гоголевской «Переписки съ друзьями», не созвучныхъ даже инымъ ближайшимъ единомышленникамъ Гоголя. Съ полнымъ правомъ вмѣняется въ заслугу Жуковскому гуманная настроенность Александра II. Извѣстны внушенія его царственному питомцу:

Да на чредѣ высокой не забудетъ
Святѣйшаго изъ званій — человѣкъ.
Жить для вѣковъ въ величіи народномъ,
Для блага всѣхъ — свое позабывать,
Лишь въ голосѣ отечества свободномъ
Съ смиреніемъ дѣла свои читать:
Вотъ правила царей великихъ внуку.

Но ничего размягченно-гуманитарнаго и слащаво-либеральнаго въ созрѣвшемъ Жуковскомъ не было. Въ тупикъ ставятъ литературовѣдовъ размышленія Жуковскаго о смертной казни, относящіяся къ концу его дней. Государственникомъ трезвымъ сталъ мечтательный Жуковскій. Въ этомъ смыслѣ созвученъ Жуковскій вполнѣ былъ Императору Николаю I — и вполнѣ естественно было, что именно къ нему обратился А. Ѳ. Львовъ, когда, по указанію Государя, онъ долженъ былъ написать русскій гимнъ.

Долго не давалось Львову найти нужное! Наконецъ, вдохновеніе посѣтило его. «Въ одинъ вечеръ, возвратясь домой поздно, я сѣлъ къ столу и въ нѣсколько минутъ гимнъ былъ написанъ». То была мелодія. А слова? Гдѣ ихъ взять? Львовъ обратился къ Жуковскому, который тутъ-же и сочинилъ ихъ: «Боже, Царя храни! Сильный, державный! Царствуй на славу намъ! Царствуй на страхъ врагамъ, Царь православный! Боже Царя храни! »

25 декабря 1834 года (какъ разъ годъ принесенія присяги Наслѣдникомъ, ученикомъ Жуковскаго) въ Зимнемъ Дворцѣ, въ день изгнанія враговъ изъ Россіи, Государь приказалъ исполнить впервые этотъ гимнъ. Съ удовлетвореніемъ могъ записать Львовъ слѣдующее: «мигомъ музыка гимна разнеслась по полкамъ, по всей Россіи и, наконецъ, по всей Европѣ». Гимнъ сталъ мгновенно неотрывной частью Россіи. Стали достояніемъ каждаго русскаго и слова гимна — твореніе Жуковскаго — бывшія частью и его души...

Въ томъ-же 1834 году состоялось открытіе Александровской колонны. Приведемъ отрывки изъ замѣчательнаго описанія этого торжества, вышедшаго изъ-подъ пера Жуковскаго.

«Небо было чисто; солнечный свѣтъ спокойно лежалъ на неподвижномъ войскѣ, на тихомъ народѣ и на колоннѣ, которая лучезарнымъ крестоноснымъ своимъ ангеломъ ярко отражалась отъ лазури небесной. И въ этой вышинѣ всѣмъ слышная молитва священнослужителя съ повременнымъ торжественнымъ пѣніемъ клира; и въ общемъ колѣнопреклоненіи войска, народа и предъ ними Государя: чудесное сліяніе земнаго могущества, простертаго въ прахъ, съ таинственнымъ могуществомъ креста, надъ нимъ восходящаго; и невидимое соприсутствіе чего то безыменнаго, чего то выражающаго все, что намъ драгоцѣнно, чего то шепчущаго душѣ: Россія, слава минувшая, слава грядущая; наконецъ, умилительное слово вѣчная память и имя Александра, и вслѣдъ за тѣмъ упавшая завѣса колонны и громкозвучное продолжительное ура! соединенное съ залпами пяти сотъ пушекъ, отъ которыхъ весь воздухъ превратился въ торжественную бурю славы... для изображенія такой минуты нѣтъ словъ, и самое воспоминаніе о ней уничтожаетъ дарованіе описателя. Нельзя было смотрѣть безъ глубокаго душевнаго умиленія на Государя, смиренно стоящаго на колѣняхъ впереди многочисленнаго войска, сдвинутаго словомъ Его къ подножію сооруженнаго имъ колосса...»

Заключается описаніе торжества слѣдующимъ размышленіемъ:

«Тамъ, на берегу Невы, подымается скала, дикая и безобразная, и на этой скалѣ всадникъ, достигнувъ высоты, осадилъ могучаго коня на краю стремнины, и на этой скалѣ Петръ, а рядомъ съ нимъ Екатерина; и въ виду этой скалы воздвигнута нынѣ другая несравненно огромнѣе, но уже не дикая, изъ безобразныхъ камней набросанная громада, а стройная, величественная, искусствомъ округленная, колонна и ей подножіемъ служатъ бронзовые трофеи войны и мира; и на высотѣ ея уже не человѣкъ скоропреходящій, а вѣчный сіяющій Ангелъ; и подъ крестомъ сего Ангела издыхаетъ то чудовище, которое тамъ на скалѣ, полураздавленное, извивается подъ копытами конскими; и между сими двумя монументами (вокругъ которыхъ подъемлются зданія великолѣпныя и Нева кипитъ всемірной торговлею) однимъ мановеніемъ царскимъ сдвинута была армія стотысячная; и въ этой арміи подъ одними орлами и Русскій и Полякъ, и Ливонецъ и Финнъ, и Татаринъ и Калмыкъ, и Черкесъ и боецъ Закавказскій; и эта армія прошла отъ Торнео до Арарата, отъ Парижа до Адріанополя и громкому ура ея отвѣчали пушки съ кораблей Чесмы и Наварина... Не вся ли это Россія? Россія, созданная вѣками, бѣдствіями, побѣдою? Россія, прежде безобразная скала, набросанная медленнымъ временемъ, мало-по-малу, подъ громомъ древнихъ междуусобій, подъ шумъ половецкихъ набѣговъ, подъ гне-

томъ татарскаго ига, въ бояхъ Ливонскихъ, сплоченная самодержавіемъ, слитая во-едино и обтесанная рукою Петра и нынѣ стройная, единственная въ свѣтѣ своей огромностію колонна? И Ангелъ, вѣнчающій колонну сію, не то ли знаменуетъ, что дни боеваго созданія для насъ миновались, что все для могущества сдѣлано, что завоевательный мечъ въ ножнахъ и не иначе выйдетъ изъ нихъ, какъ только для сохраненія; что наступило время созданія мирнаго; что Россія, все свое взявшая, извнѣ безопасная, врагу недоступная или погибельная, не страхъ, а стражъ породнившейся съ нею Европы, вступила нынѣ въ новый великій періодъ бытія своего, въ періодъ развитія внутренняго, твердой законности, безмятежнаго пріобрѣтенія всѣхъ сокровищъ общежитія; что опираясь всѣмъ Западомъ на просвѣщенную Европу, всѣмъ Югомъ на богатую Азію, всѣмъ Сѣверомъ и Востокомъ на два океана, богатая и добрымъ народомъ и землею для тройнаго народонаселенія и всѣми дарами природы для животворной промышленности, она, какъ удобренное поле, кипитъ брошенною въ нѣдра ея жизнью, и готова произрастить богатую жертву гражданскаго благоденствія, ввѣренная самодержавію, коимъ была создана и упрочена ея сила и коего символъ нынѣ воздвигнутъ передъ нею Царемъ ея въ лицѣ сего крестоноснаго Ангела, а имя его Божія Правда».

Птенчикъ гнѣзда Екатерининскаго, Жуковскій сумѣлъ стать созвучнымъ не только Александровской эпохѣ, но и Николаевской, одновременно бросая сѣмена, изъ которыхъ выросла эпоха Александра II. Но въ своемъ духовномъ ростѣ, достигъ Жуковскій, какъ мы знаемъ, большаго: онъ сумѣлъ возвыситься до церковно-православнаго сознанія, цѣлостнаго, опережая далеко свой вѣкъ. Тутъ «русскость» этого мечтательнаго полутурченка, которая въ ранніе годы выражалась въ неподражаемо мягкомъ изображеніи русскаго быта («Свѣтлана» его и сейчасъ радуетъ каждое дѣтское сердце, и не даромъ въ Арзамасѣ именно подъ кличкой «Свѣтланы» извѣстенъ былъ Жуковскій), тутъ «русскость» достигла своего полнѣйшаго, можно сказать, предѣльнаго воплощенія, тѣмъ свидѣтельствуя объ исключительной духовной высококачественности нравственнаго облика Жуковскаго.

Вотъ нравственная привлекательность Жуковскаго, какъ и Карамзина, была признаваема всѣми. Но отличалась она какой то особенной просвѣтленностью, обусловленной той способностію самозабвенія, о которой мы говорили, какъ о существеннѣйшемъ свойствѣ Жуковскаго. Н. И. Тургеневъ говорилъ въ 1826 г.: «Изъ всѣхъ людей, которыхъ я знавалъ, я не видалъ другой души столь чистой и невинной». Самосовершенствованіе было задачей, которую онъ поставилъ себѣ еще въ 14 лѣтъ. Полуслѣпой, онъ кончалъ жизнь твореніемъ «Странствующаго жида», въ образѣ кото-

раго воплощалъ мучительно обрѣтаемое изъ бездны грѣха духовное совершенствованіе — не отвлеченное, а означающее обрѣтенье Христа и сліяніе съ Нимъ, ранѣе отвергнутымъ. Это — твореніе исключительной силы. Князь П. А. Вяземскій счелъ возможнымъ такъ высказаться объ этомъ произведеніи: «Странствующій жидъ» занимаетъ первенствующее мѣсто не только между твореніями Жуковскаго, но едва ли не во всемъ циклѣ русской поэзіи. Со мною немногіе согласятся: надо признаться, что эта поэма, эта прерванная смертью лебединая пѣснь великаго поэта, мало обратила на себя вниманіе литературныхъ нашихъ судей и читателей, вскормленныхъ на другой пищѣ и лакомыхъ до другой поэзіи». Эти слова, сказанныя сто лѣтъ тому назадъ и приведенныя въ едва ли не единственной статьѣ, посвященной нарочито Жуковскому, какъ «поэту-христіанину»*), могли бы быть повторены и сейчасъ. Эта статья помѣщена въ журналѣ «Странникъ» въ 1902 году, а вмѣстѣ съ ней была напечатана и другая статья, посвященная творенію Жуковскаго еще менѣе замѣченному: переводу Новаго Завѣта на русскій языкъ. Это было сдѣлано Жуковскимъ на склонѣ лѣтъ для малолѣтнихъ его дѣтей.

Въ концѣ рукописи Евангелія отъ Іоанна сдѣлана такая приписка: «Начато въ 1844 году въ іюнѣ мѣсяцѣ во Франфурттѣ на Майнѣ. Кончено въ 1845 году, апрѣля 10/23 въ среду на Страстной Недѣлѣ.

Господи въ руку Твою предаю духъ мой».

А въ концѣ Откровенія имѣется слѣдующая приписка: «1 января 1846 г. Франкфуртъ на Майнѣ. Захсенгаузенъ». И далѣе, на особой страницѣ:

«Дарю эту рукопись на новый годъ и въ день рожденія сыну моему Павлу, которому нынѣ исполнился одинъ годъ. Да будетъ надъ нимъ благодать Господа Бога и нашего Спасителя Іисуса Христа». Аминь.

Переводъ этотъ былъ напечатанъ въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ въ Берлинѣ въ 1895 г. и продавался въ магазинахъ Св. Синода по очень дорогой цѣнѣ (5 рублей въ переплетѣ). Въ предисловіи сообщалось, что переводъ этотъ сдѣланъ въ то время, когда не было еще утвержденнаго Св. Синодомъ изданія Новаго Завѣта на русскомъ языкѣ. Сообщается тутъ же, въ статьѣ безъ подписи, что изданіе перевода Жуковскаго сдѣлано по порученію одного высокопоставленнаго лица. Мотивомъ изданія, какъ сообщаетъ предисловіе, послужило то, что этотъ переводъ можетъ быть полезнымъ для послѣдующихъ дѣятелей въ подобномъ предпріятіи, какъ сдѣланный извѣстнымъ знато-

*) Л. Сиземскій. Поэтъ-христіанинъ В. А. Жуковскій. «Странникъ» 1902 г. Апрѣль-май.

комъ русскаго языка, и это тѣмъ болѣе, что Жуковскій безъ особой надобности не отступалъ отъ выраженій славянскаго текста. Тутъ же «Странникъ» воспроизводитъ рядъ евангельскихъ чтеній, ставя рядомъ съ переводомъ Жуковскаго синодальный текстъ.

Мы только нѣсколькими штрихами обозначили обликъ «церковнаго» Жуковскаго, остающагося до сихъ поръ заслоненнымъ поэтомъ-Жуковскимъ. Но и этого малаго достаточно, чтобы онъ предсталъ предъ нашимъ внутреннимъ окомъ во всей своей могучей силѣ.

Великъ былъ Жуковскій и какъ поэтъ. Могъ же Пушкинъ въ 1825 писать о немъ: «Я не слѣдствіе, а только ученикъ его, и только тѣмъ и беру, что не смѣю сунуться на дорогу его, а бреду проселочной. Никто не имѣлъ и не будетъ имѣть слога, равнаго въ могуществѣ и разнообразіи слогу его...» Но какъ бы служебный характеръ принимаютъ всѣ достиженія Жуковскаго на этомъ поприщѣ предъ ликомъ духовнымъ этого замѣчательнаго человѣка, который, не переставая быть поэтомъ до послѣдняго своего вздоха и не углубляясь, ни въ церковную жизнь, ни въ богословствованіе, сумѣлъ интуитивно обрѣсти церковно-православное сознаніе, въ своей цѣлостности ставящее его на первое мѣсто среди всего нашего литературнаго міра.

ПРИЛОЖЕНІЕ

Отрывокъ изъ творенія В. А. Жуковскаго «Странствующій жидъ».

Тогда былъ вѣкъ Траяна; въ Римъ
Изъ областей прибывшій императоръ
Въ Веспасіановомъ амфитеатрѣ
Кровавыя готовилъ граду игры:
Бой гладіаторовъ — и христіанъ
Преданіе звѣрямъ на растерзанье.
Пронесся слухъ, что будетъ знаменитый
Антіохійской церкви пастырь, старецъ
Игнатій, льву ливійскому на пищу
Въ присутствіи Траяна преданъ. Трепетъ
Неизглаголанный при этомъ слухѣ
Меня проникъ. Съ народомъ побѣжалъ я
Въ амфитеатръ... И что моимъ очамъ
Представилось, когда я съ самыхъ верхнихъ
Ступеней обозрѣвалъ глазами бездну
Людей тамъ собранныхъ! Сквозь яркій пурпуръ
Растянутой надъ зданьемъ легкой ткани,
Которую блескъ солнца багрянилъ,
И зданье, и народъ, и на высокомъ
Сѣдалищѣ отвсюду зримый кесарь
Казались огненными. Въ это
Мгновеніе послѣдній гладіаторъ,
Народомъ непрощенный, былъ зарѣзанъ
Своимъ противникомъ. Съ окровавленной
Арены мертвый трупъ его тащили.
И стала вдругъ она пуста. Народъ
Умолкъ и ждалъ, какъ будто въ страхѣ, знака
Не подавая нетерпѣнья. Вдругъ
Въ глубокой этой тишинѣ раздался
Изъ подземелья львиный ревъ, и сквозь
Отверстый входъ амфитеатра, старецъ
Игнатій — съ нимъ двѣнадцать христіанъ,
Съ своимъ епископомъ себя предавшихъ —

На страшную арену вышли. Старецъ,
Оборотясь къ другимъ, благословилъ ихъ,
Ему съ моленіемъ упавшихъ въ ноги;
Потомъ они, прижавъ ко груди руки,
«Тебя — запѣли тихо — Бога хвалимъ,
Тебя едиными устами въ смертный
Часъ исповѣдуемъ...» О! это пѣнье —
Въ Ерусалимѣ слышанное мною
На праздничныхъ собраньяхъ христіанъ
Съ кипѣньемъ злобы — здѣсь мою всю душу
Проникнуло незапнымъ вдохновеньемъ.
Чтó предо мной открылось въ этотъ мигъ,
Чтó вдругъ во мнѣ предчувствіемъ чего-то
Невыразимаго затрепетало,
И какъ, въ амфитеатръ ворвавшись, я
Вдругъ посреди дотолѣ ненавистныхъ
Мнѣ христіанъ тамъ очутился —
Не знаю... Пѣнье продолжалось; но
Ужъ на противной сторонѣ арены
Желѣзная рѣшетка, загремѣвъ, упала,
И ужъ въ ея отверстіи стоялъ
Съ цѣпей спущенный левъ, и озирался...
И вдругъ, завидя вдалекѣ добычу,
Онъ зарыкалъ... и вспыхнули глаза,
И грива стала дыбомъ... Тутъ впередъ
Я кинулся, чтобъ старца заслонить
Отъ звѣря... Онъ уже къ намъ мчался
Прыжками быстрыми черезъ арену;
Но старецъ, въ сторону меня съ любовью
Рукой смиренно отодвинувъ, мнѣ сказалъ:
«Должно пшено Господнее въ зубахъ
Звѣриныхъ измолоться, чтобъ Господнимъ
Быть чистымъ хлѣбомъ; ты же, другъ, отселѣ
Поди въ свой путь, смирись, живи и жди».
Тутъ былъ онъ львомъ обхваченъ... Но успѣлъ
Еще меня перекрестить и взоръ
Невыразимый отъ меня на небо
Въ слезахъ возвесть, какъ бы меня ему
Передавая... О, животворящій,
На вѣчность всю присутственный въ душѣ,
Небеснаго блаженства полный взглядъ!
Могуществомъ великаго мгновенья
Сраженный, я безъ памяти упалъ
Къ ногамъ терзаемаго дикимъ звѣремъ
Святителя. Когда жъ очнулся, вкругъ

Меня въ крови разбросанные члены
Погибшихъ я увидѣлъ, и усталый
Терзаніемъ лежалъ, разинувъ пасть
И быстро грудью жаркою дыша,
Спокойный левъ, вперивъ въ меня свои
Пылающія очи. Но когда
Я на ноги поднялся, онъ вскочилъ,
И заревѣлъ, и въ страхѣ отъ меня
Сталъ пятиться, и быстро вдругъ
Черезъ арену побѣжалъ, и скрылся
Въ своемъ заклепѣ. Весь амфитеатръ
Отъ восклицаній задрожалъ — а я
Отъ мѣста крови, плача, удалился,
И изъ воротъ амфитеатра безпреградно вышелъ...
Чтó послѣ въ оный чудный день случилось,
Не помню я; но въ благодатномъ взглядѣ,
Которымъ мученикъ меня усвоилъ
Въ послѣдній часъ свой небесамъ, опять
Блеснула свѣтлая звѣзда, мгновенно
Мнѣ нѣкогда блеснувшая съ Голгоѳы,
Въ то время безотрадно, а теперь
Какъ лучъ спасенія. Какъ будто что-то
Мнѣ говорило, что моя судьба
Переломилась на двое; стремленье
Къ чему-то неиспытанному мною
Глубóко мнѣ втѣснилось въ грудь, и знакомъ
Такого измѣненья было то,
Что проклинаніе моимъ устамъ
Произноситъ уже противно стало,
Что злоба сердца моего въ унылость
Безмолвно-плачущую обратилась,
Что наконецъ страданія мои
Внезапная отрада посѣтила:
Еще неоткровенное — какъ свѣжій,
Предутренній благоуханный воздухъ —
Вливалося въ меня и усмиряло
Мою борьбу съ собой... О! этотъ взглядъ...
Онъ мнѣ напомнилъ тотъ прискорбно-кроткій,
Съ какимъ былъ въ оный день мой приговоръ
Произнесенъ... Но я уже не злобой
Наполненъ былъ при томъ воспоминаньи,
А скорбію раскаянья глубокой,
И чувствовалъ стремленье пасть на землю,
Зарыть лицо во прахъ и горько плакать...
То были первыя минуты тайной,

Будящей душу благодати, первый,
Еще неясно слышный, безотвѣтный,
Но усладительный призывъ къ смиренью
И къ покаянью. Въ языкѣ нѣтъ слова,
Чтобъ имя дать подобному мгновенью,
Когда съ очей души вдругъ слѣпота
Начнетъ спадать, и Божій свѣтлый міръ
Внутри и внѣ ея, какъ изъ могилы,
Начнетъ съ ней вмѣстѣ воскресать. Такое
Движеніе въ моей окаменѣлой
Душѣ внезапно началося... Было
Оно подобно зыби послѣ бури,
Когда нѣтъ вѣтра, небеса свѣтлѣютъ,
А волны долго въ дикомъ безпорядкѣ
Бросаются, кипятъ и стонутъ. Въ этой
Борьбѣ души межъ тьмой и свѣтомъ, я
Неодолимое влеченье въ край
Отечества почувствовалъ, къ горамъ
Ерусалима. И къ брегамъ желаннымъ
Немедля, поплылъ я; корабль мой
Прибила буря къ острову Патмосу. Промыслъ
Господній втайнѣ отъ меня ту бурю
Послалъ. Тамъ жилъ изгнанникъ, старецъ
Столѣтній, Іоаннъ, благовѣститель
Христа и ученикъ Его любимый.
О немъ не вѣдалъ я... Но Провидѣнье
Меня безвѣдомо къ нему путемъ
Великой бури привело, и цѣпью бури
Корабль нашъ былъ прикованъ къ берегамъ
Скалистымъ острова, пока со мной
Вполнѣ моя судьба не совершилась...
Скитаясь одиноко, я незапно
Во глубинѣ долины, сокровенной
Отъ странника густою тѣнью пальмъ
И кипарисовъ, встрѣтилъ тамъ святого
Апостола...»
При этомъ словѣ палъ
На землю Агасверъ и долго онъ,
Лежалъ недвижимъ, головой во прахѣ;
Когда жъ онъ всталъ, его слезами были
Облиты щеки; а въ чертахъ его
Тысячелѣтняго лица, съ глубокой
Печалію, съ невыразимо-грустной
Любовію была слита молитвы
Неизглаголанная святость. Онъ

Былъ въ этотъ мигъ прекрасенъ той красою,
Какой не знаетъ міръ...
Онъ продолжалъ:
«Ни помышлять, ни говорить объ этой встрѣчѣ
Я не могу иначе, какъ простершись въ прахъ,
Въ тоскѣ раскаянья, въ тоскѣ любви,
Проникнутой огнемъ благодаренья.
Онъ изъ кремня души моей упорной
Животворящимъ словомъ выбилъ искру
Всепримиряющаго покаянья;
И именемъ Того, Кто намъ одинъ
Даетъ надежду, вѣру и любовь,
Мой страшнаго отчаянья удѣлъ
Преобратилъ въ удѣлъ святаго мира.
И наконецъ, когда я, сокрушенный,
Какъ тотъ разбойникъ на крестѣ, къ ногамъ
Обиженнаго мной, съ смиреннымъ сердцемъ
Упавъ, воскликнулъ: «Помяни меня,
Когда во царствіи Своемъ пріидешь!»
Онъ оросилъ меня водой крещенья.
И на другое утро — о, незаходимый,
О, вѣчный день для памяти моей!
За утренней звѣздою солнце тихо
Надъ моремъ подымалось на востокѣ,
Когда онъ, передъ хлѣбомъ и предъ чашей
Вина со мной простершись, самъ вина и хлѣба
Вкусилъ и мнѣ ихъ далъ вкусить, сказавъ:
«Со страхомъ Божіимъ и съ вѣрой, сынъ мой,
Къ симъ тайнамъ приступи и причастись
Спасенію души въ святомъ Христовомъ
За насъ пронзенномъ тѣлѣ и въ Христовой
За насъ пролитой крови». И потомъ
Онъ долго поучалъ меня, и мнѣ открылъ
Значеніе моей, на испытанье
Великое приговоренной, жизни;
И наконецъ передъ моими, мракомъ
Покрытыми, очами приподнялъ
Покровъ съ грядущаго, покровъ съ того,
Что было, есть и будетъ...
Начинало
Скрываться солнце въ тихомъ лонѣ моря,
Когда, меня перекрестивъ, со мною
Святой евангелистъ простился. Вѣтеръ,
Попутный плаванію въ Палестину,

Сталъ дуть: мы поплыли подъ звѣзднымъ небомъ
Полупрозрачной ночи. Тутъ впервые
Преображеніе моей судьбы
Я глубокó почувствовалъ; впервые,
Уже сто лѣтъ меня не посѣщавшій,
Сошелъ ко мнѣ на вѣжы сонъ, и съ нимъ
Давно забытая покоя сладость
Мою проникла грудь...

Оглавленіе.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ.

страница	строка	напечатано	должно быть
4	11 сн.	Кесарю	Кесаря
11	9 сн.	казачей	казачьей
37	9 св.	составѣ	составъ
43	6 сн.	собственую	собственную
45	15 сн.	укрепилось	укрѣпилось
64	15 сн.	депутаы	депутаты
69	8 сн.	невозможно	невозможно»
79	1 св.	непресвѣшенію	непросвѣщенію
106	17 сн.	свѣта	свѣтла
118	23 сн.	дѣйствтельностью	дѣйствительностью
127	20 сн.	выпущененный	выпущенный
133	6 св.	напечатанными	напечатаннымъ
140	17 св.	руской	русской
142	4 св.	русскухъ	русскихъ
145	5 сн.	Карамизнъ	Карамзинъ

На стран. 39 стр. 18 сверху вмѣсто ошибочно набраной строки надо читать:

Воспомяни, что мой покоя духъ не знаетъ
